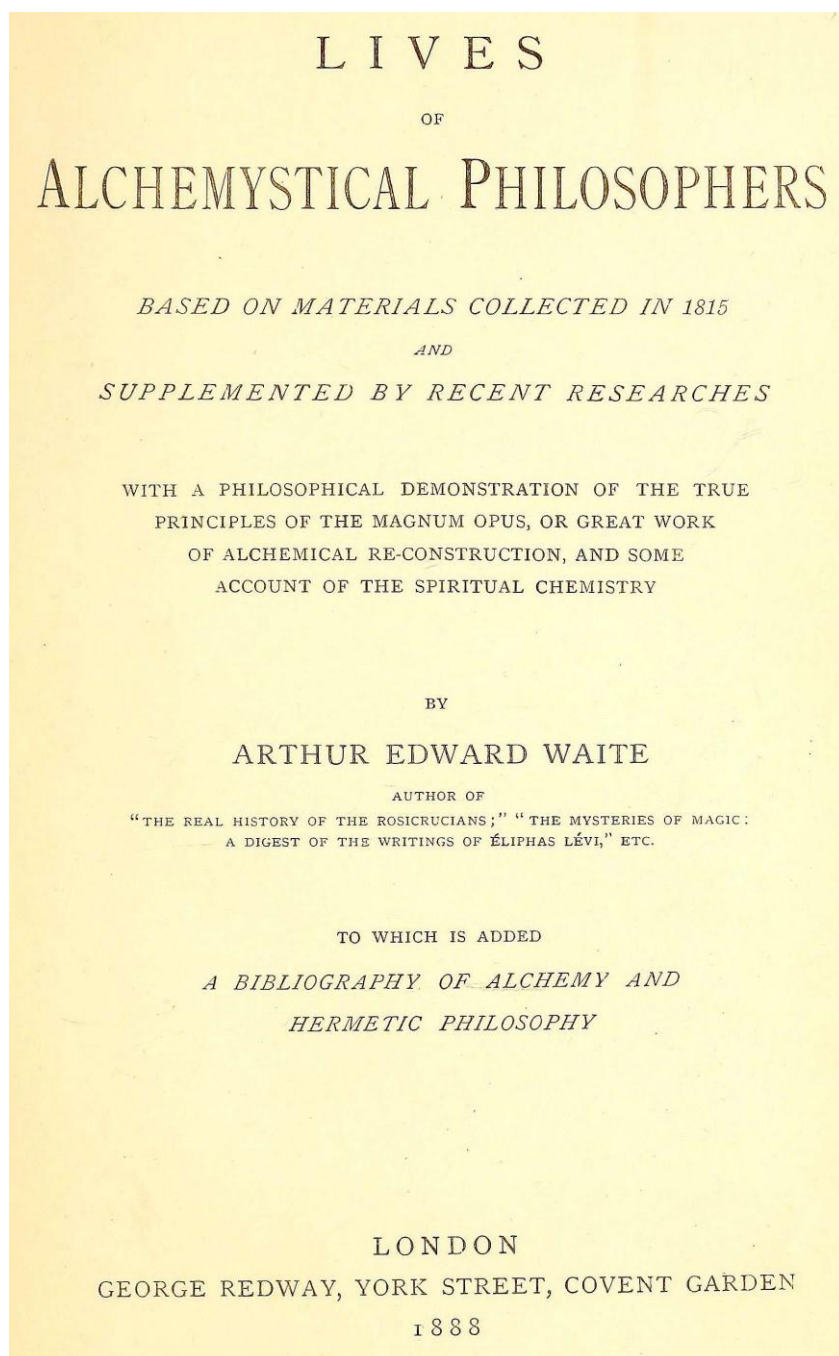

Биографии алхимиков-философов, а также библиография по алхимии и герметической философии

Фрэнсис Барретт
Артур Эдвард Уэйт

Электронная книга проекта Гутенберга Жизнь алхимических философов

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Жизнь алхимических философов

Автор: Артур Эдвард Уэйт

Фрэнсис Барретт

Дата выпуска: 5 августа 2022 г. [электронная книга № 68687]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: английский

Оригинальное издание: Джордж Редвей, 1888 г.

Благодарности: deaurider, Amber Black и команде онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЖИЗНИ АЛХИМИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ» ***

ЖИЗНИ АЛХИМИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ.

ЖИЗНИ АЛХИМИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ В 1815 ГОДУ И ДОПОЛНЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТАМИ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ФИЛОСОФСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ ИСТИННЫХ ПРИНЦИПОВ МАГНУМ ОПУСА, ИЛИ ВЕЛИКОГО ДЕЛА АЛХИМИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ, И НЕКОТОРЫМИ СВЕДЕНИЯМИ О ДУХОВНОЙ ХИМИИ

АРТУРОМ ЭДУАРДОМ УЭЙТОМ

АВТОРА «НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ РОЗЕНКРЮЦЦАН», «ТАЙН МАГИИ: СБОРНИК ПИСАНИЙ ЭЛИФАСА ЛЕВИ» И Т. Д.

К КОТОРЫМ ДОБАВЛЕНА БИБЛИОГРАФИЯ ПО АЛХИМИИ И ГЕРМЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ЛОНДОН

ДЖОРДЖ РЕДВЕЙ, ЙОРК-СТРИТ, КОВЕНТ-ГАРДЕН

1888

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основой для этой работы послужила книга «Жизнь алхимических философов; с критическим каталогом книг по оккультной химии и подборкой самых известных трактатов по теории и практике герметического искусства», которая была опубликована в 1815 году издательством Lackington, Allen, & Company, расположенным на Финсбери-сквер в Лондоне. Некоторые коллекционеры приписывают эту анонимную книгу Фрэнсису Баррету, автору скандально известного трактата «Маг, или Небесный разведчик», но можно с уверенностью утверждать, что как по содержанию, так и по стилю изложения она намного превосходит крайне скудные способности этого легковверного любителя оккультизма. Это действительно произведение, отличающееся глубоким смыслом и скромной проницательностью, которое в настоящее время является библиографической редкостью, высоко ценимой его владельцами.

Независимые исследования, которые дополнили биографические материалы оригинального сборника, привели к появлению в настоящем томе практически новой работы под старым названием; те биографии, которые остались практически неизменными в отношении фактов, были в той или иной степени переписаны с целью сокращения многословности и устранения архаичных форм, которые были бы неуместны в работе, столь значительно измененной добавлением новых деталей. «Алфавитный каталог работ по герметической философии» был значительно расширен за счет таких источников, как «*Histoire de la Philosophie Hermétique*» Лангле-дю-Фреснуа. Предварительное изложение «Физической теории и практики Великого дела» представляет собой небольшой оригинальный набросок, который даст читателям, не знакомым с алхимией, некоторое представление о процессах, используемых признанными мастерами. Вводная статья о предмете алхимической философии отстаивает новые и важные взгляды на великий вопрос психической химии и дает истинную оценку противоречивым теориям, выдвинутым различными школами герметической интерпретации.

ВАЖНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ.

Я вынужден добавить к этому предисловию исправление одной или двух ошибок, имеющих абсолютно жизненно важное значение, которые, к сожалению, были упущены в тексте. На странице 188, строка 18, дата должна была быть 1643; на странице 189, строка 5, читать *anno trigesimo tertio* вместо *trigesimo anno*; и в строке 6, *anno vigesimo tertio* вместо *vigesimo anno*. Но если эти исправления восстанавливают первоначальную целостность текста, то открытие, которое я сделал, когда эта работа проходила через печать, полностью аннулировало его ценность. Я был рад увидеть оригинальное издание *Introitus Apertus* Филалетеса — небольшую брошюру в формате октаво в оригинальной бумажной обложке, как она была опубликована в Амстердаме в 1667 году. Оно однозначно подтверждает, что его загадочный автор родился примерно в 1623 году, то есть на два года позже, чем валлийский адепт Томас Воган, с которым его так долго отождествляли. Это оригинальное издание чрезвычайно редко; я полагаю, что я единственный английский мистик, который видел его в нынешнем поколении. Читатель должен понять, что расчет на указанных страницах был основан на дате 1643 года; эта дата, в свете оригинального издания, оказалась ошибочной, и по странному стечению обстоятельств то, что было случайно напечатано, оказалось правильным за счет расчета.

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ.

	СТРАНИЦА
Предисловие	5
Вступительное эссе о истинных принципах и природе Великого дела и о его связи с духовной химией	9
О физической теории и практике Великого Дела	38

ЖИЗНИ АЛХИМИКОВ.

Гебер	44
Расис	46
Альфараби	48
Авиценна	51
Мориен	53
Альберт Великий	57
Фома Аквинский	61
Роджер Бэкон	63
Ален де Лисль	67
Раймонд Лулли	68
Арнольд де Вилланова	88
Жан де Мен	90
Монах Ферриус	92
Папа Иоанн XXII.	93
Николас Фламель	95
Питер Боно	118
Иоганнес де Рупецисса	119
Василий Валентин	120
Исаак Голландский	123
Бернард Тревизан	124
Джон Фонтейн	129
Томас Нортон	130
Томас Далтон	133
Сэр Джордж Рипли	134
Пик де Мирандола	136
Парацельс	137
Дени Закэр	140
Беригард из Пизы	148
Томас Чарнок	148
Джованни Брачческо	151
Леонарди Фиораванти	153

Джон Ди	153
Генри Кунрат	159
Михаэль Майер	160
Якоб Бёме	161
Й. Б. ван Хельмонт	166
Батлер	168
Жан Д'Эспанье	170
Александр Сетон	171
Михаил Сендивогиус	175
Густенховер	181
Бусардые	182
Анонимный адепт	184
Альбер Белин	186
Ириней Филалеф	187
Пьер Жан Фабр	200
Иоанн Фридрих Гельвеций	201
Джузеппе Франческо Борри	208
Джон Хейдон	210
Ласкарис	211
Делиль	216
Джон Герман Оберейт	219
Путешествия, приключения и заключения Джозефа Бальзамо	220

Алфавитный каталог работ по герметической философии и алхимии	274
Приложение	307
Указатель	313

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ

О ИСТИННЫХ ПРИНЦИПАХ И ПРИРОДЕ МАГНУМ ОПУСА И О ЕГО СВЯЗИ С ДУХОВНОЙ ХИМИЕЙ.

Те, кто не знаком с современной алхимической критикой, даже если они имеют некоторое представление о мистическом лабиринте *turba philosophorum*, вероятно, с удивлением узнают, что мнения компетентных судей разделились не только по поводу методов таинственной герметической науки, но и по поводу самого объекта алхимии. То, что она занимается трансмутацией, признается, но трансмутация металлов или любых физических веществ в материальное золото решительно отрицается избранной группой авторитетных исследователей оккультизма. Трансцендентальная теория алхимии, которую они излагают,

неуклонно завоевывает популярность, хотя два учебника, которые в настоящее время ее представляют, оба вышли из печати и являются чрезвычайно редкими.

В 1850 году в Лондоне была анонимно опубликована книга «Провокационное исследование герметической тайны и алхимии, являющееся попыткой восстановить древний эксперимент природы», написанная женщиной с высокими интеллектуальными способностями, но почти сразу же изъята по неизвестным причинам, что дало повод для нескольких бесполезных спекуляций. Эта любопытная и заслуживающая внимания книга, написанная в причудливом стиле « » прошлого века, положила начало рассматриваемым взглядам и открыла поле для споров.

Через пятнадцать лет после появления «Suggestive Inquiry» американский писатель по имени Хичкок, после, по-видимому, независимых исследований, пришедших к аналогичным выводам, также анонимно опубликовал в 1865 году некоторые «Замечания об алхимии и алхимиках» в небольшом октавовом томе, представляющем значительный интерес. Предыдущий автор дал психическую интерпретацию тайнам герметической типологии, а г-н Хичкок, приняв моральную интерпретацию, сделал эту тему доступной для самых обычных читателей и, как следствие, привлек к ней значительное внимание.

Высказанные таким образом взгляды постепенно проникли в сознание людей и, в сочетании с теорией Парацельса о психическом создании материального золота с помощью внутреннего магнетизма, оказали значительное влияние на возрожденный оккультизм современности. Сам по себе этот вопрос, если рассматривать его с самой низкой точки зрения, является одним из самых любопытных во всей сфере эзотерической археологии; а для студентов, чей интерес к великой алхимической тайне не носит антикварного характера, он действительно представляет собой первостепенный интерес и имеет высшее значение. В описании жизни и трудов герметических адептов он требует адекватного рассмотрения; и после тщательных исследований я полагаю, что обнаружил истинную алхимическую теорию, которая будет одинаково приемлема для всех школ интерпретации.

Высшей и открытой целью каждого иерофанта, а также каждого поступающего и претендента в *ars magna*, открытой Гермесом Трисмегистом, обычно считается химическое производство материального золота из коммерчески некачественных веществ. С другой стороны, Хичкок, приводя впечатляющую серию дословных цитат из « » от писателей всех веков и всех национальностей, предпринимает попытку продемонстрировать, что скрытая тема каждого истинного адепта только одна — а именно, Человек, триединый, и что «цель также одна, а именно, его совершенствование, в то время как сам метод не менее един, а именно, природа, направляемая искусством в школе природы и действующая в соответствии с ней; ибо искусство — это не что иное, как «природа, действующая через человека»». И снова: «Настоящие алхимики не стремились к мирским богатствам или почестям. Их настоящей целью было совершенствование или, по крайней мере, улучшение человека. Согласно этой теории, такое совершенство заключается в определенном единстве, живом ощущении единства человеческой и божественной природы, достижение которого я не могу сравнить ни с чем, кроме как с опытом, известным в религии как Новое Рождение. Желаемое совершенство, или единство, является состоянием души, *состоянием Бытия*, а не просто состоянием Познания. Это состояние Бытия является развитием природы человека изнутри, результатом процесса, в ходе которого все злое в нашей природе изгоняется или подавляется под названием излишеств, а доброму дается возможность свободно действовать. Поскольку этот результат едва доступен естественному человеку без посторонней помощи и требует содействия божественной силы, он называется *Donum Dei*».

Когда отдельный человек, посредством естественного и надлежащего процесса, лишенного спешки и насилия, приводится в единство с самим собой благодаря гармоничному действию интеллекта и воли, он находится на пороге понимания того трансцендентного Единства, которое является совершенством Природы в целом (), «ибо то, что называется «абсолютом», «абсолютным совершенством» и совершенством Природы, является одним и тем же».

В символике алхимиков этот автор говорит нам, что *сера* означает Природу, а *ртуть* — сверхъестественное. Неразрывная связь этих двух элементов в человеке называется *Сол*, но «поскольку эти три элемента рассматриваются как неразрывно единое целое, эти термины могут использоваться взаимозаменяемо». По словам Хичкока, мистическим и загадочным инструментом подготовки в алхимической работе является совесть, которую называют тысячей вводящих в заблуждение и, по общему признанию, несоответствующих имен. С помощью этого инструмента, пробужденного к жизненной деятельности под влиянием ощущения присутствия Бога, материя камня, а именно Человек, в первую очередь очищается и освящается, чтобы сделать возможным внутреннее осознание Истины. «По метафоре, само сознание считается очищенным, хотя на самом деле сознание не нуждается в очищении, а только человек, чтобы сознание могло действовать свободно». [A]

Одно из имен, данных алхимиками совести, согласно этой теории, — это средняя субстанция, которая участвует в азуриновой сере — то есть в небесном духе — Духе Божьем. «Тихий голос в алхимии, как и в Писании, сравнивается с *огнем*, который готовит путь для того, что многие писатели называют Светом».

В другом месте Хичкок более категорично утверждает, что в широком круге человеческих интересов есть только одна тема, которая может дать интерпретацию приведенных им цитат, и это то, что известно под теологическим названием «духовное возрождение». Этот дар Бога алхимики исследовали как произведение Природы в Природе. «Покаяние, которое в религии считается началом обращения, является «философским раскаянием» герметической аллегии. Это первый шаг человека к открытию всего своего существа. Они также называли это черным состоянием вещества, в котором происходила работа растворения, прокаливания, отделения и т. д., после чего наступало очищение, белое состояние, содержащее красное, так же как черное содержало белое». Эволюция славного и сияющего красного состояния приводила к фиксации или совершенствованию материи, и тогда душа, как полагали, вступала в истинный покой в Боге.

Поскольку эта интерпретация касается главным образом совести, я назвал ее моральной теорией алхимии; но Хичкок, как человек духовного прозрения, не мог не заметить, что его метод объяснения касался только пути, а бесформенный свет «Конца», который он не мог или не хотел рассматривать, по его собственному признанию, постоянно мерцал перед ним.

В остальном, когда алхимики говорят о долгой жизни как об одном из даров Камня, он считает, что они имеют в виду бессмертие; когда они приписывают ему чудодейственные свойства универсального лекарства, их намерение состоит в том, чтобы отрицать любые положительные качества зла и, по аналогии, любую вечность. Когда они утверждают, что обладание Камнем означает уничтожение алчности и всякого незаконного желания, они имеют в виду, что все злые страсти исчезают перед светом раскрытой Истины. Под трансмутацией металлов они подразумевали преобразование человека из низшего в высший порядок существования, из естественной жизни в духовную, хотя эти выражения неадекватны для передачи истинного смысла, который вкладывают в них адепты. Силы вечно активной природы должны пониматься с помощью таких выражений, как «огни»,

«менструалы» и т. д., которые действуют в унисон, потому что они действуют в Природе, а алхимики единодушно отрицают существование какого-либо беспорядка в творении Бога.

В заключение Хичкок еще раз заявляет, что его цель — обратить внимание на тему алхимии. Он не пытается до конца разъяснить практический подход к этой возвышенной науке (). Поэтому очевидно, что он, по крайней мере, подозревал о существовании более трансцендентных секретов, которые он не считал себя способным обсуждать, и отказался говорить о них неадекватно.

Автор «Suggestive Inquiry» уже занял более высокую позицию психической интерпретации и разработал свои замечательные принципы, которые я постараюсь изложить как можно кратко.

Согласно этой работе, современное искусство химии не имеет никакого отношения к алхимии, за исключением терминологии, которая использовалась адептами для сокрытия своих божественных тайн. Процесс всей герметической работы описан с относительной ясностью в трудах философов, за исключением сосуда, который является священным арканом, но без знания о нем никто не может достичь мастерства. Теперь публикация сочинений Якоба Бёме заставила алхимиков, которые были его современниками, опасаться, что их искусство не сможет долго оставаться тайной и что, в частности, мистическая ваза вскоре будет раскрыта всем. Эта ваза — *vas insigne electionis*, а именно Человек, который является единственным всеобъемлющим субъектом и который один нуждается в исследовании для окончательного открытия всего. Современные адепты описывают жизнь человека как чистый, обнаженный и не смешанный огонь безграничных возможностей. Таким образом, человек является истинной лабораторией герметического искусства; его жизнь является предметом, великой дистилляционной установкой, дистиллируемым веществом и дистиллированным веществом; а самопознание лежит в основе всей алхимической традиции.

«Современные открытия в настоящее время склоняются к идентификации света, общего жизненного питания, как в движущем согласии во всей человеческой кровеносной системе с планетарными сферами, и гармоничных расположениях оккультного медиума в пространстве; и по мере того, как человеческая физиология продвигается вместе с другими науками, понятие нашей естественной соответствия расширяется, пока, наконец, сознательное отношение, кажется, будет только подтверждать древнюю традицию».

В дополнение к способностям, которые он обычно использует для общения с материальной вселенной, человек обладает в себе зародышем более высокой способности, раскрытие и развитие которой дают интуитивное знание о скрытых источниках природы. Эта способность мудрости действует магическим образом и образует союз со всеведущей природой, так что просветленное понимание ее обладателя воспринимает структуру вселенной и наслаждается свободной проницательностью мысли во всеобщем сознании.

В поддержку этого утверждения приводится аргумент, что доказательством естественного разума, даже в делах повседневной жизни, является интуиция, что интуитивная вера имеет уверенность, превосходящую разум и независимую от него, что существование универсалий в человеческом уме включает в себя обещание, выходящее далеко за его пределы, и является устойчивым доказательством другого существования, как бы сознательно неизвестного оно ни было.

Истинные методы и условия самопознания следует изучать у древних авторов. Открытие истинного Света алхимии является наградой за адекватное изучение истинного

психического опыта. Алхимия предлагает «такое восстановление природы, которое позволит обнаружить этот латекс, не разрушая ее носителя, а только модальную жизнь; и утверждает, что это не только было доказано как возможное, но и что человек, рационально обуславливая, сумел развить в действие Восстановительную Силу».

Единственное необходимое, единственное действие, которое должно быть совершенным, чтобы человек мог познать себя, — это возвышение, посредством адекватно очищенного духа, познавательной способности до интеллектуального воспоминания.

Трансцендентальная философия таинств () полностью зависит от очищения всего понимания, без которого они ничего не обещают.

Конечная цель идентична цели герметистов, теургов и древнегреческих мистиков. Это сознательное и гипостазическое соединение интеллектуальной души с Божеством и ее участие в жизни Бога; но концепция, заключенная в этом божественном имени, бесконечно трансцендентна, и в герметических операциях, прежде всего, всегда нужно помнить, что Бог находится внутри нас. «Посвященный видит сам Божественный Свет, без какой-либо формы или образа — тот свет, который является истинным *astrum solis*, минеральным духовным солнцем, которое является Вечным Движением Мудрых, и той сатурнианской солью, которая развилась до интеллекта и, поднявшись, подчиняет всю природу Его воле. Это Полночное Солнце Апулея, Зажженный Камень Анаксагора, Триумфальная Колесница Антимония, Вооруженный Магнит Гельвеция, Огненная Колесница Меркабы и Камень с новым именем, написанным на нем, который обещан тому, кто победит, иницирующим Спасителем человечества».

Этот метод интерпретации герметических аллегорий рассчитан на то, чтобы бесконечно возвысить алхимиков в глазах всех мыслящих умов. Из, возможно, алчных исследователей второстепенной области физической науки они преобразуются в мечтателей о самых возвышенных мечтах, каких только можно вообразить, а если то, что они задумали, было осуществлено, то они являются божественными и просветленными монархами, восседающими на вершинах вечности и властвующими над своими бесконечными душами.

Такая привлекательная теория, разработанная в интересах людей, которых романтика уже возвысила в золотистом облаке тайны, окутывающем как их утверждения, так и их личности, вполне может быть принята на недостаточных основаниях из-за ее поэтического великолепия, поэтому будет полезно выяснить факты и аргументы, на которых она фактически основана.

И Хичкок, и беспримерная женщина, которой мы обязаны «Suggestive Inquiry», ссылаются на алхимические сочинения в поддержку своих утверждений. Поэтому необходимо представить читателю несколько их цитат и комментариев.

Первое, что бросается в глаза изучающему алхимию, — это единодушная убежденность всех философов в том, что определенные инициационные упражнения морального и духовного характера являются необходимым предварительным условием для операций, которые обычно считаются физическими. Здесь несоответствие очевидно, и поэтому утверждается, что сам процесс является духовным и что он был материализован в трудах адептов, чтобы запутать и ввести в заблуждение непосвященных, а также для защиты эзотерических психологов во времена Инквизиции и костров.

Следующая подготовка к изучению антимония рекомендуется Василием Валентином. «Вопервых, призыв к Богу с определенным небесным намерением, исходящим из глубины искреннего сердца и совести, чистой от всякой амбиции, лицемерия и всех других пороков,

имеющих к ним какое-либо отношение; такими как высокомерие, дерзость, гордость, роскошь, раздражительность, угнетение бедных и другие подобные пороки, которые должны быть искоренены из сердца; чтобы, когда человек желает простерться перед престолом благодати, чтобы обрести здоровье, он мог сделать это с совестью, свободной от бесполезных сорняков, чтобы его тело было преобразовано в святой храм Бога и очищено от всякой нечистоты. Ибо Бог не даст себя посмеяться (о чем я искренне предупреждаю всех), как думают мирские люди, угождающие и льстящие себе своей собственной мудростью. Бог, говорю я, не даст себя посмеяться, но Создатель всех вещей будет призываем с благоговейным страхом и признаваем с должным послушанием... Это настолько верно, что я абсолютно уверен, что ни один нечестивый человек никогда не станет причастником истинного лекарства, тем более вечного, небесного хлеба. Поэтому возложите все свои намерения и доверие на Бога; призывайте Его и молитесь, чтобы Он даровал вам Свое благословение. Пусть это будет началом вашего дела, чтобы тем самым вы могли достичь желаемой цели и в конце концов осуществить то, что намеревались. Ибо страх Господень — начало мудрости».

Второе качество — это созерцание, под которым, по словам Василия, «я понимаю точное внимание к самому делу, под которое подпадают следующие соображения, которые следует отметить в первую очередь. Например, каковы обстоятельства чего-либо; что это за вещь; какова ее форма; откуда происходят ее действия; откуда она вливается и внедряется; как она порождается... а также как тело всего может быть... разложено на свою первоначальную материю или сущность. Это созерцание является небесным и должно пониматься с помощью духовного разума, ибо обстоятельства и глубины вещей не могут быть поняты иначе, как духовным размышлением человека: и это созерцание является двояким. Одно называется возможным, другое — невозможным. Последнее состоит в обильных размышлениях, которые никогда не приводят к результатам и не проявляют никакой формы материи, поддающейся осязанию, как если бы кто-то пытался понять Вечность Всевышнего, что тщетно и невозможно; да, это грех против Святого Духа, так высокомерно вникать в саму Божественность, которая безгранична, бесконечна и вечна, и подвергать непостижимый совет тайн Божьих человеческому расследованию. Другая часть созерцания, которая возможна, называется теорией. Она созерцает то, что воспринимается на ощупь и зрением, и имеет природу, сформированную во времени; она рассматривает, как эта природа () может быть поддержана и усовершенствована путем саморешения; как каждое тело может излучать из себя добро или зло, яд или лекарство, скрытое в нем; как следует обращаться с разрушением и соединением, благодаря чему, при правильном подходе, без софистических обманов, чистое может быть отделено и отделено от нечистого. Это отделение производится и устанавливается с помощью различных ручных операций... некоторые из которых широко известны по опыту, другие далеки от обычного опыта. Это кальцинация, сублимация, реверберация, циркуляция, гниение, переваривание, дистилляция, кохобация, фиксация и тому подобное; все степени которых обнаруживаются в работе, изучаются, воспринимаются и проявляются ею же. Отсюда ясно будет видно, что подвижно, что неподвижно, что белое, что красное, черное, синее, зеленое, а именно, когда операция правильно установлена мастером; ибо возможно, что операция может ошибиться и отклониться от правильного пути; но чтобы Природа ошиблась, когда с ней правильно обращаются, невозможно. Поэтому, если вы ошибетесь, так что природа не сможет быть полностью свободной и освободиться от тела, в котором она удерживается в плену, вернитесь снова на свой путь; изучите теорию более совершенным образом и более практично исследуйте метод вашей деятельности, чтобы вы могли обнаружить основу и уверенность в отделении всех вещей; что является предметом большого беспокойства. И это второе основание философии, которое следует за

молитвой; ибо в этом заключается суть дела и содержится в следующих словах: «Ищите прежде Царства Божьего и правды Его молитвой, и все остальное будет вам приложено».

Возможно, даже на этом предварительном этапе цитирования можно подумать, что есть много аргументов в пользу физической теории алхимии. Однако особое внимание обращается на знаменитые «Каноны Эспанье» и на следующий отрывок из «»: «Свет этого знания — дар Божий, который Он по Своей воле дарует тем, кому пожелает. Поэтому пусть никто не приступает к его изучению, пока, очистив и освятив свое сердце, не посвятит себя полностью Богу и не избавится от всякой привязанности к нечистым вещам. Те, кто занимает почетные должности и служит на государственном посту или всегда занят частными и необходимыми делами, пусть не стремятся достичь вершин этой философии, ибо она требует всего человека; и, найдя его, она овладевает им, а овладев им, отрывает его от всех долгих и серьезных занятий, считая все остальное чуждым ему и не имеющим ценности. Пусть тот, кто жаждет этого знания, очистит свой ум от всех злых порывов, особенно от гордости, которая является мерзостью для небес и вратами ада. Пусть он часто молится и занимается благотворительностью; пусть он мало общается с миром; пусть он воздерживается от чрезмерного общения с людьми и наслаждается постоянным спокойствием, чтобы ум мог более свободно рассуждать в уединении и быть более возвышенным; ибо, если он не будет зажжен лучом божественного света, он едва ли сможет проникнуть в сокровенные тайны истины... Ученый новичок с быстрым умом, постоянным умом, воспламененный любовью к философии, очень быстрый в естественной философии, с чистым сердцем, совершенным в манерах, сильно преданный Богу, даже если он не знает химии, может с уверенностью вступить на путь Природы и внимательно изучать книги лучших философов. Пусть он найдет себе остроумного товарища и не отчаивается в достижении своего желания».

Здесь Хичкок указывает, что эта операция явно не является химической, поскольку главным инструментом является целеустремленное и сосредоточенное мышление на самых высоких интеллектуальных уровнях. Вывод о том, что навыки в области естественной философии незаменимы, опровергается противоположным утверждением, что незнание химии не обязательно является причиной неудачи. В этой связи следует помнить, что в период Эспанье различие между алхимией и химией едва ли можно было назвать существующим, и на первый взгляд это утверждение почти равносильно утверждению, что для достижения *великого дела* не нужно было разбираться в свойствах металлов.

«Пусть любитель истины, — продолжает автор Канонов, — пользуется лишь немногими философами, но самыми известными и опытными; пусть он с подозрением относится к вещам, которые быстро понимаются, особенно к мистическим именам и тайным операциям, ибо истина скрыта в неясности; философы никогда не пишут более обманчиво, чем когда пишут ясно, и никогда более правдиво, чем когда пишут неясно».

Точно так же «Новый свет алхимии», ложно приписываемый Сендивогию и высоко ценимый среди изучающих герметизм, заявляет, что «самое похвальное искусство алхимии — это дар Божий, и по-настоящему его можно обрести только благодаря одной лишь милости Божьей, просвещающей разум, вместе с терпеливым и благочестивым смирением, или благодаря наглядному демонстрированию со стороны какого-нибудь опытного мастера».

В «*Anima Magica Abscondita*» Евгений Филалеф дает следующий совет ученику, будь то магии или алхимии: «Не предпринимай ничего опрометчиво. Подготовь себя, пока не станешь достойным Того, Кого ты хочешь принять. У тебя есть Трое, которые должны принять, и есть Трое, которые дают. Приведи свой дом в соответствие с твоим Богом в том, что ты можешь, а в том, что ты не можешь, Он поможет тебе. Когда ты приведешь свой дом в порядок, не

думай, что твой гость придет без приглашения. Ты должен изнурить Его благочестивыми настойчивыми просьбами. Это путь, по которому ты должен идти, и на котором ты увидишь внезапное просветление, *eritque in te cum Lumine Ignis, cum Igne Ventus, cum Vento Potestas, cum Potestate Scientia, cum Scientiâ sanæ mentis integritas*. Это цепь, которая квалифицирует мага. Это место (а именно, обитель Архетипа), куда, если ты сможешь однажды подняться, а затем спуститься —

Tunc ire ad Mundum Archetypum sæpe atque redire,

Cunctarumque Patrem rerum spectare licebit —

ты обретишь тот дух, *Qui quicquid portentosi Mathematici, quicquid prodigiosi Magi, quicquid invidentes Naturæ persecutores Alchymistæ, quicquid Dæmonibus deteriores malefici Necromantes promittere audent. Ipse novit discernere et efficere idque sine omni crimine, sine Dei offensâ, sine Religionis injuria*. Такова сила, которую получит тот, кто из шумных бурь этого мира поднимется к сверхъестественному тихому голосу, из этой низкой земли и ума, с которыми соединено его тело, к духовным, невидимым элементам своей Души».

Точно так же еще более великий Ириней Филалеф заявляет, что только Бог открывает всю тайну *aqua philosophorum*, что все, кого Он не научил, должны блуждать в тумане и заблуждении, но что она открывается тем, кто трудится в учении и молитве.

Цитаты можно продолжать бесконечно. *Centrum Naturæ Concentratum*, приписываемое Алипили, и трактат, имеющий некоторую репутацию, заявляет, что «высшая мудрость заключается в том, чтобы человек познал себя, потому что в нем Бог поместил свое вечное слово, которым все было сотворено и поддерживается, чтобы быть его Светом и Жизнью, благодаря которому он способен познать все вещи во времени и вечности... Поэтому пусть высокие исследователи и искатели глубоких тайн природы сначала узнают, что есть в них самих, прежде чем искать во внешних вещах вне себя; и с помощью божественной силы внутри себя пусть они сначала исцелят себя и преобразят свои души; тогда они смогут процветать и с успехом искать тайны и чудеса Бога во всех естественных вещах».

Эти цитаты, некоторые из которых неизвестны или, во всяком случае, не цитируются Хичкоком, никоим образом не подтверждают тезисы, обсуждаемые в его книге. Если философы, из которых они взяты, и обладали всей тайной богатства, то они сочли целесообразным скрыть ее от непосвященных, и их работы, полные практически неразрешимых загадок, являются скорее провозглашением факта их успеха, чем светом для тех, кто стремился следовать по их стопам. В этих условиях они поняли, что в слепых догадках, которые неизбежно вызывали их символы, ни один ученик никогда не достигнет истинного света алхимии, кроме как по чистой случайности — другими словами, по милости Небес, о которой они, соответственно, советовали ему молить. Ни один из рассматриваемых отрывков не противоречит физической цели алхимии, и в цитате из Алипили очевидно, что упомянутые тайны и чудеса включают в себя металлическую трансмутацию в сознании автора. Исследователю природных тайн было рекомендовано советоваться с Автором природных тайн единственно возможным способом.

«Тот, кто пытается найти наш славный камень, должен, в первую очередь, умолять о помощи всемогущего Иеговы, сидящего на троне милосердия, который является истинным и единственным автором всех тайн природы; господа неба и земли, Царя царей, всемогущего, истинного и мудрого; который не только явствует в микрокосме истину каждой науки

достойным философам и щедро дарует как естественное, так и божественное знание заслуживающим и верным, но и открывает свои сокровища богатства и достатка, которые заключены в бездне природы, тем, кто благочестиво поклоняется ему. И поскольку никому не позволено прикасаться к тайнам природы нечистыми руками, поэтому всем, кто пытается заняться такими делами, надлежит отбросить свою естественную слепоту, от которой они могут освободиться с помощью света Священного Писания и непоколебимой веры, ибо это средства, с помощью которых Святой Дух ясно раскрывает глубоко скрытый свет природы, который один открывает путь к мудрости природы и разгадывает ее самые непостижимые тайны».

Даже сдержанное воображение, о котором говорит автор «Замечаний об алхимии и алхимиках», может заблудиться в лабиринте алхимической символики, а некоторые интерпретации Хичкока чрезвычайно натянуты и неестественны. Его цитаты без разбора собраны из работ самых трансцендентальных писателей и из работ тех, кто, как Джордж Старки, исчерпал язык в категоричных заявлениях о том, что их предмет и объект — это настоящее металлическое золото.

«Пещера Зороастра, или интеллектуальное эхо философов друг другу из своих пещер» — так называется небольшая работа, цитируемая Хичкоком. Она начинается так: «Сухая вода из облаков философов! Ищите ее и будьте уверены, что найдете, ибо она — ключ к недоступному и к тем замкам, которые иначе не пустят вас внутрь. Она — средняя природа между фиксированной и нефиксированной, и имеет в себе сернистый азурин. Это сырой, прохладный, женский огонь, ожидающий своего оплодотворения от мужской солнечной серы». Интерпретация Хичкока такова: чистая совесть! Ищите ее и будьте уверены, что она у вас есть, и т. д. Она имеет промежуточную природу между душой и телом и участвует в небесном духе. Она ожидает своей жизни от Бога.

Само собой разумеется, что с помощью этого метода из любого аллегорического произведения можно извлечь любой смысл. Автор « » («Suggestive Inquiry») гораздо более глубокомыслен и демонстрирует гораздо более острую проницательность. Однако очевидно, что истинность (или ложность) обоих методов интерпретации зависит от связи алхимиков с практической химией. По этому жизненно важному вопросу односторонний подход обоих авторов совершенно поразителен.

«Ни современное искусство, ни химия не имеют ничего общего с алхимией, за исключением заимствованных терминов, которые использовались в основном для того, чтобы скрыть последнюю». То есть алхимики не заложили основы науки, начало которой приписывается им, и в этом вопросе мы ни в коем случае не обязаны им. Это крайнее утверждение уточняется более поздним комментатором, который более подробно излагает свои взгляды.

«То, что химия обязана своим появлением среди наук косвенно алхимикам, безусловно, верно; по крайней мере, я не склонен это оспаривать; но не непосредственной работе самих алхимиков, чья особенная работа заключалась в созерцании, а не в ручном труде. Их перегонная куба, печь, кукурузный стакан, реторта, философское яйцо и т. д., в которых, как говорят, происходили процессы ферментации, дистилляции, извлечения эссенции и спиртов, а также приготовления солей, были созданы человеком — вами самими, дорогой читатель; и если вы погрузитесь в свои собственные исследования и будете откровенны и честны, не признавая никакого другого руководства или авторитета, кроме Истины, вы легко сможете открыть для себя что-то из герметической философии; и если в начале будет «страх и трепет», то в конце вас может ждать более чем компенсирующий это мир.

«Совершенно очевидно, что в большинстве случаев эксперименты, которые привели к появлению химии, проводились людьми, которые были введены в заблуждение алхимиками и искали золото вместо истины ; но люди этого класса не писали книг по алхимии. Многие из них, без сомнения, умерли над своими печами, *«не произнеся ни слова»*, и никто из них не писал книг о философском камне по той простой причине, что они никогда не открывали ничего, о чем можно было бы писать. Я знаю, что некоторые самозванцы намеренно писали о тайнах, чтобы воспользоваться доверчивостью невежественных, но в их работах нет ничего алхимического. Правда также, что многие книги были написаны людьми, которые действительно воображали, что открыли секрет, и тем не менее ошибались. Но этот мнимый успех никогда не мог иметь место, когда целью было золото (), потому что в *сухом факте* никто никогда не был обманут: никто никогда не верил, что открыл способ превращения низших металлов в золото. Это говорит само за себя. Невозможно, чтобы кто-либо мог быть обманут этим голым фактом; но совсем иначе обстоит дело с реальным объектом алхимии, в котором люди были обмануты во все века... потому что этот *предмет* всегда присутствует в мире, и отсюда происходит древность, которую алхимики приписывают своему искусству».

Этот отрывок представляет собой длинную череду просто невероятных неверных утверждений. История химии и жизни адептов свидетельствуют против этого. Моя цель в публикации этой книги — установить истинную природу герметического эксперимента на основе рассказов тех людей, которые его проводили и которые, как показывают простые факты их истории, занимались поиском способа трансмутации металлов. Нет нужды в спорах; факты говорят сами за себя. Мы обязаны основанием химии не слепым последователям алхимиков, а самим адептам, прославленному Геберу, великому магистру Василию Валентину, Раймонду Лулли, верховному иерофанту. Их открытия будут представлены на следующих страницах; здесь для моей цели будет достаточно процитировать мнение французского ученого, специализирующегося на алхимии и являющегося также авторитетом в области современной химии.

«Невозможно отрицать, что алхимия внесла самый непосредственный вклад в создание и прогресс современных физических наук. Алхимики были первыми, кто применил на практике экспериментальный метод, то есть способность наблюдения и индукции в научных исследованиях; кроме того, объединив значительное количество фактов и открытий в области молекулярных действий тел, они положили начало созданию химии. Этот факт... не вызывает никаких сомнений. Еще до VIII века Гебер применил на практике правила этой экспериментальной школы, практический кодекс и общие принципы которой были лишь позже разработаны Галилео и Фрэнсисом Бэконом. Работы Гебера «Сумма всего совершенства» и «Трактат о печах» содержат описание процессов и операций, полностью соответствующих методам, используемым сегодня в химических исследованиях; в то время как Роджер Бэкон в XIII веке, применяя тот же порядок идей к изучению физики, пришел к открытиям, которые для его времени были поразительными. Поэтому невозможно отрицать, что алхимики были первыми, кто положил начало искусству эксперимента. Они подготовили почву для появления позитивных наук, основывая интерпретацию явлений на наблюдении фактов и открыто порвав с бесплодными метафизическими традициями, которые так долго сдерживали прогресс человеческого разума».[B]

Несмотря на всю свою загадочность, уловки и символизм, свидетельства самих алхимиков о физической природе их объекта совершенно однозначны и убедительны. Одним из самых известных экспериментальных алхимических трактатов на английском языке является трактат под названием «The Marrow of » («Суть алхимии»). Он утверждает, что раскрывает

секреты и самые сокровенные тайны эликсира философов, как в теории, так и на практике. Он был опубликован Эйренеом Филопоносом Филалетом, то есть Джорджем Старки, и обычно считается произведением настоящего Филалета; в любом случае, он развивает его принципы и черпает вдохновение у автора *«Introitus Apertus»*. Эта небольшая книга снова и снова, и притом самым категоричным образом, свидетельствует о физическом объекте алхимиков и о том, что они работали с обычным золотом.

«Первым материалом, который мы берем для нашей работы, является золото, а вместе с ним ртуть, которую мы вывариваем до тех пор, пока ни один из них не откажется от другого, в результате чего оба умирают, гниют от разложения, а после этого возрождаются в славе. *Это настоящее золото и ничего другого.* То, что не равняется по весу металлу, никогда не войдет в него в расплавленном состоянии. Ничто, кроме металла, не будет сосуществовать с металлами». Суровая критика высказывается в адрес слепой глупости тех, кто пытается добыть тайный камень из странных материальных субстанций. «Золото является предметом только нашего искусства, поскольку с его помощью мы ищем золото». Те, кто, как благородный сын искусства Мориен, советуют студентам погрузиться в себя, чтобы найти истинную материю, лишь хотели указать, как подобное рождает подобное:

«Как тогда он сам породил свое подобие,

Так и золото должно порождать золото, таково закон природы».

Мориен добавляет, что тайный камень нужно искать в навозной куче, что, по словам «Сути алхимии», означает, что металл нужно подвергнуть гниению. «Те, кто утверждают, что обычное золото не является материей, ошибаются. Золото — это единственное. Никакое другое вещество под небом не может сравниться с ним. Золото — это благородное семя нашего искусства. Но оно мертво. Его нужно освободить, и оно должно попасть в воду. Оно должно быть закалено собственной влажностью; оно должно быть смешано с нашей истинной водой, помещено в надлежащий сосуд, закрыто со всей осторожностью, уложено в надлежащее гнездо и с помощью надлежащего огня склонено к движению». Оно становится истинным золотом философов, когда ретроградным движением стремится к разрешению. «Тогда оно становится нашим Солнцем, нашей Марказитой, и, соединившись с нашей Луной, становится нашим ярким кристальным Фонтаном».

Но если жизнь и труды алхимиков так ясно подтверждают физическую природу герметической цели и *творчества*, то вполне уместно спросить, как можно обоснованно придать символам и стремлениям всех адептов психическое или моральное толкование. Такие интерпретации никогда не могут быть полностью оправданы от обвинений в экстравагантности и слепой индифферентности к самым очевидным и известным фактам, но они могут быть в некоторой степени оправданы, если учесть аллегорические методы алхимиков и природу герметической теории.

Глубокие тонкости мысли редко находят адекватное выражение, даже когда вся сила подлинно интеллектуальной природы направлена на ресурсы языка, и там, где сила прямого обращения невольно признается недостаточной, вряд ли можно ожидать успеха от расплывчатых обобщений аллегории. Символизм призван подсказывать мысли, и интерпретация любой последовательности типологии неизбежно варьируется прямо пропорционально различным типам ума. Каждый отдельный символ воплощает определенную концепцию, существующую в уме его создателя, и более или менее совершенным образом выраженную в этом символе, но каждый изучающий аллереорию из

каждого отдельного символа извлекает свое собственное значение, так что значение типологии столь же бесконечно, как и разнообразие интерпретирующего интеллекта. По этой причине лучшие и истинные адепты всегда настаивали на необходимости посвященного учителя или особого интеллектуального просветления, которое они называют благодатью Божьей, для открытия истинной тайны герметического искусства. Без этого света или руководства не избранный ученик, скорее всего, будет вечно блуждать в хаотическом море символов, и *prima materia*, скрытая за бесчисленными именами и противоречивыми или иллюзорными описаниями, навсегда ускользнет от него. Именно таким образом тысячи исследователей, действующих без посторонней помощи, работали с десятками тысяч материальных веществ и никогда даже отдаленно не приблизились к созданию Великого Магистрата, и, по той же причине, устав от постоянных неудач в физическом процессе, другие отвергли общее мнение о предмете алхимии и, воображение которых работало над более возвышенными устремлениями, выраженными герметическими адептами, приписали им исключительно духовную цель и обладание исключительно духовными секретами.

Если бы авторы «Suggestive Inquiry» и «Remarks on Alchemy and the Alchemists» рассмотрели жизни символистов, а также природу символов, их взгляды были бы значительно изменены; они бы обнаружили, что истинный метод герметической интерпретации лежит посередине; но ошибки, возникшие в результате чисто типологических исследований, были усугублены рассмотрением великой алхимической теоремы, которая, *по сути*, является теоремой всеобщего развития, признающей, что каждое вещество содержит неразвитые ресурсы и потенциальные возможности, которые могут быть выведены наружу и доведены до совершенства. Они применили свою теорию только к развитию металлических веществ от низшего к высшему порядку, но из их писаний мы видим, что великие иерофанты восточной и западной алхимии постоянно преследовались краткими и несовершенными проблесками славных возможностей для человека, если бы эволюция его природы осуществлялась в соответствии с их теорией.

Евгений Филалефс подробно описывает бесконечные возможности нашей духовной природы и силу воображения нашей души. «Она обладает абсолютной силой в чудесных и сверхъестественных преобразованиях», и он облекает свою доктрину человеческой эволюции в терминологию алхимических адептов.

В одном из двенадцати трактатов, приписываемых Сендивогию, есть следующие замечательные отрывки: «Мы знаем состав человека во всех отношениях, но не можем вдохнуть в него душу, которая находится вне естественного хода вещей. Природа не действует, пока ей не дадут материал...» Проблема того, что все составы подвержены распаду, а человек состоит из четырех элементов, и как, следовательно, он мог быть бессмертным в Раю, рассматривается следующим образом. «Рай был и остается местом, созданным из самых чистых элементов, из которых был сформирован и человек, и таким образом он был посвящен вечной жизни. После своего падения он был изгнан в тленный элементарный мир и питался тленными элементарными элементами, которые заразили его прежнюю природу и породили болезни и смерть. Древние философы сравнивали свое камни с первоначальным созданием человека в состоянии бессмертия, и это бессмертие заставило их искать камень, желая найти нетленные элементы, которые вошли в состав Адама. Всевышний Бог открыл им, что состав таких элементов находится в золоте, ибо в животных его нельзя было найти, поскольку они должны сохранять свою жизнь с помощью тленных элементов; в растениях его также нет, потому что в них элементы неравномерны. И видя, что все сотворенные вещи склонны к размножению, философы предложили себе, что они испытают возможность природы в этом минеральном царстве, которое, будучи

открытым, они увидели, что в Природе существует бесчисленное множество других секретов, о которых, как о Божественных секретах, они писали скупом».

Здесь, вероятно, имеется в виду ссылка на возможности, которые их теория открыла для других царств, кроме минерального, теория, истинность которой, по их мнению, они доказали, осуществив металлическую трансмутацию. В этой связи следует отметить, что философский камень обычно считался универсальным лекарством — лекарством для металлов и человека, последнего, конечно, по аналогии.

Периодическое появление этих возможностей в умах адептов и всеобъемлющий характер герметической теории полностью объясняют отклонения мистических комментаторов, которые ошибочно приняли второстепенные вопросы за конечную цель, что не совсем непростительно, потому что конечная цель теряет всякое значение по сравнению со второстепенными вопросами, и все, что имеет ценность в алхимии для современного исследователя оккультизма, заключается в этих же возможностях, в применении герметической теории к высшей теме — Человеку. В рамках краткого введения невозможно отдать должное безграничной теме, искусству психической трансмутации, духовной алхимии, принципы которой содержатся в тайной теории адептов и которые ни в коей мере не зависят в своей истинности от реальности металлической трансмутации, поэтому я должен ограничиться несколькими общими замечаниями.

Замечательный урок, который мы можем извлечь из опыта алхимиков, заключается в возвышении вещей с помощью силы, превосходящей возможности самой Природы. По мнению адептов, такое возвышение возможно как внутри, так и вне металлического царства. Человек и животные одинаково включены в эту всеобъемлющую теорию развития (), и поэтому вполне возможно, что некоторые герметические символисты в своей тайной и аллегорической манере учили методу алхимической процедуры, когда предметом был человек, и раскрывали чудесные результаты этой работы в машинописных книгах, которые они завещали потомкам. То, что Генри Кунрат до определенной степени и в определенный период времени занимался поиском способа трансмутации металлов, на мой взгляд, очень ясно указывает его визит к доктору Ди. Однако то, что «*Amphitheatrum Sapientiæ Æternæ*», опубликованное в 1609 году, посвящено духовной алхимии, подтверждается характером его символов и общим тоном странного эзотерического комментария к некоторым еврейским псалмам. Те, кто работал с металлами, могли потерпеть неудачу, а могли и нет; для взыскательного исследователя оккультизма это ни в коем случае не имеет значения; но они оставили после себя теорию, которая полностью верна в своем применении к той единственной субстанции в Природе, которая, как мы знаем, способна к бесконечному совершенствованию, и к великолепию и славе совершенного *Великого Дела*, когда молодой Король выходит из Вечного Востока, из страны Утра и Рая,

«Неся полумесяц на своем гребне»,

хотя это и мечта — скажем даже, которую никто не может подтвердить наверняка — хотя это и невозможно для металла, но верно для человека; и все, что прекрасно и возвышенно в алхимической символике, может быть строго применимо к божественному цветку будущего, молодому Королю Человечества, совершенному юноше, который придет, когда он выйдет из Духовного Востока, на рассвете подлинной истины, неся на своем ярком и имперском венце полумесяц, женщину будущего.

Я считаю, исходя из имеющихся доказательств, что металлические трансмутации действительно имели место в прошлом. Они были явлениями столь же редкими, как подлинная «материализация» так называемых духов, которая в настоящее время обычно

считается среди тех, кто верит в физическое медиумизм, но не ослеплен легковерием и очарованием мира чудес. Как и современный спиритизм, единичные факты подлинной алхимии окружены множеством дискредитирующих уловок, и ремесло адепта в прошлом было столь же прибыльным и покровительствуемым князьями, как и ремесло современных торговцев знакомыми духами.

Но факт случайной трансмутации дает мало оснований полагать, что *практика алхимии* в отношении металлических предметов когда-либо может увенчаться успехом у современных студентов *turba philosophorum*. Загадки алхимиков допускают, как я уже сказал, многообразные интерпретации. Их рецепты слишком расплывчаты и запутаны, чтобы им можно было следовать. Они сами настаивают на том, что их искусству можно научиться только через прямое откровение от Бога или под руководством мастера. Их основные секреты не только никогда не раскрывались в их многочисленных трактатах (), но и едва ли они претендуют на их раскрытие, несмотря на великолепные заверения, которые иногда содержатся в их названиях. Практическая сторона алхимии должна быть передана специалистам в области химии, работающим совершенно независимо от книг или методов философов. Только теория имеет ценность для неофитов, посвященных или любых студентов высшего оккультизма; и она имеет ценность, как я уже сказал, потому что может быть применена за пределами царства металлов, как признают сами алхимики и как, по-видимому, пытались сделать некоторые из них.

Психический метод интерпретации, изложенный в «Суггестивном расследовании», возвысил искателей философского камня до уровня жрецов тайны Бога; он наделил их *altitudo divitiarum sapientiae et scientiae Dei*. Они переступили порог вечности; они достигли «», они разгадали абсолюта; они увидели Диану без покрывала; они подняли пояс Исиды и поглотили ее сверхъестественную красоту — то есть они осуществили проявление воплощенного духа человека и наделили его божественной славой. Они не искали физических секретов; они не исследовали, как Парацельс, свойства навоза и других гниющих веществ; они не работали с ртутью и серой; они не дистиллировали вино; они не варили яичные скорлупы. Они были искателями души и нашли душу; они были мастерами и украсили душу; они были алхимиками и преобразовали ее. Возвышенная и романтическая гипотеза! Но мы знаем, что они работали с металлами; мы знаем, что они манипулировали минералами; мы знаем, что они обыскивали каждое царство природы в поисках веществ, которые, по самой малейшей возможности, благодаря счастливой догадке, могли бы действительно превратить низшие металлы в золото. Их взгляды часто были экстравагантными, их методы, как правило, абсурдными; они редко достигали своей цели, но, судя по тому, какими они были на самом деле, лишены всякого очарования и романтики, самоучки, исследующие природу на заре физической науки, они в высшей степени заслуживают нашего уважения, потому что, во-первых, не просвещенные и не оснащенные, голыми руками, они заложили основы провиденциального и спасительного знания, а во-вторых, потому что их печи были построены, интеллектуально, «на вершине в Дариене» — то есть они работали в соответствии с теорией, которая имела неизвестную область применения, и сквозь дым углей и химикатов они видели безграничные перспективы, где стонущая совокупность Природы развивала свои внутренние ресурсы и постепенно продвигалась к совершенству, вполне в соответствии с их видением минеральной культуры. «Глубина за глубиной и высота за высотой» были таким образом открыты им, и их проблески этих славных возможностей преобразили их странную терминологию и осветили их варварскую символику.

Исключая явно бесполезные работы, спекуляции нуждающихся самозванцев и неблагонадежных издателей, мы должны искать информацию о духовной химии у тех, кто

меньше всего способствовал прогрессу химической науки — у тех, кто разработал теорию, а не у тех, кто исключительно излагает практику. Во всех случаях мы поступим правильно, если будем помнить, что предметом их исследования были металлы, за исключением таких редких случаев, как работы Генри Кунрата и анонимного автора трактата о Марии Александрийской, а также нескольких философов-розенкрейцеров. Мы должны читать их за то, что они предлагают, а не за то, что они имели в виду.

Мечта о психохимии — это грандиозный и возвышенный план абсолютной реконструкции с помощью Парацельсовского *Orizon Aeternitatis*, или сверхнебесной добродетели вещей, обожествления, или, в более узком смысле, триединого человека посредством влияния свыше. Он предполагает, что трансмутация или преобразование человека может быть осуществлено, пока он находится на этой земле и в этом теле, которое тогда будет волшебным образом *окутано splendoribus sanctorum*. Утренняя звезда — это наследие каждого человека, и женщина будущего будет одета в солнце, а Луна будет под ее ногами. Голубой плащ символизирует мистическое море, ее наследие безграничной безбрежности. Эти чудеса могут быть действительно осуществлены путем очищения двойного человеческого скиния, святого дома жизни, и путем постепенной эволюции во внешнее и видимое проявление бесконечных сил, заключенных в нем.

В фактах и возможностях месмеризма и в явлениях экстатического ясновидения, в древней магии и современном спиритизме, в учениях и опыте религиозного возрождения (), мы должны искать *смысл существования* возвышенной мечты о психохимии — а именно, что существует изменение, трансмутация или новое рождение, возможное для воплощенного человека, которое явно раскроет эзотерические силы его духовного существа, так что сама плоть будет очищена, прояснена, прославлена и облечена существенным светом божественного пнeвмы. Те из моих читателей, кто интересуется этой увлекательной темой, я должен сослаться на работу под названием «Азот, или Звезда на Востоке», которая, я надеюсь, будет готова к публикации в начале 1889 года и в которой будет рассматриваться Первая Материя *Великого Дела*, эволюция Афродиты Урании, сверхъестественное рождение Сына Солнца и алхимическое преобразование человечества.

СНОСКИ:

[A] Нет необходимости предполагать метафору. Совесть — это путеводитель, который образование легко извращает. Поэтому, предполагая, что она действительно является *инструментом* алхимиков, она, возможно, в высшей степени нуждается в очищении и, за исключением самых общих вопросов, в лучшем случае является ненадежным путеводителем.

[B] «L'Alchimie et les Alchimistes», стр. 93.

О ФИЗИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МАГНУМ ОПУС.

Физическая теория трансмутации основана на составном характере металлов, на их образовании в недрах земли и на существовании в природе чистой и проникающей материи, которая, примененная к любому веществу, возвышает и совершенствует его по своему роду. Эта материя называется Светом Евгением Филалетом и многими другими авторами. При

применении к животным она возвышает животных; при применении к растениям она возвышает растения, в то время как металлы и минералы, аналогичным образом, очищаются и преобразуются из худшего состояния в лучшее.

Все элементы, входящие в состав металлов, идентичны, но различаются по пропорции и чистоте. В металлическом царстве цель природы неизменно состоит в создании золота. Производство более низких металлов является случайностью процесса или результатом неблагоприятных условий окружающей среды.

Образование металлов в земле является очень важным моментом и должно быть хорошо изучено любителем, поскольку без этого и без верного подражания природе он никогда не добьется успеха. Именно с помощью семян металлов происходит их образование. Их составной характер указывает на их трансмутационные свойства. Такая трансмутация осуществляется с помощью философского камня, и этот камень, по сути, является сочетанием мужских и женских семян, которые порождают золото и серебро. Теперь вещества или элементы этого камня, и прежде всего *первоматерия*, скрыты множеством символов, ложных и аллегорических описаний, а также уклончивых или обманчивых названий.

По словам барона Тшуди, все, кто писал об этом искусстве, скрывали истинное название *prima materia*, потому что оно является главным ключом к химии. Обычно считается, что его открытие невозможно без особого озарения от Бога, но мудрецы, удостоенные этой божественной милости и чести, иногда передавали свои знания подходящим ученикам под клятвой нерушимой тайны. Автор книги «*L'Étoile Flamboyante*» приводит огромный список названий, которые применялись к этому таинственному веществу в той или иной его фазе. «Как те, кто плавает между Сциллой и Харибдой, подвергаются опасности с обеих сторон, — говорит Д'Эспанье, — так и те, кто, преследуя добычу в виде золотого руна, уносится между неопределенными скалами философской серы и ртути, подвергаются не меньшей опасности. Более проникательные, благодаря постоянному чтению серьезных и заслуживающих доверия авторов, а также благодаря лучам солнца, достигли знания о сере, но застряли на входе в ртуть философов, поскольку писатели запутали ее столькими изгибами и извилинами и обвили столькими двусмысленными именами, что ее скорее можно встретить силой интеллекта искателя, чем найти с помощью разума или труда».

Prima materia была определена как пятый элемент, или квинтэссенция, материальная альфа и омега, душа элементов, живая ртуть, регенерированная ртуть, металлическая душа и т. д. Она обозначается такими аллегорическими именами, как Птица Гермеса, Сын Девы, Сын Солнца и Луны, Голова Девы, Азот и т. д.

Когда речь идет о серьезном описании, адепты постоянно противоречат друг другу, но в целом признается, что — это вещество, которое можно найти повсюду и которое постоянно видят и имеют те, кто не знает о его свойствах. «Хотя некоторые люди, — говорит Урбигер, — одержимые глупыми представлениями, мечтают, что первоматерия можно найти только в определенных местах, в такое-то время года и с помощью магического магнита, мы, согласно нашему божественному учителю Гермесу, абсолютно уверены, что все эти предположения ложны и что ее можно найти повсюду, в любое время и только с помощью нашей науки».[C]

В аналогичных выражениях в «Комментарии к древней войне рыцарей» нам говорят, что материя искусства, столь ценная благодаря превосходным дарам, которыми наделила ее природа, на самом деле ничтожна по сравнению с веществами, из которых она происходит. «Ее цена не превышает возможности бедняков. Десяти пенсов более чем достаточно, чтобы купить материю камня... Материя незначительна, учитывая основу искусства, потому что она

стоит очень мало; оно не менее ничтожно, если рассматривать внешне то, что придает ему совершенство, поскольку в этом отношении оно не стоит ничего, так как, по словам Космополита, *оно доступно всему миру*, так что неизменной истиной является то, что камень в одном смысле является ничтожным, но в другом — самым драгоценным, и что только глупцы презирают его, по справедливому суду Божьему».

Тот же авторитет уверяет нас, что, что касается фактической природы *prima materia*, то она является единственной и самой собой, хотя и представляет собой естественное соединение определенных веществ из одного корня и одного вида, образующих вместе одно целое, полностью однородное. Вещества, составляющие философское соединение (), отличаются друг от друга не больше, чем щавелевая вода отличается от салатной воды. Урбигер утверждает, что истинная и реальная материя — это только «пар, пропитанный металлическим семенем, еще неопределенным, созданным Всемогушим Богом, порожденным совпадением и влиянием аструмов, содержащихся в недрах земли, как матрица всех сотворенных вещей». В соответствии с этим, один из более ранних авторов, сэр Джордж Рипли, описывает камень как потенциальный пар металлов. Обычно он невидим, но может проявиться в виде прозрачной воды. Так же и Филалефс восклицает в своем вдохновенном стиле: «Слушайте меня, и я открою секрет, который, как роза, охранялся шипами, так что в прошлые времена немногие могли сорвать этот цветок. Существует вещество металлического вида, которое выглядит настолько мутным, что вселенная не хочет иметь с ним ничего общего. Его видимая форма отвратительна; оно оскверняет металлические тела, и никто не может себе представить, что жемчужный напиток яркого Феба может проистекать оттуда. Его компоненты — это чистейшая и нежная ртуть, сухая заключенная сера, которая связывает его и сдерживает плавкость... Знайте об этом предмете, он является надежной основой всех наших секретов... Говоря прямо, это дитя Сатурна, дешевое и очень ядовитое... Оно не пластично, хотя и металлическое. Его цвет черный с вкраплениями серебра, которые отмечают черное поле блестящими серебряными прожилками».[D]

Многие философы настаивают на ядовитой природе камня. «Его вещество и его пары действительно являются ядом, который философы должны уметь превращать в противоядие с помощью подготовки и инструкций».[E]

Ни одно из *бесконечных* описаний, предоставленных бесчисленными адептами, которые были движимы бескорыстной щедростью, чтобы раскрыть тайны алхимии для духовного, интеллектуального и физического обогащения тех, кто заслуживал посвящения в великое дело (), не раскрывает истинную природу *первоматериу* (*prima materia*), в то время как *сосуд философов* (*vas philosophorum*), в котором она содержится и перерабатывается, описывается противоречиво и некоторыми авторами объявляется божественной тайной.

Учитывая сущность камня, а также необходимый сосуд, процессы, которые необходимо предпринять для выполнения *magnum opus*, описываются с умеренной ясностью. Существует кальцинация или очищение камня, в котором однородное вещество обрабатывается с однородным в течение философского года. Существует растворение, которое подготавливает путь для конгеляции и которое осуществляется во время черного состояния таинственного вещества. Оно осуществляется с помощью воды, которая не мочит руки. Существует отделение тонкого от грубого, которое должно осуществляться с помощью тепла. В последующем соединении элементы должны образом и тщательно комбинироваться. Затем происходит гниение,

«без которого ни одно семя не может размножаться».

Затем в последующем застывании появляется белый цвет, который является одним из признаков успеха. Он становится более выраженным в питании. В сублимации тело одухотворяется, дух становится телесным, и снова появляется более блестящая белизна. Затем ферментация связывает алхимическую землю и воду и заставляет мистическое лекарство течь, как воск. Затем вещество обогащается алхимическим духом жизни, и возвышение философской земли достигается естественным исправлением ее элементов. Когда эти процессы будут успешно завершены, мистический камень пройдет через три основных этапа, характеризующихся разными цветами: черным, белым и красным, после чего он будет способен к бесконечному размножению, и при проецировании на ртуть он полностью преобразует ее, а полученное золото () выдержит любое испытание. Используемые неблагородные металлы должны быть очищены, чтобы обеспечить успех операции. Процесс трансмутации для производства серебра по сути аналогичен, но ресурсы вещества не доводятся до такой высокой степени.

Согласно «Комментарии к древней войне рыцарей», трансмутации, производимые совершенным камнем, настолько абсолютны, что от исходного металла не остается и следа. Однако он не может уничтожить золото, ни преобразовать его в более совершенное металлическое вещество; поэтому он преобразует его в лекарство, в тысячу раз превосходящее любые свойства, которые можно извлечь из него в его обычном состоянии. Это лекарство становится самым мощным средством для преобразования неблагородных металлов.

Среди побочных свойств совершенного минерального агента — превращение кремня в драгоценные камни, но изготовление золота и драгоценных камней обычно считается наименее важным из философских секретов, поскольку дух, который пронизывает таинственную *prima materia* великого и возвышенного дела, может быть по-разному использован и приспособлен для достижения абсолютного совершенства во всех «свободных науках», обладанию «всей мудростью природы и вещами более тайными и необычными, чем дар пророчества, который, по утверждению Расиса и Боно, содержится в красном камне».

СНОСКИ:

[C] Баро Урбигер — «Сто афоризмов, демонстрирующих приготовление Великого эликсира».

[D] Aphorismi Urbigerani.

[E] Комментарий к «Древней войне рыцарей».

ЖИЗНИ АЛХИМИКОВ.

ГЕБЕР.

Первым и, согласно общему мнению герметических авторитетов, князем тех алхимических адептов, которые появились в христианскую эпоху, был знаменитый Гебер, Гиабар или Йебер, чье настоящее имя было Абу Мусса Джафар аль-Софи и который, согласно более вероятному мнению, был уроженцем Хамана в Месопотамии. Также говорят, что он был греком, испанским арабом, родившимся в Севилье, и персом из Туса. Романтическая литература представляет его как просветленного монарха Индии. Согласно Абульфеде, он

процветал в VIII веке, но также выдвигаются предположения о более поздних и более ранних периодах. Его жизнь окутана безнадежной тайной, но его эксперименты с металлами, проводимые с целью обнаружения их составных элементов и степени их плавкости, привели его к многочисленным открытиям как в химии, так и в медицине, включая суроксидированный хлорид ртути, красный оксид ртути и азотную кислоту. «Именно так герметическая философия дала начало химии, — пишет автор статьи в *Biographie Universelle*, — и репутация Гебера прочно устоялась не благодаря его поиску невозможной химеры, а благодаря его открытию истин, основанных на реальном опыте».

С характерной для средневековья расточительностью арабскому мастеру приписывают не менее пятисот трактатов. Предполагается, что они охватывали весь круг физических наук, включая астрономию и медицину. От всех этих колоссальных достижений сохранилось лишь несколько фрагментов. Кардан включил их автора в число двенадцати самых проницательных умов всего мира, а Бургхаве с уважением и почтением отзывался о нем в своем знаменитом труде «*Institutiones Chemicæ*». По мнению М. Хофера, он заслуживает первого места среди химиков и алхимиков, процветавших до Ван Хельмонта. «Он является оракулом средневековых химиков, которые в своих трудах часто не делали ничего, кроме буквального воспроизведения работ своего учителя. Гебер для истории химии — то же, что Гиппократ для истории медицины».

Имя Гебера носили или принимали несколько писателей, последовавших за этим герметическим адептом; таким образом, немногие сохранившиеся факты о его жизни были по-разному искажены, а книги более позднего периода и меньшей ценности ложно приписывались ему. Астрономический комментарий к «*Syntaxis Magna*» Птолемея, состоящий из девяти книг, должен быть включен в это число. Это произведение XII века, что подтверждается внутренними свидетельствами.

Сохранившиеся работы Гебера в основном написаны на латыни и все вызывают более или менее обоснованные подозрения. В библиотеке в Лейдене, как говорят, есть несколько арабских рукописей, которые никогда не были переведены, и одна из них находится в Императорской библиотеке в Париже вместе с *Fragmentum de Triangulis Sphæricis*, которая до сих пор не напечатана. Наиболее полное издание Гебера — издание Данцига, опубликованное в 1682 году и воспроизведенное в сборнике Мангетуса [F]. Первое место по значимости среди работ арабского мастера занимает его «Сумма совершенства» — *Summæ Perfectionis magisterii in suâ naturâ Libri IV*. Следующим по значимости является трактат под названием «*De Investigatione perfectionis Metallorum*», с его завещанием и трактатом о конструкции печей.

«Сумма совершенства, или Совершенное магистерство» утверждает, что является компиляцией из работ древних, но, за исключением сомнительного псевдо-Гермеса, мы не знакомы с никакими алхимическими авторами, предшествовавшими предполагаемому периоду Гебера. Знание природных принципов объявляется необходимым для успеха в этом искусстве. Природные принципы в работе природы — это мощный дух и живая или сухая вода. Устройство философской печи и *васа философского* явно описано; последний представляет собой круглый стеклянный сосуд с плоским круглым дном и имеет несколько сложных устройств. Однако в примечании на полях говорится, что описание его трудно понять. Среди всех неясностей трактата совершенно очевидно, что он касается металлов и минералов. Свойства серы, ртути, мышьяка, золота, серебра, свинца, олова, меди, железа,

магнезии, лута, марказита обсуждаются таким образом, что невозможно установить аллереорию или интерпретировать слова автора иначе, чем в физическом смысле.

СНОСКИ:

[F] J. J. Mangeti, «Bib. Chem. Curiosa», 2 т., фолиант, 1702.

РАЗИС.

Разес, или Раси, настоящее имя которого было Мохаммед-Эбн-Сечаржа Абубекр Арраси, был известным арабским врачом и химиком, родившимся около 850 года в Рае в Ираке, на границе с Хорасаном. В молодости он страстно увлекался музыкой и легкомысленными развлечениями; он начал изучать медицину только в тридцатилетнем возрасте, но вскоре превзошел всех врачей своего времени как по мастерству, так и по знаниям. Он с равным усердием посвятил себя философии, как говорят, путешествовал по Сирии, Египту и даже Испании, а затем возглавил знаменитую больницу в Багдаде и еще одну в своем родном городе. Он был от природы добрым и щедрым и посвятил себя служению бедным. Восточные панегиристы называют его имамом среди ученых своего времени, а западные писатели описывают его как Галена арабов. Благодаря своему неустанному вниманию к многочисленным разновидностям болезней он получил прозвище экспериментатора или опытного. Говорят, что он написал не менее двухсот двадцати шести трактатов. Некоторые из них оказали большое влияние на Авиценну, и даже в Европе он имел значительное влияние, поскольку его труды по медицине были основой университетского обучения вплоть до XVII века.

Из двенадцати книг по химии, которые приписываются Расису, несколько, вероятно, являются поддельными, и лишь немногие были напечатаны. Он был явным сторонником трансмутации металлов и, написав трактат на эту тему, лично представил его эмиру Альмансуру, принцу Хорасана, который был очень доволен и приказал выплатить автору тысячу золотых в качестве вознаграждения. Однако он пожелал увидеть чудесные эксперименты и плодотворные результаты, которыми изобиловала работа. Расис ответил, что его возвышенное любопытство, безусловно, будет удовлетворено, если он предоставит необходимые инструменты и материалы для выполнения *великого дела*. Эмир согласился; ни усилий, ни затрат не пожалели на предварительные приготовления, но когда пришло время, адепт потерпел полное фиаско в своем выступлении и был жестоко избит по голове разъяренным правителем бесполезным алхимическим трактатом. Расис был уже стар, и некоторые считают, что это насилие стало причиной его последующей слепоты. Он умер в бедности и безвестности, что, однако, не опровергает его владение мощным металлическим лекарством. Дата его смерти неизвестна, но, вероятно, это было в 932 году.

В своих трудах Расис, как и Гебер, подробно описывает планетарные соответствия или влияние, оказываемое звездами на образование металлических веществ под поверхностью земли. О явном характере его рецептов можно судить по таким указаниям, как *Recipe aliquid ignotum, quantum volueris*. Тем не менее, именно ему мы обязаны изобретением бренди и несколькими фармацевтическими применениями спирта. Он был первым, кто упомянул орпименте, реальгаре, буре, некоторых соединениях серы, железа и меди, некоторых солях ртути, полученных косвенным путем, и некоторых соединениях мышьяка. [G] Он также был ревностным сторонником экспериментальных методов.

СНОСКИ:

[G] Фигье, «Алхимия и алхимики», стр. 95, 96.

АЛЬФАРАБИ.

Середина X века прославилась благодаря одному из тех выдающихся людей, которые приносят честь наукам, которыми они занимаются. Это был Абу-Наср-Мухаммед-Ибн-Таркан, обычно называемый Фараби и Альфараби — человек универсального гения, который с одинаковой легкостью проникал в все предметы, постигая самые полезные и интересные науки и считаясь величайшим философом своего времени.

Он родился в Фарабе, ныне известном как Отхар, в Малой Азии. Он был турецкого происхождения, но переехал в Багдад, чтобы более совершенствоваться в знании арабского языка; там он с усердием и энтузиазмом посвятил себя изучению греческих философов под руководством Абу Башара Мальтея, выдающегося толкователя Аристотеля (). Из Багдада он отправился в Харран, где христианский врач Иоанн преподавал логику. За короткое время Альфараби превзошел всех своих сокурсников, но покинул Харран и посетил Дамас, откуда проник в Египет. С ранних лет увлеченный тайнами природы, он провел большую часть своей жизни в непрерывных странствиях, собирая мнения всех философов, которых мог встретить, по этим и смежным вопросам. Он презирал мир и не стремился к приобретению богатства, хотя и писал об алхимии, если, конечно, герметические труды, приписываемые ему, являются подлинными. О его эрудиции и неутомимой деятельности свидетельствуют другие его сочинения, в которых он по-разному рассматривает философию, логику, физику, астрономию и математику. Его главная репутация основана на своего рода энциклопедии, в которой он дает описание со точным определением всех искусств и наук, а также на знаменитом музыкальном трактате, в котором он высмеивает пифагорейские спекуляции о музыке сфер и доказывает связь звука с атмосферными колебаниями.

По мнению ряда авторитетных источников, в последние годы своей жизни он находился под покровительством и поддержкой культурного и просвещенного Сейфа Эддулы, который представлен как принц Дамаса, но, по-видимому, был султаном Сирии и познакомился с ученым следующим любопытным образом.

Альфараби возвращался из паломничества в Мекку, когда, проходя через Сирию, он остановился при дворе султана и вошел в его присутствие, когда тот был окружен многочисленными мудрецами, которые беседовали с монархом о науках.

Альфараби, не зная или полностью игнорируя обычаи общества, предстал в своей дорожной одежде; и когда султан предложил ему сесть, с удивительной философской свободой () он уселся на конце королевского дивана. Принц, потрясенный его смелостью, позвал одного из своих офицеров и на неизвестном языке приказал ему выгнать незваного гостя. Однако философ тут же ответил на том же языке: «О, господин, тот, кто поступает поспешно, подвержен поспешному раскаянию!» Принц был столь же потрясен тем, что незнакомец понял его, сколь и манерой, с которой был дан ответ. Желая узнать о своем госте побольше, он начал расспрашивать его и вскоре обнаружил, что тот знает семьдесят языков. Затем философам, которые с большим возмущением и отвращением наблюдали за невежливым вторжением, были предложены вопросы для обсуждения, но Альфараби спорил с такой красноречивостью и живостью, что заставил всех докторов замолчать, и они начали записывать его речь. Затем султан приказал своим музыкантам сыграть для развлечения

компании. Когда они заиграли, философ сопровождал их на лютне с такой бесконечной грацией и нежностью, что вызвал безграничное восхищение всего уважаемого собрания. По просьбе султана он исполнил собственное сочинение, спел его и сопровождал с большой силой и энергией, к большому удовольствию всех слушателей. Мелодия была настолько веселой, что даже самый серьезный философ не смог удержаться от танца, но другой мелодией он с такой же легкостью растрогал всех до слез, а затем мягкой, ненавязчивой мелодией убаюкал всю компанию ко сну.

Султан очень хотел удержать у себя столь одаренного человека, и некоторые говорят, что ему это удалось, а другие — что философ отклонил самые блестящие предложения, заявив, что не успокоится, пока не раскроет всю тайну философского камня, который он искал в течение многих лет и который, судя по его речи (), он, казалось, был близок к тому, чтобы обрести. Согласно этим биографам, он отправился в путь, но погиб трагической смертью. Он был атакован разбойниками в лесах Сирии и, несмотря на свою храбрость, был побежден превосходящими силами и убит. Это произошло в 954 году. Другие говорят, что он умер в Дамаске, до последнего наслаждаясь щедростью султана.

АВИЦЕННА.

В конце X века или, согласно другому мнению, примерно в середине XI века в Хорасане появился еще один знаменитый мастер. Это был прославленный Ибн Сина, более известный как Авиценна, родившийся в Бакаре, главном городе этой провинции Персии. Точная дата его рождения была установлена, но в отсутствие достаточных сведений, в 980 году. Он одинаково известен как многочисленными литературными трудами, так и своей приключенческой жизнью. В раннем возрасте он достиг необычайных успехов в математике, и его одаренный ум вскоре проник в тайны трансцендентальной философии. Ему было всего шестнадцать лет, когда он перешел от подготовительных наук к медицине, в которой он добился такого же быстрого успеха; ему приписывают большую проницательность в познании болезней. Его особенно хвалят за то, что он обнаружил, что болезнь племянника короля Гордии была вызвана любовной страстью, которую тот тщательно скрывал, и за уловку, с помощью которой он обнаружил объект любви молодого человека.

Его авторитет как врача и философа стал настолько велик, что султан Магдал Дулет решил поставить его во главе своих дел и назначил его на почетную должность великого визиря; но, несмотря на религию Мухаммеда, которую исповедовал Авиценна, он так много пил, а его невозддержанность привела к такой безнравственности и беспорядку, что он был лишен своих государственных почестей и умер в относительной неизвестности в возрасте пятидесяти шести лет. Он был похоронен в Хамадане, городе Персии, который был древней Экбатаной.

Хотя его история породила поговорку, что он был философом, лишенным мудрости, и врачом, лишенным здоровья, арабы долгое время верили, что он владел духами и ему служили джинны. Поскольку он искал философский камень, несколько восточных народов утверждают, что он все еще жив, живет в роскошном состоянии, наделен духовными силами и наслаждается в неизвестном уединении возвышенным нектаром вечной жизни и омолаживающими свойствами *aurum potabile*.

Авиценне приписывают шесть или семь трактатов по герметической философии; некоторые из них, несомненно, являются подделками. Существует трактат «О замораживании камня» и *Tractatulus de Alchimia*, которые можно найти в первых томах *Ars Aurifera*, Базель, 1610. В 1572 году *Ars Chimica* была напечатана в Берне. Два герметических трактата также приписываются Авиценне составителями *Theatrum Chemicum*, а в третьей четверти XVI века в Базеле под его именем вышел восьмистопный том *Porta Elementorum*.

Гримуары и магические ритуалы часто ссылаются на Авиценну как на авторитет в области сверхъестественных тайн.

Tractatulus Alchimiae рассматривает природу софической ртути, которая содержит софическую серу и из которой Бог изначально создал все минеральные вещества. Эта ртуть является всеобщим животворящим духом; в мире нет ничего, что можно было бы с ней сравнить; она проникает, возвышает и развивает все; она является ферментом для каждого тела, с которым она химически соединяется; она является великим металлическим эликсиром «», как для белого, или серебряного, так и для красного, или золотого, степеней. Ее силы развиваются под действием огня. Хотя она содержится во всех минералах, она является частью земли. Он обладает прозрачностью, текучестью и серебристым цветом. Совершенство и восхваление золота подробно описываются на следующих страницах. *Prima materia* объявляется двойственной по своей природе, а двойной эликсир, который является результатом успешной операции, обладает сверхъестественными свойствами, поскольку он исключительно духовный. Сила совершенного магистериума составляет один к тысяче.

Химические знания Авиценны происходят от Гебера, так же как его медицинская эрудиция была заимствована у Галена, Аристотеля и других более ранних авторов. Он описывает несколько разновидностей селитры и рассматривает свойства поваренной соли, купороса, серы, орпимента, аммиачной соли и т. д.

МОРИЕН

или Мориенус, был отшельником, родившимся в Риме в XII веке и поселившимся в Египте, где он глубоко проникся химией и физикой того времени. Еще во время обучения в родном городе, под пристальным вниманием любящих родителей, он услышал о славе Адафара, арабского философа из Александрии, и сумел раздобыть его труды, после чего его сразу же охватило отчаянное желание понять их смысл. Первые впечатления юности увлекли его; он покинул свой дом и отправился в Александрию, где, после некоторых трудностей, обнаружил жилище философа. Он сообщил ему свое имя, свою страну и свою религию, и оба оказались довольны друг другом — Адфар тем, что нашел молодого человека, на чью покорность он мог положиться, а Мориен тем, что оказался под руководством учителя, который обещал раскрыть ему источник всех сокровищ ().

Они учились вместе; приветливость ученика побудила его наставника раскрыть ему все свои секреты, после чего, согласно одному из рассказов, Мориен отправился в паломничество в Иерусалим, а затем стал отшельником. Более вероятно, что он оставался с Адфаром до его смерти, которая, несмотря на его огромные сокровища, просветление и знания в области тайной философии, в конце концов наступила, и что тогда Мориен, отдав последнюю дань уважения своему умершему наставнику, покинул Александрию и отправился в паломничество. Он купил уединенное жилище недалеко от Иерусалима, где поселился в компании ученика, которого, без сомнения, намеревался обучить науке.

Тем временем, документы адепта Адфара, по-видимому, попали в руки Калида, султана Египта, мудрого и любознательного принца. На титульном листе этих рукописей было указано, что они содержат бесценную тайну философского камня. Султан изучал их с жадностью, но не добился никакого прогресса в их понимании, и, не будучи в состоянии выполнить *великое дело* самостоятельно, он начал тщательный поиск кого-либо, кто был бы способен истолковать непонятные тайны рукописей. Он созвал всех философов в Каир, пообещал содержать их и предоставить им все материалы и оборудование, необходимые для успешного проведения алхимических процессов, а также гарантировал великолепное вознаграждение любому, кто добьется успеха. Как и сегодня, многие люди пришли с мыслью о прибыли, которую можно было извлечь из таких сделок.

Мориен, с болью услышав, как сильно Калид был обманут никчемными самозванцами, покинул свое уединение и поспешил в Египет, имея в виду не только раскрытие тайн Адфара, но и окончательное обращение султана в ислам. Труды мнимых алхимиков не принесли никаких результатов, как и ожидал посвященный отшельник, но что-то в манере Мориена произвело впечатление на принца, который предоставил ему дом, в котором он мог оставаться до тех пор, пока не завершит процесс. В свое время работа была доведена до абсолютного совершенства; философ написал на вазе, в которую поместил эликсир, следующие слова: «Тот, кто обладает всем, не нуждается в других», и, немедленно покинув Александрию, вернулся в свою хижину.

Несмотря на то, что Калид теперь обладал великим и высшим эликсиром, он не имел представления, как использовать его для трансмутаций, которые он желал осуществить. Он был одинаково проникнут сожалением о потере подлинного художника и возмущением по отношению к ложным алхимикам, которые обещали ему все, но ничего не выполнили, и издал указ о смертной казни для каждого разоблаченного самозванца. Прошло несколько лет, в течение которых султан тщетно искал обладателя могущественного секрета. Наконец, однажды, во время охоты в сопровождении любимого раба, произошел случай, который привел к окончательному осуществлению его амбиций. Раб по имени Галип, ехавший немного в стороне, обнаружил пожилого человека, молящегося в уединенном месте. Он расспросил его и узнал, что тот прибыл из Иерусалима, где жил в отшельничестве у святого человека. Он слышал о стремлении Калида раскрыть тайну Гермеса и, зная, что этот отшельник был человеком, обладающим беспрецедентными знаниями в священной, божественной науке, покинул Палестину, чтобы сообщить об этом принцу.

«О, брат мой, что ты говоришь?» — воскликнул Галип. «Не говори больше! Я не хочу, чтобы ты умер, как те самозванцы, которые хвастались перед моим господином».

«Я ничего не боюсь», — ответил отшельник. «Если ты сможешь представить меня принцу, я сразу же с уверенностью пойду к нему».

Галип представил его, и старик сообщил Калиду, что может помочь ему выполнить герметическую работу, что он знаком с одним адептом-отшельником из пустынь Иерусалима, который, благодаря озарению Божества, обрел сверхъестественную мудрость и, по его собственному признанию, обладал драгоценным даром. Количество золота и серебра, которое он ежегодно привозил в Иерусалим, было убедительным доказательством этого факта.

Султан рассказал почтенному человеку об опасности ложных обещаний и предупредил его о том, сколько обманчивых и хвастливых авантюристов уже встретили свою смерть. Однако

отшельник продолжал настаивать на своих уверенных утверждениях, и Калид, услышав описание Мориена, приказал своему рабу Галипу сопровождать старика с достаточной охраной в Иерусалим, куда они в конце концов прибыли после многих трудов и были обрадованы открытием Мориена, который, как утверждается, под своей рубашкой из волоса сохранил вечно молодое тело. Галип сразу узнал его, поприветствовал от имени своего господина и убедил вернуться к принцу, который принял его с безграничным удовлетворением и хотел бы принять его на светскую должность при своем дворе. Однако Мориен был нацелен только на обращение Калида; он открыл ему тайны христианства, но, несмотря на свою мудрость, не смог достичь желаемого результата. Тем не менее, он, по-видимому, открыл ему секрет трансцендентной науки, и разговор Мориена и Калида был записан на арабском языке и переведен на латынь и французский.

Дальнейшая история Мориена не зафиксирована. В сборниках герметической философии есть несколько небольших трактатов, приписываемых Калиду, а также Галипу, который, по-видимому, был посвящен в тайну. Сам Мориен упоминается как автор трех работ, которые, как утверждается, были переведены с арабского языка (), но их подлинность, конечно, весьма сомнительна. Первая из них называется «*Liber de Distinctione Mecurii Aquarum*», рукописная копия которой хранилась в библиотеке Роберта Бойля. Вторая — «*Liber de Compositione Alchemiæ*», напечатанная в первом томе «*Bibliotheca Chemica Curiosa*». Наконец, появилось несколько изданий трактата под названием «*De Re Metallica, metallorum Transmutatione, et occulta summaque antiquorum medicina libellus*». Впервые он был напечатан в Париже в 1559 году.

Бэкон и Арнольд, которые появились в начале и в конце XIII века, цитировали Мориена как авторитета среди герметических философов, а Роберт Кастренсис уверяет нас, что он перевел книгу Мориена с арабского языка в 1182 году.

Liber de Compositione Alchemiæ содержит герметический разговор между Мориеном, Калидом и Галипом. Он апеллирует к авторитету Гермеса, который, как утверждается, был первым, кто открыл великое магистерство, секрет которого он передал своим ученикам. Он провозглашает, что *первоматерия* едина, цитируя свидетельства мудрого царя и философа Геракла и адепта Арсикануса, а также других псевдоавторитетов, которые гораздо больше дискредитируют дату диалога, чем поддерживают рассматриваемую алхимическую теорию.

АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ.

Универсальный гений Альберта, соединенный с похвальным любопытством столь великого философа, как говорится в оригинальном «Жизни алхимических философов», не позволил ему пройти мимо герметической науки, не уделив ей должного внимания.

Противники этой теории, признавая, что в научных вопросах он должен считаться самым любознательным и исследовательским из детей человеческих, категорически утверждают, что он был ошибочно включен демонологами в число магов и что в двадцати одном прекрасном фолианте, составляющем его *opera omnia*, нет ни следа колдовства. В одном месте он официально заявляет, что «все эти истории о демонах, бродящих в воздушных просторах и от которых можно узнать секреты будущего, являются абсурдами, которые никогда не могут быть признаны трезвым разумом». Таким образом, работы о невероятных тайнах, которые так часто приписывают ему, осуждаются как поддельные, поскольку Альберт

Великий не имел к их созданию никакого отношения, равно как и к изобретению пушки и пистолета, которое ему приписывает Матиас де Луна.

Однако уже в 1480 году Великая хроника Бельгии упоминает его как *magnus in magia, major in philosophia, maximus in theologia*. Бесплезно историкам его ордена утверждать, что Альберт никогда не занимался герметическим искусством, говорит анонимный автор. Одни только его книги — те, которые бесспорно принадлежат ему — свидетельствуют о его алхимической эрудиции, а как врач он тщательно изучал естественную историю, и прежде всего минералы и металлы. Его необычные эксперименты записаны в «*Secretum Secretorum*», впервые появившемся в Венеции в 1508 году.

Михаэль Майер заявляет, что он получил от учеников святого Доминика секрет философского камня и что он, в свою очередь, передал его святому Фоме Аквинскому; что он владел камнем, на котором естественным образом был изображен змей, и который обладал настолько замечательной силой, что, будучи помещенным в место, кишасщее такими рептилиями, он привлекал их из их укрытий; что в течение тридцати лет он использовал все свои знания в области магии и астрологии (), чтобы из тщательно отобранных под соответствующим влиянием планет металлов создать автомат, наделенный даром речи, который служил ему непогрешимым оракулом, давая четкие ответы на всевозможные вопросы, которые только можно было ему задать. Это был знаменитый андроид, который был уничтожен святым Фомой под впечатлением, что это было дьявольское изобретение.

Самая удивительная история о его магических способностях сохранилась в истории Парижского университета. Он пригласил Вильгельма II, графа Голландии и короля римлян, на ужин в свой монастырь в Кельне. Хотя была середина зимы, Альберт приготовил столы в саду монастыря; земля была покрыта снегом, и придворные, сопровождавшие Вильгельма, роптали на неосторожность и глупость философа, подвергающего принца суровой погоде. Однако, когда они сели за стол, снег внезапно исчез, и они почувствовали не только мягкость весны, но и сад наполнился ароматными цветами; птицы летали, как летом, напевая свои самые прекрасные песни, а деревья зацвели. Их удивление этой метаморфозой природы значительно усилилось, когда в конце трапезы эти чудеса исчезли в мгновение ока, и холодный ветер начал дуть с привычной силой.

Жизнь Альберта принадлежит к истории теологии. Он родился в Швабии, в Ларвигене, на Дунае, в 1205 году. В молодости он считался чрезмерно глупым, но его преданность Деве Марии была вознаграждена видением, сопровождавшимся интеллектуальным просветлением, и он стал одним из величайших докторов своего времени. Он был назначен провинциалом доминиканцев и епископом Ратисбона, но впоследствии отказался от этой должности, чтобы продолжить свои научные и философские исследования в уютном монастырском убежище в Кельне. В старости он вернулся к посредственности своих ранних лет, что породило поговорку о том, что из осла он превратился в философа, а из философа снова превратился в осла.

Термин *Magnus*, который применялся к нему, не является следствием его репутации. Это латинский эквивалент его фамилии, Альберт де Гроот.

Среди поддельных произведений, приписываемых ему, есть книга под названием «*Les Admirables Secrets d'Albert le Grand*», посвященная целебным свойствам трав, драгоценных камней и животных, с кратким изложением физиогномики, методов защиты от чумы, злокачественных лихорадок, ядов и т. д. Первая книга посвящена влиянию планет на рождение человека, магическим свойствам женских волос, безошибочным способам определения пола ребенка, находящегося в утробе матери, и т. д. В других книгах

содержится любопытный набор примечательных суеверий, касающихся мочи, паразитов, старых ботинок, гниения, манипуляций с металлами и т. д.

В Лионе появился магический гримуар под названием «*Alberti Parvi Lucii Liber de Mirabilibus Naturæ Arcanis*», украшенный рисунками и талисманами, с каббалистической датой 6516. В нем подробно объясняются состав любовных зелий, толкование снов, обнаружение сокровищ, состав руки славы, кольцо невидимости, симпатический порошок, изысканность золота и другие чудеса; но эта работа является еще одной подделкой и оскорблением памяти действительно выдающегося человека.

В трактате, который он написал о минералах, Альберт сообщает нам, что он лично испытал некоторое количество золота и серебра, изготовленного алхимиком, которое выдержало шесть или семь исключительно тщательных плавок, но при восьмой плавке мнимый металл превратился в настоящую шлаку. Однако он признает возможность трансмутации, когда она осуществляется в соответствии с принципами Природы. Он считает, что все металлы состоят из маслянистой и тонкой влаги, тесно связанной с тонкой и совершенной материей.

Если чисто алхимические работы, приписываемые Альберту, имеют какое-либо отношение к подлинности, то его следует считать искусным практическим химиком того периода, в котором он процветал. Он использовал аламбики для дистилляции и алудели для сублимации; он также использовал различные люты, состав которых он описывает. Он упоминает квасцы и едкую щелочь и, по-видимому, знал об щелочной основе винного камня. Он знал метод очистки драгоценных металлов с помощью свинца и золота путем цементации, а также метод проверки чистоты золота. Он упоминает красный свинец, металлический мышьяк и печень серы. Он был знаком с зеленым витриолом и пиритом. Он знал, что мышьяк делает медь белой, а сера разрушает все металлы, кроме золота. [Н]

СНОСКИ:

[Н] Томсон, «История химии», т. I, стр. 32, 33.

ТОМАС АКВИНСКИЙ.

Если Альберт Великий должен считаться адептом, обладающим философским камнем, то нет сомнений, что он открыл его своему любимому ученику, святому Фоме, самому прославленному из королей интеллекта, прославившего схоластический период христианской философии. Есть некоторые алхимические трактаты, приписываемые ангелу школ, которые он, безусловно, не писал. «Трактат «О природе минералов» недостойн столь великого философа, — говорит некий анонимный авторитет, — как и « » («Комментарий к Турбе»). Но его «*Thesaurus Alchemiæ*», адресованный брату Регнальд, его товарищу и другу, является подлинным. В нем он цитирует Альберта как своего учителя во всех вопросах, особенно в герметической философии. Он адресовал Регнальду и другие книги по любопытным наукам, среди которых есть трактат по судебной астрологии».

Это мнение заслуживает должного внимания, однако во всех своих теологических трудах Фома Аквинский тщательно избегал любого подозрения в алхимии, будучи убежден, как говорит тот же автор, что это принесет позор его имени как вершине человеческой глупости. Более того, в одном из своих трактатов он ясно заявляет, что «незаконно продавать как настоящее золото то, что произведено с помощью алхимии», что является явным

доказательством того, что он считал искусство трансмутации просто усовершенствованием драгоценного металла.

С другой стороны, *Thesaurus Alchemiæ*, который обычно приписывают ему адепты, свидетельствует, что «цель алхимика — превратить несовершенный металл в совершенный», и утверждает возможность этого. Эти противоречия едва ли являются убедительным доказательством общего авторства, но, поддельные они или нет, работы по герметической науке, приписываемые ангельскому доктору, имеют важное значение в истории алхимии. Их главная особенность — секретность, и они настаивают на сохранении возвышенного искусства от недостойных людей, поскольку только дети света, живущие как в присутствии Бога, достойны познания или хранения столь небесной тайны.

Thesaurus Alchemiæ отличается лаконичностью, характерной для Фомы Аквинского, поскольку состоит всего из нескольких листов. Другие работы, приписываемые ему, — «*Secreta Alchymiae Magnalia*» и «*De Esse et Essentia Mineralium*», а также комментарий к «*Turba*». Некоторые термины, которые до сих пор используются современными химиками, впервые встречаются в « » — этих предполагаемых сочинениях Фомы Аквинского, — например, слово «амальгама», которое используется для обозначения соединения ртути и какого-либо другого металла.

В трактатах, адресованных брату Регнаулду, мы узнаем, что студенты алхимии ищут единственное вещество, которое абсолютно устойчиво к сильному воздействию огня, которое само проникает во все и окрашивает ртуть. Эта работа — работа рук, и она требует большого терпения. Инструменты необходимы, но в истинной герметической операции есть только одна ваза, одно вещество, один способ и одна единственная операция.

РОДЖЕР БЭКОН.

Роджер Бэкон был первым англичанином, который, как известно, занимался алхимической философией. Этот ученый человек родился в 1214 году недалеко от Илчестера, в Сомерсете. В детстве он добился необычайных успехов в предварительных исследованиях; когда его возраст позволил, он вступил в орден Святого Франциска и переехал из Оксфорда в Париж, где изучал математику и медицину. По возвращении он посвятил себя изучению языков и философии и добился таких успехов, что написал грамматики латинского, греческого и еврейского языков.

Восхваляя Бэкона, Фигье называет его величайшим умом, который когда-либо появлялся в Англии, исследователем природы, который был скорее врачом, чем химиком, и ученым, которому мир обязан многими выдающимися открытиями. Он был почти единственным астрономом своего времени, и мы обязаны ему исправлением юлианского календаря в отношении солнечного года, которое он представил Клименту IV в 1267 году, но которое было введено в действие только во время понтификата Григория. Физический анализ свойств линз и выпуклых стекол, изобретение очков и ахроматических линз (), теория и, возможно, первая конструкция телескопа — все это является заслугой выдающегося и проницательного гения Бэкона.

Достаточное представление о его планах в области механической науки можно получить из одного из его *opus* — *Epistola Fratris Rogerii Baconis de Secretis Operibus Artis et Naturæ et de nullitate Magiæ*, Гамбург, 1618. Взяв на себя задачу продемонстрировать, что с помощью естественных наук можно реально совершать мнимые чудеса магии, он далее уверяет нас,

что можно сконструировать машины для навигации без помощи гребцов, так что суда будут двигаться по воде с необычайной скоростью под управлением одного человека. «Также возможно сконструировать автомобили, которые могут приводиться в движение с удивительной быстротой, независимо от лошадей или других животных. Можно также изготовить летательные аппараты, в которых человек сидит в центре и с помощью определенных устройств взмахивает искусственными крыльями». Таким же образом Бэкон предвидел изобретение крана, водолазного аппарата, подвесных мостов и т. д. Он заявляет, что эти вещи были известны древним и все еще могут быть восстановлены.

«Стоит ли удивляться, — спрашивает один из его биографов, — что все эти чудеса принесли ему славу волшебника в эпоху суеверий и невежества? Монахи его собственного ордена отказались включить его работы в свою библиотеку, как будто он был человеком, которого общество должно было подвергнуть ostracism. Преследования усилились, и в 1278 году он был заключен в тюрьму и вынужден признаться в раскаянии за свои занятия искусствами и науками. Его заставили покинуть дом своего ордена и уединиться, где он мог бы работать в тишине».

Репутация Бэкона как мага распространилась по всей Западной Европе. Считалось, что он обязан своей мудростью в области алхимии () непрерывному общению с демонами. Вирус обвиняет его в гоетической магии, а ученые утверждают, что Антихрист будет использовать его зачарованные зеркала для совершения лживых чудес. Он действительно верил в судебную астрологию и в философский камень. «Пренебрегая светом опыта, — говорит он, — алхимия редко может произвести золото двадцати четырех карат. Немногие люди довели эту науку до такого высокого уровня. Но с помощью «Секрета секретов» Аристотеля экспериментальная наука произвела не только золото двадцати четырех карат, но и тридцати, сорока и далее, в зависимости от желания».

Применение алхимии для продления жизни было еще одной темой исследований Роджера Бэкона. Он уверяет нас, что великая тайна не только обеспечивает благосостояние общества и отдельного человека, но и может быть использована для продления жизни, поскольку операция, посредством которой самые низшие металлы очищаются от содержащихся в них порчи, пока они не преобразуются в чистейшее золото и серебро, считается всеми адептами чрезвычайно подходящей для полного удаления порчи из человеческого тела, так что жизнь смертного может быть продлена до нескольких столетий.

Цитата Франциска Пикуса из «Книги шести наук» Бэкона рассказывает о том, как человек может стать пророком и предсказывать будущее с помощью зеркала, которое Бэкон называет *Альмучефи*, составленного в соответствии с законами перспективы под влиянием благоприятного созвездия *и после того, как тело человека было изменено с помощью алхимии*.

По словам человека, пользовавшегося его полным доверием, он рассказывает нам, как один знаменитый парижский ученый, разрезав змею на куски, позаботившись о том, чтобы сохранить неповрежденной кожу ее живота, впоследствии отпустил животное, которое сразу же начало кататься по определенным травам, и их целебные свойства быстро исцелили его. Исследователь осмотрел эти травы и обнаружил, что они имеют удивительно зеленый цвет. Ссылаясь на авторитет Артефиуса, он рассказывает, как некий маг по имени Тантал, привязанный к личности короля Индии, благодаря своему мастерству в планетарной науке открыл метод сохранения жизни на протяжении нескольких столетий. Он подробно описывает силу териака в чрезмерном продлении жизни. Он восхваляет плоть крылатых змей как специфическое средство против старческого слабоумия у людей. Артефий

сообщает нам, что благодаря гигиене этот адепт прожил более тысячи лет. Неудивительно, что Платон и Аристотель не смогли продлить свою жизнь, ведь они не знали даже о квадратуре круга, которая, по утверждению Бэкона, была хорошо известна в его время и которая бесконечно уступает великой медицинской доктрине Артефия. [1]

Химические исследования великого английского францисканца оказались ценными для науки, которую он любил. Он тщательно изучал свойства селитры, и хотя он не открыл порох, он внес вклад в его совершенствование, научив очищать селитру путем ее растворения в воде и кристаллизации. Он также обратил внимание на химическую роль, которую играет воздух в процессе горения.

Многие работы Бэкона до сих пор остаются в рукописном виде, но его «*Speculum Alchimiae*» было переведено на французский язык Жираром де Турмесом и опубликовано в Лионе в формате duodecimo и octavo в 1557 году. «*De Potestate Mirabili Artis et Naturae*», которое является лишь одной из глав уже цитированного Послания, было переведено той же рукой.

В другой работе, озаглавленной «*Radix Mundi*», говорится, что высшая тайна герметической философии скрыта в четырех элементах (). Этот трактат, в котором цитируется Парацельс, является, однако, наглым подлогом.

«Зеркало алхимии», как и другие работы философов, обращается к Гермесу как к мастеру-посвященному, авторитет которого не только достаточен, но и окончателен. Естественными принципами всех металлов являются *argent vive*, то есть софическая ртуть, и сера. Различные пропорции, в которых эти принципы сочетаются, вместе с их степенью чистоты, составляют единственное различие между лучшим и самым низким металлом.

СНОСКИ:

[1] Nam quadraturam circuli se ignorasse confitetur, quod his diebus scitur veraciter.

[2] Фигье, «Алхимия и алхимики», стр. 97.

АЛАЙН ИЗ ЛИЗЛА.

Алхимический трактат под названием *Dicta de Lapide Philosophico* был опубликован в Лейдене в 1600 году в формате октаво. Он был приписан Алану Инсуленсису и переиздан в *Theatrum Chemicum*, Argentorati, 1662. Отрицается, что эта работа является произведением того Алена де Лизля, которого называли универсальным доктором и который, после блестящего периода, проведенного в Парижском университете, уединился в монастыре в качестве мирянина, чтобы быть хозяином своего времени и полностью посвятить себя философии. В «Словаре оккультных наук» Минье утверждается, что в тот же период процветал другой Аланус, но единственным основанием для этого утверждения является существование алхимического тома. С другой стороны, нельзя доказать, что Алан практиковал герметическую науку, но он был автором «Комментария к пророчествам Мерлина». Он был назначен епископом Осера и умер в 1278 году. Издатели алхимических трактатов привыкли торговать блестящей репутацией прошлого, приписывая бесполезные работы великим авторитетам. Имя Алануса Инсуленсиса, появившееся на титульном листе «*Dicta de Lapide Philosophico*», возможно, можно объяснить таким образом.

Сам трактат короткий и не представляет особой ценности. « » Он представляет герметическое искусство как дар Бога и советует неофиту любить Его всем сердцем и душой.

Он описывает тайны сублимации и следует за предыдущими авторитетами в вопросе о *prima materia*. Его в целом неопределенный и бесполезный характер с любой практической точки зрения должен сделать его исключительной областью для всех видов фантазийных интерпретаций.

РАЙМОНД ЛУЛЛИ.

Сравнение блестящей, но эфемерной репутации с «кометой сезона» перешло из области поэзии в область пословиц и, безусловно, ни к одной фигуре в истории литературы или науки не применимо в полной мере, как к герою этой биографии. Имя Раймонда Лулли действительно так полностью ушло в небытие, что не вызывает никаких воспоминаний, за исключением умы некоторых специалистов по истории и философии. Тем не менее, он оказал немалое влияние на свое поколение, а в течение столетия после его смерти вся интеллектуальная Европа была знакома с его методом приобретения знаний в области наук и его обширными литературными и евангелизационными трудами. Раймунд Лулли объединил в себе святого и ученого, философа и проповедника, апостола и странствующего лектора, диалектика и мученика; в молодости он был придворным и человеком, увлекающимся удовольствиями; в зрелом возрасте он был аскетом, открывшим универсальную науку благодаря особому откровению от Бога; после смерти он был объявлен еретиком, а затем едва не был беатифицирован как святой. В то время как его мощи творили чудеса на Майорке, в разных частях Европы были основаны колледжи для преподавания *Ars Lulliana*, которая должна была заменить схоластический метод; но чудеса прекратились, универсальная наука пришла в упадок, и, как последняя сцена в этой богатой событиями истории, Раймонд Лулли появляется в популярных легендах о граале () как адепт алхимии, чей век был продлен на столетия благодаря открытию эликсира жизни.

Удалось спасти от забвения и искажения этого необычного человека, чья святость была столь же выдающейся, сколь и его достижения уникальными, я представлю здесь первую правдивую историю его жизни и творчества читающей публике Англии; романтическое повествование будет столь же интересно для обычного студента, как и для оккультиста и литератора.

Отец Раймунда Луллия был дворянином из Барселоны, который, служив под знаменем Иоанна I, короля Арагона, в завоевании Балеарских островов у мусульман, получил в дар земли на Майорке и поселился там. Он происходил из старинного и знатного каталонского рода и был женат на даме, имя которой неизвестно. Несмотря на значительное богатство, его счастье было омрачено бесплодием жены, но, обратившись к милосердию Божьему, она в конце концов родила сына, которого называли, как и его отца, Раймонд Лулли. Согласно Сеги, он родился в 1229 году, но, по мнению Жана Мари де Вернона и других авторитетных источников, в 1235 году, что в целом является более вероятной датой. Когда молодой Раймонд достиг возраста разума, его родители постарались привить ему любовь к гуманитарным наукам, но его изменчивый и импульсивный характер не подходил для серьезных занятий, и ему было позволено последовать профессии своего отца — воина. Он стал пажом короля, у которого он приобрел такую высокую милость, что был назначен Великим Превотом, или Мастером Дворца, а впоследствии Сенешалем Островов; но он использовал преимущества этих выдающихся должностей для разгульной молодежной жизни без ограничений и сдерживания. Лучшие годы его молодости были потрачены впустую на веселье придворной жизни, на завоевание благосклонности дам и на сочинение любовных стихов в их честь (). Он не щадил усилий, чтобы понравиться красавицам, и его

эксцессы были настолько вопиющими, что его родители и сам король Яков II были вынуждены высказать ему серьезные претензии. В качестве средства исправления его ненормального образа жизни было предложено жениться, и его советники и друзья выбрали ему жену, которая была одновременно красивой, добродетельной и богатой. Ее звали Катерина де Сабо. Хотя он очень привязался к этой даме, узы брака оказались недостаточно крепкими, чтобы сдержать его блудные наклонности, и была одна особа, к которой он испытывал сильную страсть, хотя он уже был отцом двух сыновей и одной дочери. Это была синьора Амброзия Элеонора де Кастелло де Генуэз, чья добродетель превосходила ее личные достоинства, хотя она затмевала своей красотой всех красавиц двора. Она была замужем за мужчиной, которого любила, но Раймонд Лулли был настолько увлечен ею, что уделял ей самое пристальное внимание, и однажды, потеряв сознание от любви и не замечая никого вокруг себя, кроме объекта своего восхищения, он, как говорят, последовал за ней верхом на лошади в церковь Пальмы, города на Майорке, куда она однажды утром пошла на мессу. Такой возмутительный поступок не мог не вызвать большого скандала, особенно с учетом высокого положения обеих вовлеченных в него сторон. Дама, внезапно обретшая такую нежелательную известность, посоветовалась с мужем о том, как ей поступить, чтобы положить конец преследованиям своего поклонника. Тем временем Раймонд Лулли, несомненно осознавая, что он превысил все границы умеренности, написал бессвязное извинение, сопровождаемое сонетом, в котором он особенно подробно описывал красоту ее шеи. На это дама ответила письмом, написанным в присутствии ее мужа, которое здесь *дословно* переписано из старого французского писателя, рассказывающего эту часть истории.

Письмо синьоры ди Кастелло де Генуэз к

Раймонду Лулли, которое является вежливым ответом возлюбленному, чтобы отговорить его от осквернения любви.

«Сэр, сонет, который вы мне прислали, свидетельствует о превосходстве вашего гения и несовершенстве, или, скорее, извращенности вашего суждения. С какой живостью вы изобразили бы истинную красоту, если в своих стихах вы даже украшаете уродство! Но как вы можете использовать такой возвышенный талант для восхваления маленького кусочка глины, кратковременно окрашенного в киноварь? Ваше усердие должно быть направлено на искоренение вашей страсти, а не на ее проявление.

Дело не в том, что вы недостойны любви самой благородной женщины в мире, но вы становитесь недостойным ее, посвящая себя служению той, кто является самой незначительной из всех. Возможно ли, чтобы ум, созданный только для Бога и озаренный таким светом, мог быть настолько слеп в этом вопросе?

«Оставь же страсть, которая лишает тебя твоего природного благородства. Не запятнай свою репутацию стремлением к объекту, которым ты никогда не сможешь обладать. Я могла бы ужасно разочаровать тебя, показав, что то, чем ты так восхищаешься, скорее следует считать предметом отвращения. Но будь уверен, что я люблю тебя тем более искренне, что, казалось бы, не обращаю на тебя никакого внимания».

Это письмо только разжигало пламя в груди Раймонда Лулли, пока, после того как другие средства не помогли, дама, по-прежнему действуя по совету мужа, не вызвала своего любовника к себе и не показала ему свою грудь, почти съеденную раком, откуда исходил неприятный запах.

«Посмотри на то, что ты любишь, Раймонд Лулли, — воскликнула она со слезами на глазах, — посмотри на состояние этого несчастного тела, в котором твой дух сосредоточил все свои надежды и удовольствия, и покайся в своих бесполезных попытках; оплачь время, которое ты потратил на преследование существа, которое ты с любовью считал совершенным, но которое имеет столь ужасный недостаток! Преврати эту бесполезную и преступную страсть в святую любовь, направь свои чувства на Создателя, а не на творение, и в стремлении обрести вечное блаженство приложи теперь те же усилия, которые ты до сих пор тщетно тратил, чтобы вовлечь меня в свою глупую страсть!»

Это зрелище уже растопило сердце Раймунда Лулли и вернуло ему разум. Выразив благородной даме, как глубоко он сочувствует ее несчастью, он удалился из дома, стыдясь своей страсти, и, дойдя до дома, охваченный смятением, бросился к ногам распятия и поклялся отныне посвятить себя служению одному только Богу. Он провел более спокойную, чем обычно, ночь, наполненный этим ревностным решением, и, как говорят, ему явилось видение Христа, который сказал: «Раймонд Лулли, отныне следуй за мной!» Это видение повторялось несколько раз, и он посчитал его знаком Божьей воли. В тот период Раймонд был около тридцати лет; он занимал одно из самых высоких положений при дворе и мог претендовать на любую честь для себя и своей семьи. Тем не менее, он решил отказаться от мирской жизни и вскоре уладил свои дела, разделив между членами своей семьи столько имущества, сколько было необходимо для достойной жизни, оставив небольшую часть для своих личных нужд и раздав остальное бедным. Его планы в этом вопросе были выполнены настолько точно, что его обвинили в том, что он бросается из одной глупости в другую.

Говорят, что в этот период он совершил паломничество к Святому Иоанну в Галисии и уединился там. В свое время он вернулся на Майорку и принял монашеский обет, но, однако, не принял религиозную жизнь. Он уединился в небольшом жилище на горе Ранда, которое не было включено в общую продажу его имущества. Здесь он заболел и был утешен двумя видениями Спасителя.

После изменения своего образа жизни первым благословением, о котором он просил Бога, было просвещение его ума, чтобы он мог составить книгу, способную полностью уничтожить заблуждения Магомета и заставить неверных, с помощью хороших и твердых доводов, принять веру Иисуса Христа. В ответ на эту молитву, как утверждается, он ощутил совершенное духовное просветление и мгновенно обрел способность убедительно рассуждать на все темы, так что отныне он считался великим и тонким знатоком как человеческих, так и божественных наук. Более сдержанный отчет сообщает нам, что «он готовился к работе по обращению магометан, изучая их книги на арабском языке», и что его подготовка продолжалась в течение шести лет. Согласно другому источнику, этот миссионерский пыл возник не раньше 1268 года — через три года после его обращения — когда в другом своем видении он увидел на листьях мирта или мастикового дерева определенные знаки, напоминавшие турецкие или арабские буквы. Проснувшись, он посчитал себя призванным к миссии среди язычников.

Убежденный, как говорит один из его биографов, что Дух Божий не вдохновил его небесной наукой, чтобы он оставил ее без дела, и что он предаст свое призвание, если его свет будет скрыт под соломой, он решил отправиться в Париж и там опубликовать вечные истины, которые были ему открыты. Другие предполагают, что, отправляясь в это путешествие, он просто искал обучения латинскому языку в одном из центров образования. Однако несколько его трактатов по философии, теологии, медицине, астрологии и астрономии относятся к этому периоду, а также некоторые работы по алхимии, но этот вопрос будет подробно рассмотрен ниже.

Все еще проникнутый своим евангелизаторским и миссионерским рвением, он нанял молодого араба в качестве своего слуги, чтобы совершенствовать свой разговорный арабский язык; но тот, обнаружив, что его хозяин намеревается разрушить божественные принципы Корана и проповедовать против святого закона Магомета, благочестиво решил убить его и однажды вонзил кинжал в его грудь. Он попытался нанести повторный удар, но Раймонд Лулли, раненный и истекающий кровью, сумел обезоружить его, возможно, с помощью святого и своевременного отшельника, который, по мнению одного из биографов, появился в этот критический момент. Молодой араб был заключен в тюрьму с неохотным согласием своего чрезмерно великодушного господина, который, по-видимому, не стал принимать против него дальнейших мер; но несчастный мусульманский фанатик был настолько ошеломлен разочарованием от неудачи своего героического замысла уничтожить любой ценой непримиримого врага пророка, что в приступе бессильной ярости задушил себя в своей темнице.

Именно после этого эпизода и после выздоровления Раймонда Лулли от насилия со стороны его слуги, согласно другому историку, он удалился на гору Ранда, и именно тогда, и только тогда, он получил от Отца Света то новое озарение, которое другие приписывают ему гораздо более ранний период. Вероятно, это был второй визит в его балеарское уединение; он пробыл там семь месяцев, «всегда погруженный в молитву и, как ему казалось, непрерывно беседуя с ангелами, от которых он получал утешение — утешение, — говорит благочестивый писатель, — которое душа действительно может осознать, но которое губы не могут достойно описать».

Покинув свое уединение, он решил отправиться в Рим, чтобы убедить Его Святейшество основать в Европе несколько монастырей, где монахи занимались бы изучением и преподаванием языков, чтобы повсюду распространять Евангелие Иисуса Христа и трудиться для обращения неверных. Но Гонорий IV, на чью набожность он возлагал все свои надежды, умер, как только Люлли прибыл в Рим, и поэтому он вернулся в Париж, где публично объяснил свое «Общее или универсальное искусство» для приобретения всех наук. Из Парижа он отправился в Мон-Пелен, где также преподавал и писал; оттуда в Геную, где перевел свое «*Изобретательное искусство*» на арабский язык. Из Генуи он снова отправился в Рим, но, видя, что достичь своих целей невозможно из-за препятствий, возникших в Священном суде, вернулся в Геную, намереваясь отправиться в Африку и лично трудиться над обращением неверных. Он договорился с владельцем судна, погрузил на борт свои книги и другие необходимые для путешествия вещи, но, когда он сам был готов к отплытию, видение всех опасностей, с которыми ему предстояло столкнуться, настолько подействовало на его разум, что он лишился даже способности ходить и был вынужден отказаться от своего намерения. Его вещи были возвращены ему, и с ними он вернулся в Геную в окружении толпы бродяг, которые насмехались над его слабостью. Будь то вследствие этих насмешек или из-за стыда за свою трусость, он тяжело заболел. [K] В канун Пятидесятницы 1291 года его отнесли в монастырь проповедников и оказали ему необходимую помощь, учитывая его состояние. Он принял последние таинства и продиктовал свое завещание; тем не менее, ему суждено было выздороветь, и едва он восстановил свои силы, как, чтобы исправить свою прежнюю ошибку, он сел на первый корабль, отправлявшийся в Тунис. Во время путешествия он составил свою «Общую таблицу наук».

Сразу по прибытии в Тунис он провел беседы с теми, кто был наиболее сведущ в законах Магомета. Он доказал, по крайней мере для себя, что они были в заблуждении и невежестве, а истина была на стороне Иисуса Христа. Он был обвинен перед королем Туниса в том, что он

соблазняет народ, был арестован, брошен в тюрьму и в конце концов приговорен к смерти. Но один ученый арабский священник, убежденный его аргументами, добился его помилования при условии немедленного отъезда. Он покинул город под оскорблениями и поношениями народа, с запретом на возвращение под страхом верной смерти.

В 1293 году он прибыл в Геную после этой катастрофической миссии и, по-видимому, сразу же отправился в Неаполь, где оставался до понтификата Целестина V, публично преподавая свою *Ars Magna* и *Arbor Scientiarum*. В декабре 1294 года он отправился в Рим, чтобы убедить папу послать миссионеров к неверным, и, по-видимому, добился создания нескольких колледжей для изучения восточных языков. Кроме того, Парижский университет официально принял и рекомендовал к использованию его краткий метод приобретения знаний, а также некоторые из его наиболее важных философских доктрин. Тем не менее, его миссионерские усилия в целом не увенчались успехом, и он снова странствовал из места в место, опровергая еретиков. Он отправился в Монпелье, где его с почестями принял Раймонд Гоффреди, генерал ордена Святого Франциска. Он получил письма о вступлении в орден в качестве благодетеля, и его начальники были поставлены под его руководство (), и он преподавал свой метод в их домах. Он проповедовал на Кипре против несторианцев и грузин, стремясь вернуть их в лоно Церкви. Он обращался за помощью в своих многочисленных начинаниях к королям Франции, Сицилии, Майорки и Кипра, но в целом тщетно.

В 1308 году он вернулся в Париж, где беседовал со знаменитым Иоанном Скотом, известным как тонкий доктор. Он был удовлетворен тем, что король Филипп IV Красивый распорядился преподавать восточные языки в Парижском университете. Это побудило Раймонда в следующем году обратиться к Фердинанду IV, королю Кастилии, с просьбой объединиться с королем Франции для восстановления Святой Земли, но это часто повторяемое и неизменно катастрофическое и бесполезное предприятие, к счастью, не было осуществлено. Он снова отважился отправиться в Африку, высадился в Боне, древнем Гиппоне, который был епархией святого Августина, и, несмотря на сопротивление мусульманских жителей, ему удалось обратить в христианство семьдесят последователей философа Аверроэса. Оттуда он отправился в Алжир и обратил в христианство многих, что навлекло на него преследование со стороны властей. Ему вставили в рот уздечку, как лошади, и таким образом лишили его возможности свободно говорить в течение сорока дней; затем его публично избили и изгнали из королевства. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться в Тунис, где его ждал смертный приговор, но он остался в укрытии и вскоре отправился в Бугию. Там он опроверг учения мусульманских священников, успешно избегая бесчисленных смертельных ловушек, подготовленных против него народом по внушению их религиозных учителей. В конце концов он был брошен в убогую темницу, где вполне мог погибнуть, но благодаря ходатайствам некоторых генуэзских купцов ему была предоставлена лучшая тюрьма (), в которой он пробыл шесть месяцев. Сюда к нему приходили толпы мусульманских докторов, чтобы убедить его принять их закон, обещая ему самые заманчивые награды — рабов, дворцы, богатство, красивых женщин и дружбу короля. «В результате, — говорит один из биографов Люлли, — они были почти убеждены принять закон *Того*, Кто один мог обещать им вечное блаженство».

В конце концов ворота тюрьмы Раймонда были открыты, и как нарушитель общественного порядка он был обязан немедленно покинуть эти места. Прославленный странник сел на генуэзское судно со своими книгами и бумагами, но потерпел кораблекрушение в десяти милях от города Пизы, едва спасшись с потерей всего своего имущества. В Пизе он заболел, и доминиканцы заботливо ухаживали за ним. После выздоровления он возобновил свое

публичное учение. Обращение мусульман и завоевание Святой Земли по-прежнему были его главными целями, и он так красноречиво убеждал жителей Пизы учредить орден христианских рыцарей для освобождения Иудеи, что они отправили его с письмами к Святому Отцу; жители Генуи доверили ему аналогичные документы, а также добровольное предложение дам этого города внести значительную сумму денег на столь благочестивую и похвальное дело. С этими заверениями он отправился к папе в Авиньон, представил свои письма и добавил свои собственные веские аргументы, чтобы убедить его объявить новый крестовый поход. Естественно, он ничего не добился от папского двора и удалился в Париж, опечаленный своей неудачей и холодностью прелатов Церкви. Он продолжал писать и преподавать, и в октябре 1311 года, узнав, что в Вене будет созван всеобщий собор, он счел это благоприятной возможностью и явился перед ним, чтобы потребовать три вещи : 1. Создание нескольких монастырей, состоящих из ученых и мужественных людей, которые, готовые рисковать своей жизнью во имя Христа, с удовольствием изучали бы языки, чтобы более эффективно распространять Евангелие. 2. Объединение всех военных орденов христианского мира в один орден, чтобы, живя по одним религиозным правилам и вдохновленные одними и теми же желаниями, они все могли сражаться с сарацинами и, подавляя все семена зависти, все эгоистические интересы, с помощью похвального соперничества и истинной христианской набожности стремиться освободить Святое место из рук неверных. 3. Осуждение, по решению Папы и Собора, всех трудов Аверроэса, используемых в христианских колледжах и школах, поскольку они явно и прямо противоречили доктринам истинной религии. Чтобы пролить больше света на этот последний пункт, он написал трактат под названием «*De Natale Pueri*». Он снова потерпел неудачу и вернулся в Париж, не достигнув ничего. С непоколебимой настойчивостью он снова с еще большим усердием приступил к написанию книг на латинском, испанском и арабском языках для назидания верующих и просвещения сарацин. Он действительно стал одним из самых плодотворных авторов в мире, и когда, устав от литературного труда, он вернулся на Майорку, уже в преклонном возрасте, он, несмотря на опасность, отплыл в Тунис, надеясь тайно работать над обращением его жителей.

Согласно другому рассказу, он публично объявил о своем возвращении, воскликнув: «Разве вы не помните, что я тот человек, которого ваши князья когда-то изгнали из этой страны и из Туниса, опасаясь, что я просвещу ваши души истинами нашей святой религии, к которой вы уже были склонны? Единственная надежда на ваше спасение и мое решение претерпеть все мучения мира ради любви к моему Богу привели меня обратно к вам, чтобы вы поступили со мной, как пожелаете».

В любом случае, его возвращение было обнаружено; народ единодушно поднялся против него, осыпал его позором и жестокими оскорблениями, а затем прогнал его камнями из города в порт, где он пал, несчастный и подавленный.

Согласно многочисленным биографам, некоторые купцы, либо из Майорки, либо из Генуи, проходящие мимо Туниса, увидели в ночь этой катастрофы большой свет в форме пирамиды недалеко от порта. Этот свет, казалось, исходил из кучи камней, и, желая узнать его причину, они высадились на берег на лодке и таким образом наткнулись на драгоценное тело Раймунда Луллия, которого, несмотря на его изуродованное состояние, они сразу же узнали.

Но М. Э. Ж. Делеклез, пишущий в *Revue des Deux Mondes*, дает нам тот же рассказ, не приукрашенный ореолом чудесного. «Наступила ночь, и тело Раймунда Лулли осталось на берегу моря. На протяжении всей этой ужасной сцены ни один из обращенных, и тем более европейские христиане, проживавшие в то время в городе, не осмелился защитить миссионера или даже заступиться за него. Однако некоторые генуэзские купцы, желая

отдать последнюю честь его телу, приплыли на лодке под покровом темноты, чтобы унести его. Выполняя этот благочестивый долг, они заметили, что Раймонд Лулли еще дышит. Они поспешно отнесли его на свой корабль и немедленно отплыли на Майорку, в поле зрения которой этот святой и ученый человек скончался 29 июня 1315 года в возрасте восьмидесяти лет». [L]

Уже было сказано, что Раймунд Луллий был одним из самых плодовитых писателей своего времени и всех времен. Следующий список его произведений был составлен Альфонсо де Проаса в 1515 году и воспроизведен А. Перроке:

Названия тем.	Количество трактатов.
Об <i>Ars Veritatis Demonstrativus</i> ,	60
Грамматика и риторика,	7
Логика,	22
О понимании,	7
О памяти,	4
О воле,	8
О моральной и политической философии,	12
О законе,	8
Философия и физика,	32
метафизике,	26
Математика,	19
Медицина и анатомия,	20
Химия,	49
Теология,	212
Общее количество трактатов,	486

Этот список принимается без подозрений и критики М. Делеклюзом, но, поскольку Раймонд Лулли начал писать только в 1270 году, а умер не позднее 1318 года, этот расчет требует от нас предположить, что он писал по десять трактатов в год без перерыва в течение восьмидесяти четырех лет, что было бы совершенно невозможно даже для самого замкнутого, посвятившего себя книгам студента, а Раймонд Лулли был человеком неутомимой активности, о чем ясно свидетельствуют факты его страннической жизни. Автор статьи в «*Biographie Universelle*» (Париж, 1820) делает следующие уместные замечания по этому поводу: «Некоторые из его биографов увеличили число его трактатов до нескольких тысяч. [M] Более умеренные сократили их число с пятисот до трехсот, которые разбросаны по библиотекам Майорки, Рима, Барселоны, Сорбонны, Сен-Виктора и Шатре в Париже; но едва ли двести из них можно найти по их названиям и первым словам произведения; и это число должно быть еще больше уменьшено, поскольку разница между некоторыми из них очень незначительна, поскольку главы были даны в качестве названий отдельных произведений, а объяснения профессоров или учеников часто ошибочно принимались некритичными авторами за уроки мастера».

Теперь, великая проблема в пестрой жизни просветленного теософа и обладателя всеобщей науки, который так насильственно погиб в Тунисе или Бугии, отстаивая дело своего Учителя, заключается в том, следует ли отождествлять его с тем Раймоном Лулли, которого Элифас Леви называет «великим и возвышенным адептом герметической науки», который, как говорят, изготовил золото и розовые нобли для некоего Эдварда, короля Англии, и который оставил после себя, как памятники своего беспрецедентного алхимического мастерства, те всемирно известные трактаты, завещания и кодицилы, которые, справедливо или нет, приписываются под названием «химия, 49 трактатов» героическому мученику Майорки. По этому важному вопросу автор, уже цитированный в *Bibliothèque Universelle*, свидетельствует, что «работы по алхимии должны быть отнесены к другому Раймонду, из Ферраго, еврейскому неопиту, который жил после 1315 года и с которым Авраам Бзовиус спутал первого, приписав ему некоторые предложения, осужденные Григорием XI». И далее: «Произведения по алхимии, приписываемые ему, слишком противоречат евангельской бедности человека, который отрекся от всего в своем рвении к религии Иисуса Христа и который во многих местах протестует против химеры философского камня, искавшего в его время Арно де Вильнёв, учеником которого он якобы был. Кроме того, обстоятельства и даты даже в нескольких из этих книг — из которых книга о естественной мудрости адресована Эдуарду III — доказывают, что они должны относиться к более поздней эпохе».

Эта проблема чрезвычайно сложна для решения и требует довольно подробного рассмотрения.

Раймонд Лулли отправился в Вену, чтобы присутствовать на всеобщем соборе Церкви в 1311 году. Во время пребывания в этом городе он, как утверждается, получил письма от Эдуарда, короля Англии, вступившего на престол в 1307 году, и от Роберта, короля Шотландии, которые оба с большим упорством приглашали его посетить их королевства. Надеясь побудить этих принцев помочь ему в его планах против неверных, он вскоре прибыл в Лондон в сопровождении Джона Кремера, аббата Вестминстера.

Говорят, что этот священнослужитель был одним из самых знаменитых герметических художников своего времени. Он тридцать лет работал над достижением цели алхимии, но неясности герметических писателей, которые он не мог прояснить, ввергли его в лабиринт ошибок. Чем больше он читал, тем больше удивлялся; наконец, устав от потери денег и, что еще важнее, своего драгоценного времени, он отправился в путешествие, и имел счастье встретить Раймонда Лулли в Италии. Он подружился с ним, пробыв некоторое время в его компании, вдохновленный его покаянной жизнью и просветленный его философскими беседами. Однако, хотя адепт и говорил об алхимии, он не хотел полностью раскрывать суть процесса. Кремер был коварен и ласков; он понял, что рвение Лулли по обращению неверных в свою веру переходило в ложный энтузиазм по поводу открытой войны с мусульманами, и легко убедил его посетить Англию в надежде на помощь короля Эдуарда. Адепт поселился у своего друга в Вестминстерском аббатстве, где он работал и усовершенствовал камень, который Кремер так долго безуспешно искал. Он был должным образом представлен королю, который, заранее проинформированный о талантах прославленного незнакомца, принял его с уважением и вниманием.

Когда он «поделился своими сокровищами», единственным условием, которое он поставил, было то, что они не должны были тратиться на роскошь двора или на войну с христианским князем, а король должен был лично с армией выступить против неверных.

Эдуард, под предлогом оказания чести Раймонду, предоставил ему апартаменты в Лондонском Тауэре, где адепт повторил свой процесс. Он превратил неблагородный металл

в золото, которое было отчеканено на монетном дворе в шесть миллионов ноблей, каждый из которых сегодня стоит три фунта стерлингов. Эти монеты хорошо известны антикварам под названием «розовые нобли». Испытания показали, что они содержат более чистое золото, чем монеты Якоба или любые другие золотые монеты, изготовленные в то время. В своем завещании Люлли заявляет, что за короткое время, проведенное в Лондоне, он превратил двадцать две тонны ртути, свинца и олова в драгоценный металл.

Его проживание в Тауэре оказалось лишь почетной тюрьмой, и когда Раймонд удовлетворил желания короля, последний проигнорировал цель, которую адепт так стремился осуществить, и чтобы вернуть себе свободу, Люлли был вынужден тайно бежать, быстро покинув Англию.

Кремер, чьи намерения были искренними, был не менее опечален, чем Раймонд, таким исходом событий, но он был подчинен своему суверену и мог только молча стонать. Он заявляет о своем крайнем огорчении в завещании, а его монастырь ежедневно возносил молитвы Богу об успехе дела Раймонда. Аббат прожил еще долго после этого и дожил до части правления короля Эдуарда III. Ход действий, который он предлагает в своем завещании с явной искренностью, не менее завуалирован, чем у самых непонятных авторов.

Во-первых, эта история не согласуется сама с собой. Если Раймонд Лулли был в Вене в 1311 году, как Джон Кремеру удалось встретиться с ним в Италии примерно в то же время? Во-вторых, вся история, касающаяся изготовления «Розовых благородных», представляет собой череду ошибок. Король, взошедший на престол Англии в 1307 году, был Эдуард II, а «Розы благородные» впервые появляются в истории нумизматики во время правления Эдуарда IV, в 1465 году.

«На пятом году правления короля, по другому договору с лордом Гастингсом, золотые монеты были вновь изменены, и было приказано, чтобы из одного фунта золота чеканилось только сорок пять ноблей, а не пятьдесят, как в последние два правления. Это вернуло вес нобля к ста пятидесяти гранам, как это было с 1351 по 1412 год, но его стоимость была повышена до 10 шиллингов. В то же время было приказано изготовить новые монеты с изображением ангелов: из одного фунта золота должно было быть отчеканено шестьдесят семь с половиной монет «», каждая из которых должна была иметь стоимость 6 шиллингов 8 пенсов, то есть новый ангел, весивший восемьдесят гранов, должен был иметь ту же стоимость, что и нобль, весивший сто восемь гранов. *Новые нобли, чтобы отличать их от старых, назывались «розовыми ноблями» (Rose Nobles) по розе, отчеканенной на обеих сторонах, или «риалами» (ryals), или «роялами» (royals) — названием, заимствованным у французов, которые дали его монете с изображением короля в королевских одеждах, чего не было на английских риалах. Несмотря на свою неуместность, название «королевская» было дано этим 10-шиллинговым монетам не только народом, но и в нескольких законах королевства».* [О]

В-третьих, завещание, приписываемое Джону Кремеру, аббату Вестминстера, которому мы обязаны основным описанием визита Лулли в Англию, является полностью поддельным. Ни один человек с таким именем никогда не занимал должность аббата в любой период истории аббатства.

Единственной монетой, которую приписывают алхимии, была монета, отчеканенная Эдуардом III в 1344 году. Предполагается, что золото, использованное для чеканки этой монеты, было произведено в Тауэре; мастером, о котором идет речь, был не Раймонд Лулли, а англичанин Рипли.

Независимо от того, был ли святой из Майорки знатоком герметического искусства, совершенно точно известно, что он не посещал Британские острова. Также известно, что в *Ars Magna Sciendi*, часть 9, глава «Элементы», он утверждает, что один вид металла не может быть преобразован в другой, и что алхимическое золото имеет только внешний вид этого металла, то есть является просто уловкой.

Поскольку все трактаты, приписываемые Раймонду Лулли, не могут быть его, а его блуждающая и бурная жизнь вряд ли давала ему возможность проводить длительные эксперименты, которые обычно сопутствуют поиску *великого дела*, разумно предположить, что его алхимические сочинения являются поддельными или что два автора с одинаковыми именами были по незнанию перепутаны. Что касается «еврейского неопита», упомянутого в *Biographie Universelle*, то никаких подробностей о его жизни не известно. Весь этот вопрос неизбежно окутан неопределенностью, но немаловажно впервые установить вымышленный характер «Завещания Кремера». Это произведение было впервые опубликовано Михаэлем Майером в его «*Tripus Aureus*» примерно в 1614 году. Два сопровождающих его трактата, по-видимому, являются подлинными реликвиями герметической древности.

«Clavicula, или Маленький ключ» Раймона Лулли, как правило, считается содержащим главные секреты алхимического мастерства; он разъясняет другие трактаты своего автора и стремится раскрыть все искусство без каких-либо вымыслов. Трансмутация металлов зависит от их предварительного превращения в летучее софическое *argent vive*, и единственными металлами, которые стоит превращать для получения этой *prima materia*, являются серебро и золото. Говорят, что это *argent vive* более сухое, горячее и более переработанное, чем обычное вещество, но его извлечение окутано тайной и символизмом, а рецепты невозможно выполнить из-за отсутствия материалов, описанных так уклончиво и обманчиво. В то же время ясно, что операции являются физическими, а материалы и объекты также физическими, что достаточно для наших целей и может быть легко проверено с помощью исследований.

Кроме того, алхимик, называвший себя Раймоном Лулли, был знаком с азотной кислотой и ее использованием в качестве растворителя металлов. Он мог получить *царскую водку* (), добавляя к азотной кислоте аммиачную соль или поваренную соль, и знал о ее свойстве растворять золото. Грюлин говорит, что он хорошо знал спирт вина, усиливал его сухим карбонатом калия и с его помощью готовил растительные настойки. Он упоминает квасцы из Рокки, марказит, белый и красный ртутный осадок. Он знал о летучей щелочи и ее коагуляции с помощью спирта. Он был знаком с купеллированным серебром и впервые получил масло розмарина путем дистилляции растения с водой. [P]

СНОСКИ:

[K] Об этой болезни упоминает другой автор, приводя подробности чудесного характера. «Около 1275 года (хронология всех биографов представляет собой хаос и путаницу) он заболел во второй раз и дошел до такого крайнего состояния, что не мог ни отдыхать, ни питаться. В праздник обращения святого Павла распятый Спаситель снова явился ему, прославленный и окруженный восхитительным ароматом, превосходившим мускус, янтарь и все другие благовония. В память об этом чуде в тот же день, в той же постели и в том же месте, где он жил и спал, распространяется тот же небесный аромат».

[L] Существует также следующая вариация: «Обнаружив, что он все еще жив, когда его несли на корабль, купцы повернули назад к Генуе, чтобы найти помощь, но были чудесным образом

перенесены на Майорку, где мученик скончался на глазах у своего родного острова. Купцы решили никому не рассказывать о своем драгоценном грузе, который они бальзамировали и бережно хранили, намереваясь перевезти его в Геную. Трижды они выходили в море при благоприятном ветре, но каждый раз были вынуждены возвращаться в порт, что явно свидетельствовало о воле Божьей и заставляло их рассказать о мученической смерти человека, которого они почитали, который был забит камнями во славу Божью в городе Бугия (?) в 1318 году от Рождества Христова». Из этого рассказа видно, что место насильственной смерти Люлли, а также дата, когда она произошла, вызывают сомнения. Он родился во время понтификата Гонория IV и умер, по словам Женебранда, около 1304 года; но автор предисловия к размышлениям отшельника Блакерна точно устанавливает дату его смерти на праздник мученичества святых Петра и Павла, 29 июня 1315 года, и заявляет, что ему было восемьдесят шесть лет.

[М] Например, Жан-Мари де Вернон, который расширяет списки до примерно трех тысяч и, следуя за Пер Пацификом де Прованс, продлевает его жизнь благодаря открытию универсального лекарства.

[N] «Жизнь алхимиков-философов», изд. 1815.

[O] Кеньон, «Золотые монеты Англии», стр. 57, 58.

[P] Груэлин, *Geschichte der Chemie*, i. 74.

АРНОЛЬД ДЕ ВИЛЛАНОВА.

Дата и место рождения этого прославленного адепта одинаково неопределенны. Каталония, Милан и Монпелье были по отдельности названы в качестве места рождения, а 1245 год в целом является вероятным периодом.

Арнольд изучал медицину в Париже в течение двадцати лет, после чего еще десять лет путешествовал по Италии, посещая различные университеты. Затем он проник в Испанию, но, узнав, что его друг Питер д'Апоно попал в руки инквизиции, он благоразумно удалился и остался под покровительством Фридриха, короля Неаполя и Сицилии, написав свои трактаты по медицине и «Комментарий к школе Салерно». Говорят, что он погиб в шторме в 1314 году, но в циркулярном письме, написанном папой Климентом V в 1311 году, он призывает тех, кто живет под его властью, найти, если возможно, и прислать ему «Трактат о медицине», написанный Арнольдом, его врачом, который обещал его Святому Отцу, но умер, не успев его представить. В этом случае дату его смерти можно более точно установить как 1310 год.

Согласно обычаям того времени, Арнольд был обвинен в магических практиках (). Франсуа Пегна заявляет, что вся его эрудиция в алхимии была получена от демона. Мариана обвиняет его в попытке создать человека с помощью определенных лекарств, помещенных в тыкву. Но Дельрио оправдывает его от этих обвинений, а ортодоксальный *Dictionnaire des Sciences Occultes* считает, что Климент V не выбрал бы в качестве своего врача человека, посвященного в магические искусства. В 1317 году инквизиция Таррагоны приговорила его книги к сожжению, но это было сделано из-за еретических взглядов, которые они содержали. Он писал критические замечания о монашеском состоянии и служении религии и утверждал, что дела божественной веры и милосердия более угодны Богу, чем жертвоприношение мессы.

Его мастерство в герметической философии было общепризнанным. Его современник, знаменитый юрисконсульт Джон Андре, говорит о нем: «В это время появился Арнольд де Вильнёв, великий теолог, искусный врач и мудрый алхимик, который создавал золото, которое он подвергал всем испытаниям». Арнольд также отличался более легким и ясным стилем письма, чем другие философы. Его алхимические труды были опубликованы в 1509 году в одном фолианте. Его *Libellus de Somniorum Interpretatione et Somnia Danielis* чрезвычайно редко встречается в оригинальном квартовом издании. Ему бездоказательно приписывают несколько алхимических и магических трудов. Среди них следует упомянуть книгу под названием «*De Physicis Ligaturis*», предположительно переведенную с арабского языка, «*De Sigillis duodecim Signorum*», посвященную знакам зодиака, и книгу «Три самозванца», которую «Словарь оккультных наук» называет «глупой и позорной».

«*Thesaurus Thesaurorum*» и «*Rosarium Philosophorum*», «*Speculum Alchemiæ*» и «*Perfectum Magisterium*» являются наиболее заметными из всех его алхимических трактатов. К ним студент должен добавить его «*Scientia Scientiæ*» и « » краткое «*Testamentum*». Издания различны, но трактаты можно найти в сборнике «*Bibliotheca Chemicæ Curiosa*» Дж. Дж. Мангетуса.

Арнольд утверждает, что *argent vive* является лекарством всех металлов, что обычная сера является причиной всех их несовершенств, что камень философов един, и что его следует извлекать из того, в чем он существует. Он существует во всех телах, включая обычный *argent vive*. Первая физическая работа заключается в растворении камня в его собственной ртути, чтобы уменьшить его до *prima materia*. Все операции *великого дела* описаны последовательно, включая состав белого и красного эликсиров и умножение металлического лекарства.

Марказит, часто упоминаемый Арнольдом, считается идентичным висмуту. Он был знаком с приготовлением скипидарного масла, масла розмарина и проводил дистилляцию в глазурованном глиняном сосуде со стеклянной крышкой и шлемом.

ЖАН ДЕ МЕУНГ.

Поэт, алхимик и астролог, человек состоятельный, происходивший из древнего рода, Жан де Мен был одной из главных фигур при дворе короля Филиппа IV Красивого. Согласно последним данным, он родился примерно в середине XIII века, и продолжение «*Романа о Розе*», которое Гийом де Лоррис начал еще до 1260 года, было предпринято им не в девятнадцать лет, как обычно утверждается, а примерно в тридцать лет или немного раньше, по просьбе французского короля.

Роман о Розе, «эта эпопея древней Франции», как называет его Элифас Леви, обычно считается алхимиками поэтическим и аллегорическим представлением секретов *великого дела* (). В любом случае, она провозглашает принципы герметической философии, а Жан де Мен был также автором «Упреков природы алхимику» и «Ответа алхимика природе». Герметические комментарии были написаны на основе романтической поэмы, и традиция приписывает автору достижение великих трансмутаций. Проповедь Гения, капеллана и исповедника Дамы Природы, в романе является демонстрацией принципов химии, а также сатирой на напыщенные и непонятные проповеди, которые были в моде в тот период. С 16 914 по 16 997 стих содержится много информации по химии.

1216 год является вероятным периодом смерти поэта. История, рассказанная о его завещании, основана только на легенде, но ее стоит повторить как свидетельство общего убеждения в его мастерстве как алхимика.

Согласно этой истории, он завещал быть похороненным в церкви якобинцев и в знак благодарности оставил им сундук, который, по крайней мере по весу, казался наполненным драгоценностями, вероятно, лучшим золотом, которое можно было изготовить с помощью навыков герметистов. Однако он приказал, чтобы этот сундук не открывали до окончания его похорон, когда, тронутые благочестием покойного, монахи собрались в большом количестве, чтобы присутствовать при его открытии и возблагодарить Бога. К их большому разочарованию, они обнаружили, что сундук был наполнен большими кусками сланца, красиво украшенными геометрическими и арифметическими фигурами. Возмущение отцов было возбуждено посмертным обманом, и они предложили изгнать тело Жана де Мёна из их освященных пределов; но парламент, будучи проинформированным об этой бесчеловечности, обязал якобинцев декретом оставить покойника нетронутым в почетной гробнице их монастырских монастырей.

В «Упреке природы алхимику», который описывается как глупый и софистический подсказчик, использующий только механические искусства, истец горько ругает фанатичного ученика, который распространяет над ее прекрасным владением зловоние серы, которую он тщетно мучает над своими печами, потому что таким методом он ничего не достигнет. Алхимик в своем «Ответе» предстает как раскаявшийся человек, убежденный в своих ошибках, которые он приписывает варварским аллегориям, притчам и обманчивым наставлениям, содержащимся в писаниях адептов.

Монах ФЕРАРИУС.

В начале XIV века этот итальянский художник подарил миру два трактата — «*De Lapide Philosophorum*» и «*Thesaurus Philosophiæ*», которые напечатаны в «*Theatrum Chemicum*».

Этот иезуит описывает «восхитительное зрелище» палингенезиса растений. «Сразу же после того, как флакон, наполненный квинтэссенцией розы, подвергается воздействию солнечных лучей, в узком пространстве сосуда открывается совершенный мир чудес. Растение, погребенное в пепле, пробуждается, поднимается и распускается. За полчаса растительный феникс воскресает из собственной праха. Роза выходит из своей гробницы и обретает новую жизнь. Это цветочный символ того воскресения, благодаря которому смертные, лежащие во тьме и тени смерти, перейдут в прекрасное бессмертие».

В трактате о философском камне очень уместно отмечается, что в алхимии первое, что необходимо выяснить, — это что на самом деле означает многозначное выражение *argentum vivum sapientum*, вопрос, по которому автор изящно отказывается давать информацию (). Обе работы чрезвычайно туманны и раздражают. *Thesaurus Philosophiæ* свидетельствует, что прямолинейность философов является полностью иллюзорной и что только в их непостижимых глубинах мы должны искать свет Гермеса.

Алхимия — это наука о четырех элементах, которые присутствуют во всех созданных веществах, но не являются обычными. Вся практика этого искусства заключается просто в преобразовании этих элементов друг в друга. Семя и материя каждого металла — это ртуть,

которая вываривается и иным образом готовится в недрах земли, и каждый из них может быть сведен к этой *первоматерии*, с помощью которой они также, все до единого, поддаются увеличению и умножению, даже до бесконечности.

ПАПА ИОАНН XXII.

Этот понтифик считается алхимиками адептом, что отрицается, но не опровергается его ортодоксальными биографами. О том, что он верил в силу магии, свидетельствует обвинение, которое он выдвинул против Жерара, епископа Каора, которого он обвинил в попытке отравления его самого и всего колледжа кардиналов, а также в том, что он, в частности, применил против них всех колдовство и дьявольские чары. Он был современником Раймона Лулли и Арнольда де Вилланова и, как говорят, был учеником и другом последнего. Тем не менее, вред, причиненный в тот период мошенничеством самозванных алхимиков, побудил его издать буллу, осуждающую торговцев этой наукой как шарлатанов, обещавших то, чего они не могли выполнить. Герметические писатели утверждают, что эта булла не была направлена против истинных адептов, и его преданность своей лаборатории в Авиньоне кажется достаточно установленным фактом. Франциск Паги в своем *Breviarum de Gestis Romanorum Pontificum* приводит следующий отрывок: «*Joannes scripsit quoque latino sermone artem metallorum transmutorium; quod opus prodiit Gallici incerto translatore Lugduni, anno 1557 in 8vo*». Признается, что он был писателем по медицине. Его «*Thesaurus Pauperum*», сборник рецептов, был напечатан в Лионе в 1525 году, и он был автором трактата о заболеваниях глаз и другого трактата о формировании плода. По общему мнению, он родился в Каоре в бедной, но уважаемой семье; с раннего возраста он проявил свои способности в области права и наук. Обстоятельства его жизни остаются крайне неясными до его посвящения в епископы Фрежюса в 1300 году. Впоследствии он был повышен до епископа Авиньона, а Климент V назначил его кардиналом-епископом Порту. Он был возведен в сан папы в Лионе и правил в Авиньоне до своей смерти в 1334 году. Он оставил после себя в своих сундуках восемнадцать миллионов флоринов золотом и семь миллионов драгоценностями, помимо ценных освященных сосудов. Алхимики приписывают эти огромные сокровища его мастерству в их науке и утверждают, что он изготовил двести слитков, по-видимому, за один раз. По подсчетам одного из его биографов, это количество драгоценного металла эквивалентно 660 000 фунтов стерлингов. Ему приписывается трактат под названием «Эликсир философов, или искусство трансмутации металлов». Он был переведен с латыни на французский язык и опубликован в Лионе в 1557 году в формате duodecimo. Он написан *ad clerum*, и по этой причине, вероятно, является более вводящим в заблуждение. В нем говорится, что составляющими идеального лекарства являются уксус, соль, моча и аммиачная соль с добавлением неопisanного вещества под названием *sulphur vive*.

НИКОЛА ФЛАМЕЛЬ.

Имя этого адепта алхимии глубоко почитается не только в памяти герметистов, но и в сердцах французского народа, среди которого он является центральной фигурой многих чудесных легенд и традиций. «В то время как во все времена и во всех народах большинство жрецов получали в результате своей преданности алхимии лишь обман, разорение и отчаяние,

Николас Фламель наслаждался постоянной удачей и безмятежностью. Далекий от того, чтобы тратить свои ресурсы на практику *великого дела*, он с необычайной внезапностью добавил к своему скромному состоянию огромное сокровище. Он использовал их для благотворительных пожертвований и создания благочестивых фондов, которые долгое время пережили его и осылали его память. Он построил церкви и часовни, которые были украшены его статуями в сопровождении символических персонажей и таинственных крестов, которые последующие адепты долгое время пытались расшифровать, чтобы раскрыть его тайную историю и каббалистическое описание процесса, который привел его к осознанию Великого Магистерства».

Родился ли Фламель в Париже или в Понтуазе, так же неизвестно, как и точная дата его рождения. Это произошло в период правления Филиппа IV Красивого, грабителя великого ордена Тамплиеров, и, в целом, наиболее вероятным годом является 1330 год. Его родители были бедны и оставили ему немногим больше, чем скромный дом в Париже, который он продолжал владеть до самой смерти и который в конце концов завещал церкви. Он стоял на улице Нотариуса, на углу улицы Мариво, напротив двери Мариво церкви Сен-Жак-ла-Бушери.

Историки расходятся во мнениях относительно уровня образования, которое Жан-Креве-Фламель () получил в молодости, но оно было достаточным, чтобы он мог заниматься писарским делом, которым, несмотря на свое богатство и признанную мудрость, он продолжал заниматься всю жизнь. Он был хорош в живописи и поэзии, интересовался архитектурой и математическими науками, но при этом усердно занимался своим делом и заключил благоразумный брак, выбрав в качестве супруги вдову по имени Пернель, которая, хотя и была красива, но уже перешагнула сорокалетний рубеж, зато принесла своему второму мужу значительное приданое.

В качестве переписчика в допечатную эпоху Фламель имел доступ к книгам всех видов, среди которых было много иллюминированных алхимических трактатов, считающихся одними из самых редких сокровищ средневековых рукописей. Зная латинский язык, он незаметно накопил экзотерические знания о целях и теориях адептов. Его интерес и любопытство пробудились, и он начал изучать их в свободное время. Теперь традиция сообщает нам, что, независимо от того, было ли его приложение большим, его желание интенсивным, или же он был чрезвычайно подходящим для включения по божественному избранию в число иллюстрированных Сынов Доктрины, или по какой-либо другой причине, мистический Бат-Кол явился ему в образе ангела, несущего замечательную книгу, переплетенную в хорошо обработанную медь, с листами из тонкой коры, тщательно выгравированными железным пером. Надпись золотыми буквами содержала посвящение, обращенное к еврейскому народу Авраамом Иудеем, князем, священником, астрологом и философом.

«Фламель, — воскликнуло сияющее видение, — посмотри на эту книгу, которой ты ничего не понимаешь; для многих, кроме тебя, она останется навсегда непонятной, но однажды ты разглядишь на ее страницах то, что никто, кроме тебя, не увидит!»

При этих словах Фламель с нетерпением протянул руки, чтобы завладеть бесценным даром, но книга и ангел исчезли в золотистом потоке света. Писарь проснулся и отныне был очарован божественной мечтой об алхимии; но прошло столько времени, а ангельское обещание так и не сбылось, что пыл его воображения охладел, великая надежда постепенно угасла, и он снова погрузился в обыденную жизнь усердного писца, когда в один из дней

выборов в 1357 году произошло событие, которое подтвердило правдивость его видения и возвысило его амбиции и стремления до температуры печи. Это событие и его последствия описаны в последнем завещании Николая Фламель, которое начинается следующим впечатляющим образом, но не содержит никаких упоминаний о легендарном видении:

«Господь Бог моей жизни, который возвышает смиренных духом из самой презренной пыли и радуется сердца тех, кто надеется на Него, да будет вечно прославлен.

Который по Своей милости открывает верующим душам источники Своей щедрости и подчиняет их ногам венцы всех земных благ и славы.

Давайте всегда будем уповать на Него, давайте будем искать счастье в страхе перед Ним, а в Его милости — надежду и славу восстановления из нашего падшего состояния.

«И в наших молитвах к Нему давайте демонстрировать или проявлять неподдельную и устойчивую веру, уверенность, которая никогда не будет поколеблена.

«И Ты, о Господи Боже Всемогуший, как Ты, из Твоей бесконечной и желанной доброты, снизошел открыть землю и открыть Твои сокровища мне, Твоему бедному и недостойному слуге, и дал в мое владение источники и родники всех сокровищ и богатств этого мира.

«Итак, о Господи Боже, из Твоей безграничной доброты прояви ко мне милосердие, чтобы, когда я перестану быть в земле живых, Ты открыл мне небесные богатства, божественные сокровища и дал мне часть или долю в небесном наследии навечно.

Там я смогу созерцать Твою божественную славу и полноту Твоего Небесного Величия, невыразимое удовольствие и восхитительную радость, которые ни один смертный не может выразить или вообразить.

«Об этом я молю Тебя, Господи, ради нашего Господа Иисуса Христа, Твоего возлюбленного Сына, который в единстве Святого Духа живет с Тобой во веки веков. Аминь.

«Я, *Николас Фламель*, писец, живущий в *Париже*, в 1399 году, на *улице Нотариусов*, недалеко от *Св. Джеймса*, в *Бушери*, хотя я не очень хорошо знал латынь из-за бедности и скупости моих родителей, которые, тем не менее, считались (теми, кто мне больше всего завидовал) честными и добрыми людьми.

«Тем не менее, по милости Божьей, я не испытывал недостатка в понимании книг философов, но изучил их и достиг определенного уровня знаний, в том числе и о их скрытых тайнах.

«По этой причине не пройдет ни одного мгновения моей жизни, когда, вспоминая об этом огромном благе, я не буду на коленях, если место позволит, или же в своем сердце, со всей полнотой своих чувств, благодарить этого моего доброго и драгоценного Бога.

«Который никогда не покидает праведных, не позволяет детям праведников просить милостыню и не обманывает их надежд, но поддерживает благословениями тех, кто доверяет Ему.

После смерти моих родителей я, *Николас Фламель*, зарабатывал на жизнь () искусством письма, составлением описей, ведением счетов, ведением книг и тому подобным.

В ходе такой жизни мне случайно попала в руки позолоченная книга, очень старая и большая, которая стоила мне всего два *флорина*.

Она была сделана не из бумаги или пергамента, как другие книги, а из замечательной коры (как мне показалось) молодых деревьев. Обложка была из *латуни*; книга была хорошо переплетена и по всей поверхности исчерчена странными буквами, которые я принял за греческие или что-то в этом роде.

Я знаю, что не мог их прочесть, и это не были ни латинские, ни французские буквы, которые я немного понимаю.

Но что касается содержания книги, то оно было выгравировано (как я полагаю) железным карандашом или резцом на упомянутых листьях коры, сделано замечательно хорошо, красивыми и аккуратными латинскими буквами и любопытно раскрашено.

«Она содержала трижды семь листов, так как они были пронумерованы в верхней части каждого фолианта, и каждый седьмой лист был без надписей, но вместо этого на нем было нарисовано несколько изображений или фигур.

На первом седьмом листе было изображено: 1. Дева. 2. Змеи, пожирающие ее. На втором седьмом — распятый змей; а на последнем седьмом — пустыня или дикая местность, посреди которой виднелось множество красивых фонтанов, из которых то тут, то там вылезали змеи.

На первом листе золотыми буквами было написано: «Авраам, еврей, священник, князь, левит, астролог и философ, желает здоровья народу евреев, рассеянному гневом Божиим во Франции».

После этих слов лист был заполнен множеством проклятий и проклятий со словом «Маранафа», которое часто повторялось в адрес любого, кто хотел бы раскрыть его, за исключением священника или писца.

«Человек, который продал мне эту книгу, был так же не осведомлен о ее ценности, как и я, который ее купил. Я полагаю, что она могла быть украдена у кого-то из еврейского народа или найдена в каком-то месте, где они древно жили.

На второй странице книги он утешал свой народ и давал ему благочестивый совет: отвернуться от своих пороков и злых дел, но прежде всего бежать от идолопоклонства и терпеливо ждать прихода Мессии, который, победив всех царей и властителей земли, будет царствовать в славе со своим народом до вечности. Без сомнения, это был очень благочестивый, мудрый и понимающий человек.

«На третьем листе и во всех последующих писаниях он простыми словами учил их превращению металлов, чтобы помочь и поддержать свой рассеянный народ в уплате дани римским императорам, а также некоторым другим вещам, которые здесь не нужно повторять.

Он нарисовал сосуды на полях или краях листов и открыл все цвета, как они должны возникать или появляться, вместе со всем остальным.

Но о *prima materia*, или первоматерии, или агенте, он не сказал ни слова; он только сказал им, что на четвертом и пятом листах он полностью нарисовал или расшифровал ее, изобразил или изобразил с желаемой ловкостью и мастерством.

«Теперь, хотя это было необычайно хорошо и материально или понятно изображено и нарисовано, тем не менее, никто не мог бы понять это, не будучи хорошо осведомленным в их Кабале, которая представляет собой серию старых традиций, а также не изучив их книги.

Четвертый и пятый листы не содержали никаких надписей, но были полны красивых фигур, ярких и сияющих, или, так сказать, озаренных, и очень изысканно изображенных.

«Сначала был изображен молодой человек с крыльями на лодыжках, держащий в руке жезл с двумя змеями, обвивающими его, которым он ударил по шлему, покрывающему его голову.

В моем скромном понимании это казалось одним из языческих богов, а именно Меркурием. Против него бежал и летел с распростертыми крыльями великий старик с песочными часами на голове и косой в руках, подобный Смерти, которой он (как бы в гневе) хотел отсечь ноги Меркурия.

«На другой стороне четвертого листа он нарисовал красивый цветок на вершине очень высокой горы, которую сильно сотрясал северный ветер. Его стебель был голубым, цветы — белыми и красными, а листья блестели, как чистое золото, и вокруг него драконы и грифоны севера строили свои гнезда и жилища.

«На пятом листе был изображен прекрасный цветущий розовый куст посреди сада, растущий у дупла дуба, у подножия которого бурлил фонтан чистой белой воды, стремительно стекающей вниз, в глубину.

«Однако он прошел через руки большого количества людей, которые копали землю в поисках его, но из-за своей слепоты никто из них не узнал его, за исключением очень немногих, которые оценили его вес.

На последней стороне листа был изображен король с мечом, который заставлял своих солдат убивать перед ним многих младенцев, а матери стояли рядом и плакали у ног своих убийц.

Кровь этих младенцев собирали другие солдаты и наливали в большой сосуд, в котором Сол и Луна пришли искупаться.

«И поскольку эта история, казалось, изображала уничтожение невинных детей Иродом, и я узнал основную часть искусства из этой книги, я поместил на кладбище церкви Св. Фомы () эти иероглифические фигуры этого знания. Таким образом, вы получили то, что было содержится в первых пяти листах.

Что же касается всего остального, написанного на остальных листах хорошим и понятным латинским языком, я должен скрыть это, чтобы Бог, разгневавшись на меня, не послал на меня Свою кару и суд. Это было бы гораздо большим злом, чем тот, кто желал, чтобы все люди в мире имели по одной голове, чтобы он мог отрубить ее одним ударом.

«Получив таким образом эту деликатную и драгоценную книгу, я день и ночь не делал ничего другого, кроме как изучал ее; я очень хорошо понимал все операции, которые в ней описывались, но совершенно не знал, с чего мне начать, что делало меня очень печальным и недовольным.

Моя жена, которую звали Перренель, которую я любил не меньше, чем себя, и на которой я недавно женился, очень беспокоилась за меня и, утешая меня многими словами, искренне желала узнать, как она может избавить меня от этой беды.

Я не мог больше хранить тайну и рассказал ей все, показав ей саму книгу, которая, когда она ее увидела, понравилась ей так же, как и мне, и она с большим восторгом рассматривала ее замечательную обложку, гравюры, изображения и изысканные рисунки, но понимала их так же мало, как и я.

Тем не менее, мне было утешением беседовать и развлекаться с ней, а также думать о том, что мы должны сделать, чтобы найти толкование и смысл этой книги.

Наконец я велел нарисовать в своей комнате, насколько это было возможно, все изображения и фигуры с четвертого и пятого листов.

Я показал их величайшим ученым и самым образованным людям Парижа, которые поняли их не больше, чем я сам. Я сказал им, что они были найдены в книге, которая учила философскому камню.

Но большинство из них высмеяли и меня, и эту величайшую тайну, за исключением одного человека по имени Ансельм, практикующего врача и глубокого знатока этого искусства.

Он очень хотел увидеть мою книгу, которую ценил больше всего на свете, но я всегда отказывал ему, только подробно демонстрируя ему метод.

Он сказал мне, что первая фигура олицетворяет Время, которое пожирает все, и что, согласно шести написанным листам, для совершенствования камня требуется шесть лет; а затем, сказал он, мы должны повернуть стекло и больше не смотреть на него.

Я сказал ему, что это не было нарисовано, а только показано учителю *prima materia*, или первое вещество, как было написано в книге. Он ответил мне, что это шестилетнее переваривание было, так сказать, вторым веществом, и что, безусловно, первое вещество было там нарисовано, и это была белая и тяжелая вода.

«Это, без сомнения, было *argent vive*, которое они не могли зафиксировать; то есть отрезать ему ноги или лишить его изменчивости, кроме как путем длительного переваривания в чистой крови младенцев.

«Ибо в том, что это *argent vive*, соединившись с Солнцем и Луной, сначала превратилось вместе с ними в растение, подобное тому, что было изображено, а затем, в результате разложения, в змей, которые, будучи полностью высушены и переработаны, превратились в тонкий порошок золота, который и является камнем.

«Этот странный или чуждый делу разговор был причиной моего заблуждения, и это заставило меня блуждать в течение двадцати одного года в совершенном отклонении от истины; за это время я прошел через тысячу лабиринтов или процессов, но все тщетно; однако никогда с кровью младенцев, ибо я считал это злым и подлым.

«Ибо я нашел в своей книге, что философы называли кровью минеральный дух, который находится в металлах, главным образом в Солнце, Луне и Меркурии, с чем я всегда, по

своему собственному суждению, соглашался. Однако эти интерпретации были, по большей части, не более тонкими, чем правдивыми.

«Не найдя, таким образом, в своей работе или ходе процесса признаков, записанных в то время в моей книге, я должен был начать все сначала.

В конце концов, потеряв всякую надежду когда-либо понять эти символы или фигуры, я дал клятву Богу, что попрошу их толкование у какого-нибудь еврейского священника, принадлежащего к какой-нибудь синагоге в Испании.

«После чего, с согласия моей жены Перренель, взяв с собой выдержку или копию рисунков или изображений, я надел одежду паломника и взял посох, так же, как вы видите меня изображенным без упомянутой арки, на упомянутом церковном дворе, где я поместил эти иероглифические рисунки.

«После чего я также поместил на стене, с обеих сторон, процесс, представляющий в порядке все цвета камня, как они поднимаются и снова исчезают.

Это, так сказать, самое начало книги Геракла, озаглавленной «Ирис, или Радуга», в которой о камне говорится следующим образом: *«Процесс работы очень приятен природе.*

«И эти слова я также поместил там специально для великих ученых и образованных людей, которые могут понять, на что они намекают.

«Таким же образом, говорю я, я отправился в путь в Испанию и так поспешил, что вскоре прибыл в Монтджой, а через некоторое время — в Сан-Хайме, где с большой преданностью выполнил свое обещание.

«Сделав это, в Леоне, по возвращении я встретил купца из Булони, который познакомил меня с врачом, господином Каншесом, евреем по национальности, но теперь христианином, проживающим в вышеупомянутом Леоне.

Я показал ему выдержку или копию моих рисунков, от которых он был, так сказать, в восторге от великого удивления и радости. Он сразу же спросил, могу ли я рассказать ему что-нибудь о книге, из которой они были взяты.

Я ответил ему на латыни (на этом языке он задал мне вопрос), что не сомневаюсь в том, что смогу увидеть эту книгу, если встречу кого-нибудь, кто сможет разгадать загадки. Услышав это, он был охвачен большим волнением и радостью и начал расшифровывать мне начало книги. Короче говоря, он был очень рад, что, как он надеялся, услышит новости о книге, а я был столь же рад слышать, как он говорит и толкует ее. Несомненно, он много слышал об этой книге, но, как он сказал, она считалась полностью утраченной. После этого мы решили отправиться в путешествие и из Леона переехали в Овьедо, а оттуда в Саресон, где сели на корабль и вышли в море, чтобы отправиться во Францию.

«Наше путешествие было удачным и счастливым, и, прибыв в королевство Франция, он самым правдивым образом истолковал мне большую часть моих рисунков, в которых, вплоть до мельчайших деталей, он смог разгадать великие тайны, что было для меня удивительным. Достигнув Орлеана, этот ученый человек заболел, даже до смерти, страдая от сильной рвоты, которая продолжалась у него, как будто была вызвана морской болезнью. Несмотря на это, он постоянно боялся, что я его покину или брошу, что доставляло ему большие страдания. И хотя я постоянно был рядом с ним, он почти всегда звал меня. На седьмой день

болезни он умер, что доставило мне немалое горе, и я похоронил его, насколько позволяло мое состояние, в церкви в Орлеане.

«Тот, кто хочет увидеть, как я прибыл и как радовалась Перренель, пусть посмотрит на нас двоих в Париже, на двери часовни Жака де Бушери, рядом с моим домом, где мы оба изображены на коленях, благодарящих Бога. Ибо по милости Божьей я достиг совершенного знания всего, чего желал.

«Итак, теперь у меня была *prima materia*, первоначальные принципы, но еще не их первоначальная подготовка, что является самым трудным делом в мире; но в конце концов я получил и это, после долгого заблуждения и блуждания в лабиринте ошибок в течение трех лет или около того, в течение которых я не делал ничего, кроме как учился, искал и трудился, как вы видите меня изображенным без этой арки, где я поместил свой процесс; непрестанно молясь Богу и внимательно читая свою книгу, размышляя над словами философов, а затем пробуя и проверяя различные операции, которые, как я думал, они могли иметь в виду своими словами. Наконец я нашел то, что желал, что я также скоро узнал по запаху и аромату. Имея это, я легко выполнил магистерство. Поскольку я знал приготовления первичных агентов, а затем буквально следовал инструкциям в своей книге, я не мог промахнуться, даже если бы захотел.

«Достигнув этого, я перехожу теперь к проекции; в первый раз я сделал проекцию на ртуть, полтора фунта которой, или около того, я превратил в чистое серебро, лучше, чем из рудника, что я проверил, сам проверив его, а также попросив других проверить его для меня несколько раз. Это было сделано в 1382 году от Рождества Христова, 17 января, около полудня, в понедельник, в моем собственном доме, в присутствии только Перренеля.

«Снова, точно следуя инструкциям в моей книге, буквально и слово в слово, я произвел проекцию красного камня на такое же количество, в присутствии только Перренеля и в том же доме, что было сделано в том же году от Рождества Христова, а именно 25 апреля 1382 года, в пять часов дня. Эту ртуть я действительно превратил почти в такое же количество золота, гораздо лучшего, чем обычное золото, более мягкого и более пластичного.

«Я говорю это по правде: я сделал это три раза с помощью Перренель, которая понимала это так же хорошо, как и я, потому что она помогала мне в моих операциях. И без сомнения, если бы она сделала это в одиночку, она достигла бы такого же или даже большего совершенства, как и я. Мне было бы достаточно, если бы я сделал это один раз, но я испытывал чрезвычайно большое удовольствие и восторг, глядя и созерцая *чудесные творения Природы внутри сосудов*, и чтобы показать вам, что я сделал это три раза, я велел изобразить под той же аркой три печи, подобные тем, которые служат для проведения этой работы.

«Я долгое время очень беспокоился, что Перренель, из-за чрезмерной радости, не сможет скрыть свое счастье, которое я оценивал по своему собственному, и что она проговорится своим родственникам о великом сокровище, которым мы обладали. Ведь крайняя радость лишает разума так же, как и крайняя печаль и горе. Но великий Бог не только даровал мне это благословение, дав мне целомудренную и трезвую жену, но и наделил ее мудростью и благоразумием, способностью не только мыслить, но и поступать разумно, а также большей сдержанностью и скрытностью, чем обычно присущи другим женщинам. Прежде всего, она была чрезвычайно религиозной и набожной: и поэтому, видя, что у нее нет надежды на детей, и теперь, когда она уже в преклонном возрасте, она, как и я, посвятила себя размышлениям о Боге и делам милосердия и благотворительности.

«До того времени, когда я написал этот трактат, который был в конце 1413 года от Рождества Христова, после смерти моего верного спутника, о потере которого я не могу не скорбеть все дни своей жизни, мы с ней уже основали и обеспечили доходами четырнадцать больниц, три часовни и семь церквей в городе Париже, все из которых мы построили с нуля и обогатили великолепными дарами и доходами, а также многими ремонтами на их кладбищах. Мы также сделали в Булони почти столько же, сколько и в Париже, не говоря уже о благотворительных деяниях, которые мы оба совершали в отношении отдельных бедных людей, главным образом вдов и сирот, чьи имена я должен был бы раскрыть, с великодушием благотворительности и способом и манерой ее совершения, так как моя награда тогда была бы только в этом мире, и это не могло бы быть приятно для тех, кому мы это делали.

«Поэтому, строя эти больницы, часовни, церкви и кладбища в городе, я велел изобразить под упомянутым четвертым сводом самые истинные и существенные знаки или символы этого искусства, но под завесами, типами и иероглифическими покрытиями, в подражание тому, что содержится в позолоченной книге Авраама Иудея; демонстрируя мудрым и разумным людям прямой и совершенный способ действия и линейную работу философского камня. Который, будучи усовершенствованным кем-либо, избавляет его от корня всех грехов и зла, которым является алчность, превращая его зло в добро и делая его щедрым, вежливым, религиозным, набожным и боящимся Бога, каким бы злым он ни был раньше. Ибо с тех пор он постоянно восхищается добротой Бога, Его благодатью и милосердием, которые он получил из источника Вечной Доброты, глубиной Его божественной и поклоняемой силы и соображением Его замечательных дел».

По словам Лангле дю Фреснуа, свидетельства этих « » вещей сохранились в 1742 году. На кладбище Святых Невинных стояла арка, построенная Фламелем, с иероглифическими фигурами на ней. В двух нишах, без арки и со стороны кладбища, стояли статуи Святого Иакова и Святого Иоанна. Под статуей святого Иоанна находилась фигура самого Фламеля, читающего книгу, с готической буквой N. F., обозначающей его имя. Однако последовательность цветов в порядке процесса, первоначально изображенная на стене, была стерта.

На том же кладбище находился костница, или хранилище черепов и костей, извлеченных при рытье новых могил. На одном из столбов этой костницы была готическая буква N. F. с надписью:

Ce charnier fut fait & donné à l'Eglise,

Pour l'amour de Dieu, l'an 1399.

Второе из этих свидетельств находилось на двери Мариво церкви Сен-Жак-ла-Бушри, где с левой стороны при входе была изображена фигура Фламеля, преклонившая колени у ног святого Иакова, с готической буквой N на пьедестале. Фигура Перренель была изображена на противоположной стороне, преклонившая колени у ног святого Иоанна, на пьедестале с готической буквой P.

Третье свидетельство находилось на улице Нотр-Дам, у портала Женевиёвы Арденской. Там в нише была видна статуя Фламеля, стоящего на коленях с письменным столом рядом, смотрящего в сторону Святого Иакова. Внизу была готическая буква N. F. и надпись: «Этот портал был построен в 1402 году на пожертвования многих». Предполагается, что Фламель таким образом скрыл, что он был главным донором, но фигура, возможно, была воздвигнута в его память.

Четвертое и последнее свидетельство находилось на улице кладбища Святого Николая Полевого, где была стена недостроенной больницы с фигурами, высеченными на камне, и инициалами Фламелья.

После смерти Перренель осиротевший адепт, как предполагается, подготовил для потомков несколько трудов по высшей науке, которая обогатила его: «*Le Livre des Figures Hieroglyphiques*» («Книга иероглифических фигур»); «*Le Sommaire Philosophique*» («Философское изложение»), написанное в стихах по образцу «Романа о Розе»; «*Trois Traités de la Transformation Metallique*» («Три трактата о металлической трансформации»), также в стихах; «Желание желаемое, или Сокровище философии»; «Великое просветление философского камня для трансмутации всех металлов»; «Химическая музыка»; «Аннотации к Д. Захармину» и т. д.

Приближаясь к концу своей жизни и не имея детей, он выбрал место для своего захоронения в приходской церкви Сен-Жак-ла-Бушри, перед распятием. С этой целью он заключил договор с церковными старостами, о чем упоминается в его завещании. Затем он распорядился своим имуществом и имуществом в пользу церкви и бедных, как видно из его завещания, которое хранится в архивах Сен-Жак. Оно датировано 22 ноября 1416 года и начинается так: «Всем, кому будут доставлены настоящие письма, я, Аннени дю Кабель, рыцарь, советник-шамбеллан короля, нашего господина, хранитель Прево Парижа, приветствую: Знайте, что перед Уго де ла Барром и Жаном де ла Ноэ, нотариусами короля, в Шатле, лично явился Николас Фламель, писец, здоровый телом и духом, ясно говорящий, с хорошим и истинным разумением» и т. д. Оно занимает четыре листа пергамента, сшитых друг с другом, как свитки древних писаний. Оно содержит тридцать четыре статьи; в двадцатой он завещает своим родственникам сумму в сорок ливров. Он прожил три года после составления этого завещания и умер около 1419 года.

Враждебная критика пыталась уничтожить свидетельство, которое история Фламеля дает о реальности алхимической трансмутации, и прибегала к различным средствам. Она пыталась опровергнуть его богатство, уменьшая его щедрость, представляя его просто честным буржуа, который благодаря своей бережливости и усердию приобрел комфортное состояние, которое, благодаря отсутствию детей, позволило ему посвятить себя благотворительности и возведению общественных зданий в умеренных масштабах. Алхимические завещания и трактаты, приписываемые ему, осуждаются как абсолютно поддельные. Главным толкователем этой точки зрения является аббат Л. Вилен в своей работе «*Essai sur une Histoire de Saint-Jacques-la-Boucherie*», опубликованной в дуодецимо в Париже в 1758 году, а затем в «*Histoire Critique de Nicolas Flamel et de Pernel sa Femme*», Париж, 1782, &c.

Следует сразу признать, что все алхимические сочинения, которые были опубликованы под именем Фламеля, вызывают большую или меньшую подозрительность, а некоторые из них, несомненно, являются подделками. Работа о металлической трансмутации, которая является самым ранним из известных трактатов, была неизвестна в течение ста сорока трех лет после смерти ее признанного автора. Она была опубликована в 1561 году Жаком Гохарри. *Le Grand Eclaircissement* впервые увидел свет в 1628 году, когда редактор, который, по-видимому, обладал большим количеством рукописей Фламеля, пообещал дополнительно опубликовать

La Joie Parfaite de Moi, Nicolas Flamel, et de Pernelle, ma Femme, которая, однако, так и не появилась.

С другой стороны, существуют веские аргументы в пользу подлинности *Trésor de Philosophie*. «В *Bibliothèque du Roi*, — говорит М. Огюст Валле, — хранится небольшая рукописная книга, грубо переплетенная, по всей видимости, относящаяся к концу XIV века и посвященная алхимическим операциям. Она начинается со следующих слов:

«Excipit Истинная практика благородной науки алхимии, желанное желание и неоценимая награда, « », составленная из трудов всех философов и взятая из древних произведений».

Она учит способу достижения *Великого Дела* с помощью последовательных операций, которые в этом трактате называются *Lavures*. На последнем листе рукописи находится следующая надпись, написанная той же рукой, что и остальной текст: «Настоящая книга принадлежит Николасу Фламелью из прихода Сен-Жак-де-ла-Бушери, который написал и иллюстрировал ее собственной рукой».

Что касается объема ресурсов писца, то подлинное завещание Пернель, датированное 1399 годом, и пожертвования больницам и церквям, которые, несомненно, были сделаны в очень щедром масштабе, являются достаточным доказательством того, что он был чрезвычайно богатым человеком.

Другие критики, в том числе Луи Фигье, признают факт его богатства, но уделяют особое внимание прибыльному характеру профессии писца до изобретения книгопечатания и бережливости предполагаемого алхимика; но, вопреки своей собственной теории, они вынуждены признать, что Фламель действительно стал учеником алхимии, что иероглифы, фигуры и эмблемы на кладбище Святых Невинных являются доказательством этого факта; что, в отличие от большинства последователей Гермеса, он не обеднел из-за своих экспериментов; и что он поощрял слухи о том, что его богатство было в основном результатом обладания им таинственной книгой Авраама, с помощью которой он смог составить философский камень.

Габриэль Ноде, который ненавидел магию и, по-видимому, презирал алхимию, очерняя обладателей обеих этих наук, объясняет богатство Фламеля тем, что он управлял делами евреев, и после их изгнания из королевства Франция и конфискации их имущества в пользу короля «он, зная суммы, причитающиеся нескольким лицам, пошел на компромисс, получив часть, которую они заплатили ему, чтобы он не передал информацию, которая заставила бы их сдать все».

Это объяснение источника богатства Фламеля является чисто безосновательным утверждением. Если внимательно изучить историю, то между 1300 и 1420 годами было три изгнания евреев из Франции. Они были изгнаны в 1308 году, вскоре после этого им было разрешено вернуться, а в 1320 году они были снова изгнаны. Эти преследования произошли до рождения Фламеля. Евреи были вновь поселены Карлом V в 1364 году и жили спокойно до беспорядков, произошедших в Париже в 1380 году, в начале правления Карла VI, когда народ поднялся против евреев, совершая жестокие надругательства и требуя их изгнания. Однако мятеж был подавлен, и евреи находились под защитой до 1393 года, когда по нескольким предъявленным им обвинениям им было предписано покинуть Францию или принять христианство. Историк Мезерай говорит, что некоторые из них предпочли покинуть свою религию, а не королевство, но другие продали свое имущество и уехали. Таким образом, представляется, что единственное изгнание евреев, которое могло бы согласовываться с предположением Науде, было без конфискации их имущества и,

следовательно, не могло дать Фламелю предполагаемую возможность, если, конечно, было разумно предполагать, что все парижские израильтяне доверили свои дела одному человеку, когда не представляется, что необходимость требовала такого посредничества. Таким образом, нет оснований предполагать, что Фламель обогатился за счет имущества евреев или что те, кто был им должен деньги, договорились с Фламелем, чтобы он не донес на них королю. [Q]

Таким образом, теории враждебной критики рушатся перед беспристрастным рассмотрением, и какому бы источнику мы ни решили приписать богатство Николая Фламеля, у нас нет оснований ставить под сомнение его честность или отрицать объяснение алхимиков, за исключением *априорного* основания невозможности трансмутации.

Божественный дар, который был таким счастливым приобретением для Фламеля, предположительно стал проклятием для его потомков. Сообщается, что он дал часть порошка для трансмутации М. Перрье, племяннику Перренеля. От него он перешел к доктору Перрье и был найден среди его вещей после его смерти его внуком Дюбуа. Осторожность и умеренность, с которыми обращались с даром Перрье, не были присущи Дюбуа. Он продемонстрировал священное чудо неподобающим лицам, как пишет анонимный автор, занимавшийся алхимией, и был приведен к Людовику XIII, в присутствии которого он превратил неблагородный металл в золото, и это золото увеличило свой вес в чаше. Следствием этой щедрости стала позорная смерть. Тщеславие Дюбуа было соразмерно его неосторожности. Он вообразил, что может изготовить или увеличить количество порошка, и пообещал это сделать, но без успеха. По-видимому, в результате он был заподозрен в сокрытии этого искусства от короля, что в политике было достаточным основанием для принятия жестких мер, чтобы владелец военной мощи не перешел на сторону врага.

Какими бы ни были обвинения против Дюбуа, он был повешен, и его судьба должна служить доказательством, как говорит уже цитированный писатель, что наука, приносящая безграничные богатства, является величайшим несчастьем для тех, кто не способен и не готов с осторожностью распорядиться опасным доверием.

После смерти Фламеля многие полагали, что, несомненно, в доме, в котором он прожил столько лет, и в лаборатории «», где были совершены все его герметические триумфы, должны быть закопаны какие-то сокровища. Это мнение было очень сильным, по крайней мере в сознании одного человека, еще в 1576 году, когда незнакомец обратился к превоту Парижа и заявил, что покойный друг доверил ему определенные суммы для восстановления дома Фламеля. Поскольку здание было чрезвычайно обветшалым, магистраты воспользовались случаем, и под руководством представителей строительной компании Saint-Jacques-de-la-Boucherie были начаты ремонтные работы. Истинная цель незнакомца вскоре стала очевидной по его решимости обнажить все фундаменты дома, который был перерыт сверху до низу в поисках сокровищ, которые, как предполагалось, он скрывал. Никакие находки не вознаградили усердие расследования, которое закончилось внезапным исчезновением незнакомца, не оплатившего работы, которые он инициировал.

В качестве завершения истории Фламеля может быть интересно привести необычный рассказ, который серьезно излагает Поль Лукас в своей книге «Путешествие по Малой Азии».

«Я был в Брносе, в Натолии, и, собираясь прогуляться с одним знатным человеком, пришел к маленькой мечети, украшенной садами и фонтанами для общественной прогулки; нас быстро провели в монастырь, где мы нашли четырех дервишей, которые приняли нас с всей

возможной вежливостью и предложили нам поделиться с ними тем, что они ели. Нам сказали, что все они были людьми величайшей ценности и учености, что вскоре мы и убедились. Один из них, который сказал, что он из Узбекской Тартарии, казался более образованным, чем остальные, и я верю, что он действительно говорил на всех основных языках мира. После того как мы поговорили на турецком, он спросил меня, могу ли я говорить на латыни, испанском или итальянском. Я сказал ему, что, если он хочет, пусть говорит со мной на итальянском (), но он скоро по моему акценту понял, что это не мой родной язык, и прямо спросил меня, из какой страны я. Как только он узнал, что я родом из Франции, он заговорил со мной на таком же хорошем французском, как будто он вырос в Париже. «Как долго, сэр, — спросил я, — вы были во Франции?» Он ответил, что никогда там не был, но очень хочет совершить это путешествие.

Я сделал все, что в моих силах, чтобы укрепить его в этом решении и убедить его, что Франция — колыбель ученых, а ее король — покровитель наук, который оплатил мои расходы на путешествия с целью сбора сведений о древностях, рисования памятников, исправления карт и создания коллекции древних монет, рукописей и т. д., и он, казалось, одобрил все это. Когда наш разговор закончился, дервиши привели нас в свой дом у подножия горы, где, выпив кофе, я попрощался, но пообещал, что скоро приду к ним снова.

«10-го числа дервиш, которого я принял за узбека, пришел ко мне в гости. Я показал ему все рукописи, которые я купил, и он заверил меня, что они очень ценны и написаны великими авторами. Он был человеком, во всех отношениях необыкновенным в учености; по внешнему виду ему было около тридцати лет, но из его разговора я был убежден, что он прожил целый век.

Он рассказал мне, что был одним из семи друзей, которые путешествовали, чтобы совершенствовать свои знания, и каждые двадцать лет встречались в заранее назначенном месте. Я понял, что Броноса была местом их нынешней встречи и что четверо из них уже прибыли. Мы поочередно обсуждали религию и естественную философию, а в конце концов перешли к химии, алхимии и каббале. Я сказал ему, что все это, и особенно философский камень, большинство разумных людей считают чистой выдумкой.

«Это не должно вас удивлять, — ответил он. — Мудрец выслушивает невежественных, не возмущаясь, но не опускается при этом до их уровня. Под мудрецом я понимаю человека, который безмятежно наблюдает за смертью и возрождением всех вещей: он обладает большим богатством, чем величайший царь, но живет умеренно, не поддаваясь влиянию событий».

Здесь я прервал его: «Несмотря на все эти прекрасные максимы, мудрец умирает так же, как и другие люди». «Увы, — сказал он, — я вижу, что вы не знакомы с возвышенной наукой. Такой человек, как я его описываю, действительно умирает, ибо смерть неизбежна, но он не умирает до достижения пределов своего смертного существования. Наследственные болезни и слабость сокращают жизнь человека, но мудрец, используя истинное лекарство, может отвлечь все, что может помешать или ослабить животные функции, на тысячу лет».

Удивленный услышанным, я спросил: «И вы хотите убедить меня, что все, кто обладал философским камнем, прожили тысячу лет?» Он серьезно ответил: «Без сомнения, каждый мог бы; это полностью зависит от них самих». Наконец я позволил себе упомянуть знаменитого Фламея, который, как говорили, обладал философским камнем, но, несомненно, был мертв. Он улыбнулся моей простодушию и с веселым видом спросил: «Вы

действительно в это верите? Нет, нет, мой друг, Фламель все еще жив; ни он, ни его жена не умерли. Не более трех лет назад я оставил их обоих в Индии; он один из моих лучших друзей». После чего он рассказал мне историю Фламеля, как он слышал ее от самого Фламеля, ту же, что я прочитал в его книге, пока, наконец, Карл VI, который тогда был на троне, не послал магистрата М. Крамуази и своего магистра просьб, чтобы выяснить у Фламеля происхождение его богатства, и тот сразу понял, в какой опасности он находится. Отправив ее в Швейцарию, чтобы она ждала его прихода, он распространил слух о смерти своей жены, устроил ей похороны и через несколько лет приказал похоронить свой собственный гроб. С тех пор они оба ведут философскую жизнь, то в одной стране, то в другой. Это настоящая история, а не та, в которую верят в Париже, где очень немногие когда-либо имели хотя бы малейшее представление о истинной мудрости».

Согласно «Сокровищу философии», алхимия как наука состоит в познании четырех элементов философов, которые не следует отождествлять с вульгарными так называемыми элементами и которые могут превращаться друг в друга. Истинная *prima materia* — это ртуть, подготовленная и затвердевшая в недрах земли под воздействием тепла серы. Это сперма и семя всех металлов, которые, как и другие сотворенные вещи, способны к росту и размножению, которое может продолжаться даже до бесконечности. Первым шагом в трансмутации является восстановление обрабатываемых металлов до их первоначального ртутного состояния, и это восстановление является предметом всего трактата.

Не похоже, что алхимические работы, приписываемые Николасу Фламелью, добавили что-либо к нашим знаниям о химии. С другой стороны, из его истории совершенно ясно, что физический объект алхимии был целью, которую он держал в поле зрения, и той, которую он, как предполагается, достиг.

СНОСКИ:

[Q] По словам Луи Фигье, было две небольшие волны преследований евреев: одна в 1346 году, когда Фламель был еще мальчиком, а другая в 1354 году, когда он едва начал свою деловую деятельность.

ПЕТР БОНО.

Этот адепт, родившийся в Ломбардии, был жителем Полы, морского порта в Истрии, где, по его утверждению, он создал столь желанный металл мудрецов в 1330 году. Он написал и опубликовал полный трактат об этом искусстве под названием «*Margarita Pretiosa*». Лациний, монах из Калабрии, напечатал его точный сокращенный вариант, который появился в Венеции в 1546 году. «*Introductio in Artem Divinam Alchimiae*», 1602, и «*De Secreto Omnium Secretorum*», Venet. 1546, приписываются этому адепту.

Первая из этих работ представляет собой чрезвычайно всеобъемлющий, добросовестный трактат по истории, теории и практике алхимии, написанный в стиле схоластов и, естественно, содержащий много нерелевантного материала, но, несмотря на это, очень полезный и даже интересный. Автор мужественно сталкивается с трудностями этого искусства, осуждает уловки, обман и противоречия его профессоров и пытается показать,

что алхимия на самом деле является коротким искусством и незначительной практикой, хотя и полной правды и благородства. Его другие мнения также носят революционный характер.

ЙОХАННЕС ДЕ РУПЕЦИССА.

Этот писатель считается одним из самых выдающихся герметических философов. Он изобилует пророческими отрывками и осуждает судьбу народов, но его алхимическое объяснение физических явлений непонятно даже для адепта. О его жизни ничего не известно, кроме его благородного происхождения и заключения в 1357 году папой Иннокентием VI, которого он осуждал. Прославленный Монфокон был одним из его потомков и позиционирует себя как посвященный в тайную химию в следующих работах: «Книга света», «Пять эссенций», *Cœlum Philosophorum* и его самый известный трактат *De Confectione Lapidis*. В них он заявляет, что вещество философского камня — это вязкая вода, которую можно найти повсюду (), но если бы сам камень был открыто назван, весь мир был бы революционизирован. Божественная наука, которой обладают мудрецы, несколько поэтично прославляется как несравненное сокровище. Ее посвященные обогащены бесконечным богатством, превосходящим богатство всех царей земных; они праведны перед Богом и людьми и пользуются особой милостью Небес.

СНОСКИ:

[R] Говорят, что он был французским монахом ордена Святого Франциска.

ВАСИЛИЙ ВАЛЕНТИН.

Одним из самых прославленных философов-адептов, несомненно, является Василий Валентин, родившийся в Майнце и ставший приором церкви Святого Петра в Эрфурте в 1414 году. Предполагалось, что его имя было вымышленным и принято с целью скрыть личность какого-то талантливого художника, но история города Эрфурта, опубликованная Дж. М. Гудемусом, подтверждает существование и имя философа, опираясь на официальные записи, и показывает, что в 1413 году он был жителем уже упомянутого монастыря и отличался глубоким знанием природы.[S] Поскольку работа Гудемуса была напечатана в 1675 году, достоверность *Dictionnaire des Sciences Occultes*, написанного в интересах религии и для очернения тайных наук, можно оценить по следующему отрывку: «Его жизнь настолько переплетена с баснями, что некоторые не верят в его существование. Он представлен процветающим в XII, XIII, XIV и XV веках; даже добавляется, без малейшего доказательства, что он был бенедиктинцем в Эрфурте».

По словам Олауса Боррихиуса, он спрятал свои сочинения в одном из столбов аббатской церкви; они пролежали в этом укрытии много лет, но в конце концов были обнаружены благодаря счастливому стечению обстоятельств — удару молнии (). Он был первым, кто ввел сурьму в медицину, и говорят, что сначала он испытывал действие сурьмяных лекарств на монахах своего монастыря, на которых они действовали с такой чрезмерной силой, «что он был вынужден назвать минерал, из которого были извлечены эти лекарства, именем *antimoine* — враждебный монахам». Но Томсон, который рассказывает этот анекдот в своей «Истории химии», показывает его невероятность, поскольку работы Василия Валентина, и в частности его *Currus Triumphalis Antimonii*, были написаны на немецком языке. А немецкое название сурьмы — *speissglas*, а не *antimoine*, которое является французским.

Василий Валентин с яростью Парацельса осуждает врачей своего времени. В его экспериментах сохранились древнейшие системы химической философии. Он превозносит сурьму как превосходное лекарство для тех, кто знаком с алхимическими секретами. Для других она является ядом самой сильной природы.

Более никаких подробностей о жизни Василия Валентина не дошло до потомков. Под его именем было напечатано множество работ, подлинность некоторых из которых вызывает сомнения. Он писал на высоком нидерландском языке, и сравнительно немногие из его трактатов были переведены на другие языки. Лучшие из них: 1. *De Microcosmo deque Magno Mundi Mysterio et Medecina Hominis*, Марбург, 1609, 8vo; 2. *Azoth, sive Aurelia Philosophorum*, Франкфурт, 1613, 4to; 3. *Practica, unà cum duodecim Clavibus et Appendice*, Франкфурт, 1611, 4to; 4. *Apocalypsis Chymica*, Эрфурт, 1624, 8vo; 5. *Manifestatio Artificiorum*, Эрфурт, 1624, 8vo; 6. *Currus Triumphalis Antimonii*, Лейпциг, 1624, 8vo; 7. *Tractatus Chimico-Philosophicus de Rebus Naturalibus et Proeternaturalibus metallorum et mineralium*, Франкфурт, 1676, 8vo; 8. *Haliographia, de præparatione, usu, ac virtutibus omnium Salium Mineralium, Animalium, ac Vegetabilium, ex manuscriptis Basilii Valentini collecta ab Ant. Salmincio*, Болонья, 1644, 8vo.

Каждая буква и слог в «Триумфальной колеснице антимония» имеют свое особое значение. «Даже до мельчайших деталей» она изобилует божественными смыслами и тайнами. Метрический трактат о первом веществе философов гласит, что этот камень состоит из белого и красного, что он является камнем, но в то же время едва ли камнем; в нем действует одна природа. Те, кто желает достичь его, как сообщает нам Василий в другом месте, должны много молиться, исповедовать свои грехи и творить добро. Многие призваны, но немногие избраны для этого высшего знания. Рекомендуются изучение трудов философов и практические эксперименты. В писаниях Василия, в его многозначительных, хотя и непостижимых аллегориях, в его любопытных каббалистических символах и в его искренней духовности многое указывает на психическую интерпретацию его целей и принципов. Это особенно заметно в «Триумфальной колеснице сурьмы», и все же из этого замечательного произведения, которое является шедевром его автора, ясно, что Василий Валентин был одним из самых выдающихся физических химиков своего времени. Он был первым, кто описал извлечение сурьмы из сульфида, хотя не похоже, что он был изобретателем этого процесса. До его исследований свойства сурьмы были практически неизвестны. Он также был знаком с методом получения соляной кислоты из морской соли и серной кислоты, с методом получения бренди путем дистилляции пива и вина и ректификации результата с помощью карбоната калия, а также со многими другими операциями, которые в значительной степени способствовали прогрессу химии.

СНОСКИ:

[S] Eadem ætate (scilicet anno 1413) Basilius Valentinus in divi Patri monasteris vixit arte medica et naturale indagatione admirabilis.

ИСААК ГОЛЛАНДСКИЙ.

Современниками Василия Валентина были Исаак Голландец и его сын, которые, как предполагается, работали с успехом. Они были первыми алхимиками Голландии, и их работы высоко ценились Парацельсом, Бойлем и Кункелем. В практической химии они следовали традициям Гебера, и их алхимические эксперименты являются самыми простыми и

понятными во всей герметической литературе. Они работали в основном с металлами, подробно описывая детали каждого процесса. Их жизни практически неизвестны. «Погруженные в неизвестность, необходимую для адептов, они занимались практикой герметической науки, и их кабинет или лаборатория были ежедневной сценой их трудолюбивого существования».[Т]

Они относятся к XV веку по предположению, исходя из того факта, что они не цитируют никаких философов, следовавших за этим периодом. Они говорят о Гебере, Дастине, Мориене и Арнольде, но не о более современных авторитетах, в то время как, с другой стороны, их ссылки на аквафортис и аква-реги, которые были открыты в XIV веке, не позволяют нам отнести их работы к более ранней эпохе.

Два Исаака были особенно искусны в изготовлении эмалей и искусственных драгоценных камней. Они учили, что Великий Магистр может превратить в золото миллион раз свой вес, и заявляли, что любой человек, принимающий еженедельно небольшую дозу философского камня, будет всегда сохранять отличное здоровье, а его жизнь продлится до самого последнего часа, назначенного ему Богом.

Opera Mineralia Joannis Isaaci Hollandi, sive de Lapide Philosophico — это длинный и подробный трактат о философском камне (), одном из методов преобразования мертвых и нечистых металлов в истинные *Сол* и *Луну*. Первым веществом считается Сатурн, или свинец, а сосуды, в которых он подвергается кальцинации и другим процессам, необходимым для золотодельного искусства, наглядно изображены на иллюстрациях, вставленных в текст.

СНОСКИ:

[Т] «Жизнь алхимических философов». Изд. 1815 г.

БЕРНАРД ТРЕВИЗАН.

Бернар Компт де ла Марш Тревизан в популярных легендах Франции наделен силами колдуна, владеющего дьявольской птицей или духом-помощником; тем не менее, его называют «добрым» и он пользовался особой репутацией благодетеля.

Потомок знатной падуанской семьи, Бернард Тревизан начал изучать древнюю науку алхимии примерно в то время, когда Василий в Германии и два Исаака в Голландии продолжали свои исследования с предполагаемым успехом. Его отец был врачом в Падуе, где он сам родился в 1406 году. Рассказ о его алхимических ошибках следует отнести к числу самых любопытных анекдотов в анналах оккультной химии.

В возрасте четырнадцати лет, под покровительством деда и с полного согласия семьи, он посвятил себя алхимии, которая отныне стала поглощающим занятием его жизни. Стремясь познать первые принципы этого искусства, он начал с изучения Гебера и Рахиса, полагая, что они дадут ему метод, позволяющий увеличить его наследство в сто раз. Эксперименты, которые он проводил во время своего дорогостоящего обучения у этих оракулов-мастеров, привели к бесполезной трате восьмисот или, по другим данным, трех тысяч крон. Он был окружен мнимыми философами, которые, обнаружив его богатство и жажду проникновения в интригующие тайны, предлагали секреты, которыми они ни обладали, ни понимали, получая мошенническое существование за счет юного алхимика.

Разочарованный, но не унывающий, он в конце концов уволил этих самозванцев и сосредоточил свое внимание на работах Рупециссы и Архелая Сакробоско, которым он буквально следовал в течение некоторого времени во всех своих практических операциях. Надеясь извлечь выгоду из помощи благоразумного товарища, он связался с хорошим монахом, с которым они вместе проводили эксперименты в течение трех лет. Они очищали спирт более тридцати раз, «пока не смогли найти стаканы, достаточно прочные, чтобы его выдержать». Эти операции стоили почти триста крон.

В течение пятнадцати лет он продолжал свои предварительные эксперименты, и по истечении этого времени он приобрел совершенное знание всех путей и троп алхимических махинаций и был хорошо знаком с огромным разнообразием веществ, минеральных, металлических и прочих, которые, по-видимому, не входили в состав философского камня. Он подсчитал, что эти эксперименты обошлись ему примерно в шесть тысяч крон. Он тщетно пытался затвердеть, растворить и сублимировать поваренную соль, аммиачную соль, все разновидности квасцов и медного купороса. Он даже приступил к дистилляции, циркуляции и сублимации человеческих и животных экскрементов. Эти эксперименты, основанные на буквальном толковании аллегорий *turba philosophorum*, снова закончились неудачей, и, наконец, безмерно разочарованный потерей времени и состояния, он прибег к молитве, надеясь открыть цель алхимиков по милости и благосклонности Бога. Вместе с магистратом своей страны он впоследствии попытался составить философский камень с морской солью в качестве основного ингредиента. Он ректифицировал его пятнадцать раз в течение года и половины, не обнаружив никаких изменений в его природе, после чего отказался от этого процесса в пользу другого, предложенного магистратом, а именно растворения серебра и ртути с помощью aquafortis. Эти растворы, полученные отдельно, оставили на год, а затем смешали и концентрировали над горячим пеплом, чтобы уменьшить их первоначальный объем до двух третей. Остаток этой операции, помещенный в узкий тигель, подвергался воздействию солнечных лучей, а затем воздуха в надежде, что он кристаллизуется. Двадцать две колбы были наполнены смесью, и пять лет были посвящены всей операции, но в конце этого периода кристаллизация не произошла, и поэтому эта операция была заброшена, как и остальные, как неудачная.

Бернар Тревизан был теперь сорока шести лет, и, исчерпав все свои экспериментальные ресурсы, он решил отправиться в путешествие в поисках настоящих алхимиков. Так он встретил монаха из Сито, мастера Жофруа де Леморье, который владел до сих пор неизвестным процессом. Они купили две тысячи куриных яиц, закалили их в кипящей воде и сняли скорлупу, которую прокалили в огне. Они отделили белки от желтков, которые разложили в конском навозе. Результат дистиллировали тридцать раз для извлечения белой и красной воды. Эти операции постоянно повторялись с множеством вариаций и тщетно заняли еще восемь лет измученной трудом жизни искателя.

Разочарованный, унылый, но все еще упорно продолжающий свои поиски Великой Тайны, Тревизан теперь приступил к работе с протонотарием из Брюгге, которого он описывает как великого теолога и который утверждал, что извлекает камень из сульфата железа (меди) путем дистилляции с уксусом. Они начали с прокаливания сульфата в течение трех месяцев, после чего его замачивали в уксусе «», который был восемь раз дистиллирован. Смесью помещали в перегонную кубу и дистиллировали пятнадцать раз в день в течение года, по окончании которого искатель был вознагражден четвертной лихорадкой, которая мучила его в течение четырнадцати месяцев и едва не стоила ему жизни.

Едва он восстановил здоровье, как услышал от клерка, что мастер Генри, исповедник германского императора Фридриха III, владел философским камнем. Он немедленно

отправился в Германию в сопровождении нескольких таких же, как он, разочарованных сыновей Гермеса. Они ухитрились, *par grands moyens et grands amis*, познакомиться с исповедником и начали работать вместе с ним. Бернард внес десять марок серебра, а остальные — тридцать две, на необходимые расходы для процесса, который состоял в смешивании ртути, серебра, оливкового масла и серы. Все это растворяли на умеренном огне, постоянно помешивая. Через два месяца смесь поместили в стеклянную колбу, которую закрыли глиной, а затем горячим пеплом. Через три недели добавили свинец, растворенный в тигле, и продукт этого сплавления подвергли очистке. По окончании этих операций императорский исповедник ожидал, что серебро, вошедшее в состав смеси, увеличится по крайней мере на треть, но, напротив, оно уменьшилось на четверть.

Бернард Тревизан в полном отчаянии решил отказаться от дальнейших экспериментов. Это решение было одобрено его семьей, но через два месяца сила тайной химии вновь утвердила свое господство над всем существом своего мученика, который в лихорадочном рвении возобновил свои путешествия и посетил Испанию, Италию, Англию, Шотландию, Голландию, Германию и Францию. Затем, стремясь почерпнуть знания из восточных источников алхимии, он провел несколько лет в Египте, Персии и Палестине (), после чего отправился в южную Грецию, посещая отдаленные монастыри и проводя эксперименты совместно с монахами, имевшими репутацию в этой науке. В каждой стране он находил алхимиков, занимающихся своим делом, но о тех, кто добился успеха, он не слышал ни слова. Истинные философы не желали раскрывать себя, в то время как самозванцы, ищущие доверчивых людей, появлялись повсюду. Бернард потратил на эти путешествия и связанные с ними ложные операции около тринадцати тысяч крон и был вынужден продать поместье, которое приносило восемь тысяч немецких флоринов в год. Ему было уже шестьдесят два года, и, поскольку он не прислушивался к предостережениям своей семьи, он оказался в презренном положении, на грани нищеты и бедствия. Он старался скрыть свою бедность и поселился на острове Родос, где жил в полной неизвестности. На Родосе он познакомился с *un grand clerc et religieux*, который увлекался философией и, по общему мнению, обладал философским камнем. Ему удалось одолжить восемь тысяч флоринов и вместе с этим монахом он работал над растворением золота, серебра и коррозионного сублимата; за три года он достиг таких успехов, что израсходовал все собранные средства и снова оказался на грани банкротства. Таким образом, будучи фактически лишенным возможности продолжать свои исследования, он вернулся к изучению философов и через восемь лет, в возрасте семидесяти трех лет, он утверждает, что открыл их секрет. Сравнивая адептов и исследуя, в чем они сходятся, а в чем расходятся, он пришел к выводу, что истина должна заключаться в тех максимах, в которых они были практически единодушны. Он сообщает нам, что прошло два года, прежде чем он проверил свое открытие на практике; оно увенчалось успехом, и, несмотря на немощность старости, он некоторое время жил, наслаждаясь своей запоздалой наградой.

Главным трудом Тревизана является «*La Philosophie Naturelle des Métaux*» (Естественная философия металлов). Он настаивает на необходимости глубокого и вдумчивого размышления для всех изучающих герметическую философию. Их действия должны подчиняться природе, а не природа — их произвольным процессам. Меркурий считается водой металлов, «в которой, посредством взаимного изменения, он принимает их мутации в преобразуемой форме». Золото — это просто ртуть, коагулированная силой серы. Секрет растворения — это вся тайна искусства, и он должен быть достигнут не с помощью огня, как полагают некоторые, а с помощью ртути, сложным образом, который на самом деле не

указан адептом. Работа природы подпомогается алхимией, которая смешивает зрелое золото с ртутью, причем золото содержит в себе хорошо переработанную серу, с помощью которой оно созревает ртуть до «анатидной пропорции» золота, утончая элементы и удивительно сокращая естественный процесс производства драгоценного металла из рудников.

ДЖОН ФОНТЭН.

Жизнь этого художника погребена в неизвестности его кабинета или лаборатории, где он делил свое время между вниманием к печам и сочинением любопытных стихов. Он жил в Валенсьене в 1413 году. Его герметическая поэма «*Aux Amoureux de Science*» была напечатана несколько раз. Автор заявляет, что он адепт, и описывает в аллегорической манере, по образцу «Романа о розе» и тем же причудливым и красивым языком, различные процессы, входящие в искусство трансмутации. Его небольшое произведение может быть полезно для изучения новичками в практической алхимии, хотя его польза носит скорее негативный характер, но его рай из изящных устройств и его старомодные природные образы больше подходят для поэта и поэтического толкования символов.

ТОМАС НОРТОН.

Научные методы Рипли были продолжены этим алхимиком, родившимся в городе Бристоль. Он писал анонимно, но начальные слоги в шести первых строках и первая строка в седьмой главе его «Ординала алхимии» составляют следующий куплет:

«Томас Нортон из Бристоля,

Вы можете считать его совершенным мастером».

В возрасте двадцати восьми лет и за короткий промежуток времени в сорок дней он, как записано, овладел «совершенством химии», получив свои знания от современного ему адепта, который, по-видимому, был самым Рипли. Он описывает своего наставника как человека благородного духа, достойного всяческой похвалы, любящего справедливость, ненавидящего обман, сдержанного в окружении болтливых людей, весьма скромного и, если разговор заводился о Великом Искусстве, сохраняющего полное молчание. Долгое время Нортон тщетно искал его; адепт подверг его различным испытаниям, но, убедившись в его характере, манерах и привычках, а также в силе его ума, его любовь уступила верности и настойчивости его просителя, и в ответе на одно из его писем он обратился к нему со следующими словами:

«Мой верный и возлюбленный брат, я не буду больше медлить; время пришло; ты получишь эту милость. Твое честное желание и доказанная добродетель, твоя любовь к истине, мудрость и долгое упорство исполнят твои печальные желания.

Необходимо, чтобы мы как можно скорее поговорили лицом к лицу, чтобы я не предал свое доверие, написав письмо. Я сделаю тебя своим наследником и братом в этом искусстве, так как собираюсь отправиться в путешествие по чужим странам. Благодарю Бога, который, помимо Своих духовных слуг, чтит сынов этой священной науки».

Нортон не терял времени и отправился в путь к своему учителю, преодолев на лошади более ста миль, чтобы добраться до обители адепта. В течение уже упомянутых сорока дней он получал советы и наставления своего друга. Он был уже в значительной степени подготовлен к посвящению благодаря длительному курсу естественной философии, а также изучению оккультных и любопытных наук. Произошло «раскрытие тайн природы», и он убедился в истинности и достоверности этого искусства благодаря рациональности его теорем. Он был уверен в успехе практики, но адепт, учитывая его молодость, отказался обучать его процессу превращения белого порошка в красный, чтобы божественный дар не был злоупотреблен в момент страсти. В свое время, после дальнейших доказательств его способностей и честности, он поделился бы секретом создания лекарственного камня. Это, высшее желание неопита, впоследствии было исполнено.

Однако химические операции Нортон были обречены на два значительных разочарования. Он почти довел до совершенства настойку, когда его собственный слуга, который был занят уходом за печью, полагая, что цель достигнута, унес ее. Он снова приступил к процессу и успешно изготовил эликсир, но жалуется, что его украли жена купца, якобы Уильяма Каннинга, мэра Бристоля, который внезапно разбогател и построил великолепную и высокую башню церкви Св. Марии в Радклиффе, а также расширил Вестбери-колледж.

Сомнительно, что Томас Нортон когда-либо наслаждался плодами своих предполагаемых знаний. Он не говорит о своих собственных трансмутациях, и если один из его современников называет его *alchemista suo tempore peritissimus*, то другие называют его *Nugarum opifex in frivola scientia*. Последние заявляют, что он погубил себя своими трудами и что все его друзья, доверившие ему свои деньги, были так же разорены, как и он сам. По словам Фуллера, он жил и умер в нищете; тем не менее, его семья, по-видимому, пользовалась большим уважением при короле Генрихе VIII. Было девять братьев по имени Нортон. Один анонимный автор утверждает, что все они были рыцарями. Могила Сэмпсона Нортон, мастера королевской артиллерии, похороненного в церкви Фулхэма, была украшена герметическими росписями, согласно одному из источников, но Фолкнер в своем историческом описании Фулхэма описывает ее как богатый готический памятник, украшенный листвой и дубовыми листьями и с затертой надписью.

Томас Нортон умер в 1477 году. Его внук Сэмюэл пошел по его стопам как алхимик и был автором нескольких герметических трактатов, которые не пользуются большим уважением.

«Ординал алхимии» свидетельствует, что камень является единым. По внешнему виду это тонкая земля, коричневая и непрозрачная; она выдерживает огонь и считается бесполезной. Есть также другой, великолепный камень, который называется философской магнезией. Алхимия — это чудесная наука, тайная философия, уникальная милость и дар Всемогущего, который никогда не был открыт самостоятельными усилиями человека, а только через откровение или наставление одного из адептов.

«Она помогает человеку, когда он в ней нуждается,

Она избавляет от тщеславной славы, надежды и страха:

Она избавляет от амбиций, вымогательства и излишеств,

Она защищает от невзгод, чтобы они не угнетали.

Тот, кто полностью посвятил себя ей,

Отказывается от крайностей, довольствуется мерой».

Говорят, что определенная минеральная сила является эффективной причиной образования металлов в недрах земли; она соответствует силам небесных сфер. Красный камень продлевает жизнь, но тщетно искать его до тех пор, пока не будет создан белый.

ТОМАС ДАЛТОН.

Единственное упоминание об этом английском адепте сохранилось у Томаса Нортон. Он жил в 1450 году и описывается как религиозный человек, который пользовался хорошей репутацией, пока, по подозрению в том, что у него было большое количество порошка для трансмутации, он не был взят из своего аббатства в Глостершире Томасом Гербертом, одним из сквайров короля Эдуарда, и приведен в королевское присутствие, где ему противостоял Дебуа, другой сквайр короля, которому Далтон ранее был капелланом. Дебуа утверждал, что Далтон менее чем за двенадцать часов изготовил для него тысячу фунтов чистого золота, и он подтвердил этот факт под присягой. Тогда Далтон, глядя на Дебуа, сказал: «Сэр, вы нарушили клятву». Дебуа признал, что поклялся никогда не раскрывать полученную им выгоду, но ради короля и блага содружества он не должен был соблюдать свою клятву. Далтон обратился к королю и сообщил ему, что он получил порошок проекции от каноника из Личфилда на условии, что он не будет использовать его до смерти дарителя. С тех пор он находился в такой опасности и беспокойстве из-за его обладания, что тайно уничтожил его. Король отпустил Далтона, дав ему четыре марки на дорожные расходы, но Герберт подстерег его, привез его из Степни и оттуда доставил в замок Глостер, где тщетно пытались заставить его изготовить философскую эссенцию.

После четырех лет заключения Далтон был выведен на казнь, чтобы быть обезглавленным в присутствии Герберта. Он подчинился с покорностью и радостью, сказав: «Благословен ты, Господи Иисусе! Я слишком долго был вдали от тебя; я хранил науку, которую ты мне дал, не злоупотребляя ею; я не нашел никого, кто был бы достоин стать моим наследником, поэтому, милостивый Господи, я возвращаю тебе твой дар».

Затем, после нескольких благочестивых молитв, с улыбкой на лице он попросил палача приступить к казни. Слезы хлынули из глаз Герберта, когда он увидел, как Далтон готов умереть, и понял, что никакая хитрость не сможет вырвать у него секрет. Он отдал приказ освободить его. Его заключение и угроза казни были организованы без ведома короля, чтобы запугать его и заставить подчиниться. Поскольку эти нечестивые уловки не увенчались успехом, Герберт не осмелился лишить его жизни. Далтон поднялся с плахи с тяжелым выражением лица и вернулся в свое аббатство, глубоко опечаленный дальнейшим продлением своего земного пребывания. Герберт умер вскоре после этого жестокого акта тирании, и Дебуа также встретил преждевременную смерть. Его отец, сэр Джон Дебуа, был убит в битве при Тьюксбери 4 мая 1471 года, а через два дня, как записано в «Анналах» Стоу, сам Джеймс Дебуа был схвачен вместе с несколькими другими сторонниками Ланкастеров в церкви, куда они бежали в поисках убежища, и был обезглавлен на месте. [U]

СНОСКИ:

[U] Стоу, «Анналы Англии», стр. 424, изд. 1615.

СИР ДЖОРДЖ РИПЛИ.

Этот прославленный философ-алхимик, чьи труды проложили королевский путь к посвящению в последующие времена его еще более прославленного ученика, возвышенного и загадочного Филалетеса (), в раннем возрасте вошел в число каноников Бридлингтона в епархии Йорка. Спокойствие монашеской жизни предоставило ему благоприятную возможность для изучения великих мастеров трансцендентальной химии, но он обнаружил, что не способен полностью их понять, и, испытав значительное разочарование, решил путешествовать, убедив себя, что в беседах философов он найдет то, чего не смог почерпнуть из книг.

В Италии, Германии и Франции он познакомился с различными учеными людьми и присутствовал при трансмутации, которая была проведена в Риме. Затем он отправился на остров Родос, где, как предполагается, существует документ, свидетельствующий о том, что он пожертвовал 100 000 фунтов стерлингов рыцарям Святого Иоанна Иерусалимского. Он был удостоен почетного звания папой, что по возвращении в Бридлингтон вызвало зависть его собратьев, и в результате их враждебности он вступил в орден кармелитов в Бутолфе, в Линкольншире, и по милости Иннокентия VIII получил разрешение жить в уединении, освобожденный от монашеских обрядов, и в своем теперь ничем не нарушаемом досуге он написал двадцать четыре книги, некоторые научные, а другие на религиозные темы. «Двенадцать врат алхимии» он написал в 1471 году и заявляет, что любые его эксперименты, записанные с 1450 по 1470 год, должны быть полностью дискредитированы, поскольку он писал их на основе теории, а потом на практике обнаружил, что они неверны. Отсюда можно сделать вывод, что он потратил двадцать лет на освоение секретов науки. Он умер в Бутольфе в 1490 году.

В «Двенадцати вратах алхимии» камень описывается как триединый микрокосм, откуда Рипли был назван адептом духовной химии. Он настаивает на необходимости пропорциональности в его составе и заявляет, что принцип, или *prima materia*, можно найти везде. Он летает с птицами в воздухе, плавает с рыбами в море, его можно различить с помощью разума ангелов, и он управляет мужчиной и женщиной. Для изготовления камня требуется астрономический год.

ПИК МИРАНДОЛА.

Джон Пикус, граф Мирандола, родился 24 февраля 1463 года. Он одинаково известен своей ранней зрелостью, обширными знаниями, феноменальной памятью и проникновенным интеллектом. Будучи учеником Иоханума, еврея, он рано познакомился с каббалистическим толкованием Священного Писания, и в возрасте двадцати четырех лет опубликовал девятьсот положений по логике, математике, физике, богословию и каббализму, собранных из греческих, латинских, еврейских и арабских писателей. В своем трактате «*De Auro*» он записывает свою убежденность в успехе герметических операций и дает нам следующие рассказы:

«Я пришел, чтобы без утайки и неясности рассказать о том, что я видел из этого чуда. Один из моих друзей, который еще жив, более шестидесяти раз делал золото и серебро в моем

присутствии. Я видел, как это делалось разными способами, но затраты на изготовление серебра с помощью металлической воды превышали полученный продукт».

В другом месте он рассказывает нам, что «добрый человек, у которого не было достаточных средств для содержания своей семьи, был доведен до крайней степени отчаяния; взволнованный, он однажды ночью лег спать и во сне увидел благословенного ангела, который с помощью загадок научил его методу изготовления золота и одновременно указал ему воду, которую он должен использовать для обеспечения успеха. Проснувшись, он приступил к работе с этой водой и сделал золото, правда, в небольшом количестве, но достаточном для содержания своей семьи. Дважды он делал золото из железа и четыре раза из мышьяка. Он убедил меня на глазах, что искусство трансмутации не является вымыслом».

ПАРАЦЕЛС.

Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм родился в 1493 году в Марии Айнзидельн, в кантоне Цюрих, в Швейцарии. Он происходил из древнего и уважаемого рода Бомбастов, который на протяжении многих поколений проживал в замке Гогенхайм недалеко от Штутгарта, Вюртемберг. Его отец был известным врачом и обладал большой коллекцией редких книг. Его мать была заведующей больницей, а Теофраст, их единственный ребенок, родился через год после их свадьбы. Говорят, что в младенчестве он был кастрирован, но эта легенда, возможно, была придумана, чтобы объяснить его безбородый и женственный вид, а также его ненависть к женщинам.

Парацельс получил первые азы образования от своего отца, а по мере продвижения в учебе и развития способностей его обучали алхимии, хирургии и медицине. Одна из работ Исаака Холланда попала ему в руки, и с того момента он был охвачен амбицией лечить болезни с помощью лекарств, превосходящих *по эффективности те*, что использовались в то время. Он провел несколько химических операций в соответствии с книгами знаменитого голландца и перенял из его трудов древние принципы, согласно которым соль, ртуть и сера образуют триединство в каждом веществе. Эту систему он расширил и объяснил с помощью своего собственного интеллектуального просветления. Он впитал в себя большую часть обширных знаний своего отца, а затем продолжил свои исследования под руководством монахов в монастыре Святого Андрея в Савоне (), затем в Базельском университете и, наконец, посвятил себя оккультным наукам, взяв в учителя и наставника прославленного Иоганна Тритемия, аббата Шпанхайма. Таким образом он приобрел «Каббалу духовного, астрального и материального миров». Затем он был передан под опеку Сигизмунда Хаггера или Фаггера, чтобы совершенствоваться в медицине, хирургии и химии. В двадцать лет он начал свои путешествия по Германии, Венгрии, Италии, Франции, Нидерландам, Дании, Швеции и России. Говорят, что в Московии он был взят в плен татарами, которые привели его к «великому Чаму». Его знания в области медицины и химии сделали его любимцем при дворе этого властителя, который отправил его в сопровождении своего сына с посольством в Константинополь. Именно здесь, по словам Хельмонта, он был посвящен в высшую тайну алхимии щедрым арабом, который дал ему универсальный растворитель, Азот западных адептов, алкахест или софический огонь. Получив такое посвящение, он, как говорят, отправился в Индию. По возвращении в Европу он прошел по Дунаю в Италию, где служил военным хирургом, совершив множество чудесных исцелений.

В возрасте тридцати двух лет он вновь прибыл в Германию и вскоре после этого был приглашен на должность профессора физики, медицины и хирургии в Базельский

университет, который в то время прославляли Эразм и Опоринус. Там, в своих лекциях, он проповедовал «внутреннюю медицину», осуждал устаревшие системы Галена и других авторитетов и начинал свои занятия с того, что сжигал труды этих мастеров в медной кастрюле с серой и селитрой. Своей *arrogancy* и инновациями он нажил себе бесчисленное количество врагов, но ценность его минеральных лекарств была доказана исцелениями, которые он совершал. Эти исцеления только усилили ненависть его преследователей, и Парацельс с характерным для него вызовом пригласил профессорско-преподавательский состав на лекцию, на которой обещал раскрыть величайшую тайну медицины. Он начал с того, что открыл блюдо, в котором находились экскременты. Врачи, возмущенные этим оскорблением, поспешно удалились, а Парацельс крикнул им вслед: «Если вы не хотите услышать тайны гнилостного брожения, вы недостойны называться врачами». Впоследствии он вступил в конфликт с городскими властями и был вынужден бежать из Базеля. Он возобновил свою бродячую жизнь, останавливаясь в общественных гостиницах, пьянствуя, но по-прежнему совершая чудесные исцеления. Опоринус свидетельствует, что даже в период своей профессорской деятельности он никогда не казался трезвым.

В 1528 году Парацельс отправился в Кольмар. В 1530 году он находился в Нюрнберге, где профессора обвинили его в самозванстве, но он поразил своих противников, излечив за несколько дней несколько безнадежных случаев слоновой болезни. «Свидетельства об этом, — говорит Хартманн, его последний биограф, — до сих пор можно найти в архивах города Нюрнберга». Он продолжал свои странствия и неумеренный образ жизни и умер 24 сентября 1541 года.

О фактических обстоятельствах его смерти существуют разные версии. В оригинальном сочинении «Жизнь алхимиков-философов» говорится, что это произошло на скамейке у кухонного очага в гостинице в Страсбурге. Доктор Хартманн, с другой стороны, сообщает нам, что он «отправился в Моэрен, Каернтен, Крайн и Венгрию и, наконец, прибыл в Зальцбург, куда его пригласил пфальцграф, герцог Эрнст Баварский, который был большим поклонником тайных искусств. В этом месте Парацельс наконец получил плоды своих долгих трудов и широкую славу. Но ему не суждено было долго наслаждаться заслуженным отдыхом... Он умер после короткой болезни (в возрасте сорока восьми лет и трех дней) в маленькой комнате гостиницы «Белая лошадь» недалеко от набережной, и его тело было похоронено на кладбище Святого Себастьяна». Предполагается, что его смерть ускорила драка с наемными убийцами, работавшими на ортодоксальный медицинский факультет.

Последний комментатор Парацельса, доктор Франц Хартманн, посвятил целую главу алхимическим и астрологическим учениям провидца из Хоэнхайма. Первое искусство, по Парацельсу, отделяет чистое от нечистого и развивает виды из первозданной материи. Оно совершенствует то, что природа оставила несовершенным, и поэтому его принципы имеют универсальное применение и не ограничиваются металлическим и минеральным царствами. Золото можно получить с помощью физической химии, но этот процесс неэффективен и непродуктивен по сравнению с золотом, которое можно получить с помощью оккультных сил, существующих в душе человека. Реальное и материальное золото можно получить с помощью психохимического процесса. Благодаря этой удивительной теории Парацельс создал новую школу алхимии, которая отказалась от экспериментальных исследований и искала в себе секрет, предмет и цель алхимической философии.

ДЕНИС ЗАШАЙР.

Похоже, что настоящее имя этого настойчивого и неутомимого искателя цели и истины алхимии не дошло до нас, а имя, указанное в заголовке его *Opusculum Chemicum*, является просто псевдонимом. Именно этой небольшой работе мы обязаны одной из самых необычных историй в анналах герметического искусства.

Денис Закэр родился в 1510 году в знатной семье в неизвестной части Гиени. В юности его отправили в Бордо под опеку наставника, чтобы он мог продолжить изучение философии и *изящной словесности* (). Однако его наставник был увлечен алхимией и заразил своего ученика смертельной лихорадкой мудрецов. Они быстро отказались от обычных академических курсов в пользу тернистого пути *великого дела*, и Дени, в частности, посвятил себя усердному составлению обширного тома герметических рецептов, в котором были указаны тысячи процессов с тысячами различных материалов для успешного изготовления золота. Из Бордо он отправился в Тулузу, все еще в компании своего наставника, якобы для изучения права, но на самом деле для экспериментальной практики алхимии. Двести крон, которые им выделили на проживание в течение следующих двух лет, были быстро потрачены на покупку печей, инструментов и лекарств для буквального выполнения процессов, описанных в книгах адептов.

«До конца года», как он сам сообщает нам, «мои двести крон улетучились, а мой наставник умер от лихорадки, которую он подхватил летом из-за пристального внимания к печи, которую он установил в своей комнате и постоянно находился там в условиях крайней жары. Его смерть очень опечалила меня, и еще больше то, что мои родители отказались снабжать меня деньгами, за исключением того, что было необходимо для моего содержания. Поэтому я не мог продолжать свою великую работу.

Чтобы преодолеть эти трудности, в 1535 году, достигнув совершеннолетия, я вернулся домой, чтобы освободиться от опеки, и продал часть своего имущества за четыреста крон. Эта сумма была необходима для осуществления процесса, который мне передал в Тулузе итальянец, утверждавший, что он видел его доказательства. Я оставил его жить со мной, чтобы довести его процесс до конца.

Мы растворяли золото и серебро в различных видах крепких вод, но все было тщетно; мы не смогли извлечь из раствора даже половину золота и серебра, которые мы в него поместили. Мои четыреста крон сократились до двухсот тридцати, из которых я дал двадцать итальянцу, чтобы он отправился в Милан, где, по его словам, жил автор процесса, и откуда он должен был вернуться со своими объяснениями. Я остался в Тулузе на всю зиму, ожидая его, и, возможно, остался бы там до сих пор, так как с тех пор о нем ничего не слышал.

«Летом того же года город поразила чума, и я уехал в Каор, где пробыл шесть месяцев. Я не забывал о своей работе и познакомился со стариком, которого называли философом — так в той местности называли любого, кто обладал обширными знаниями. Я рассказал ему о своих занятиях и попросил совета. Он упомянул десять или двенадцать процессов, которые, по его мнению, были лучше других. Когда чума закончилась, я вернулся в Тулузу и возобновил свою работу. Единственным результатом было то, что все мои деньги были потрачены, за исключением ста семидесяти крон. Чтобы продолжить свои исследования с большей уверенностью, я познакомился с аббатом, который жил в окрестностях этого города. Он увлекся тем же занятием, что и я, и сообщил мне, что один из его друзей, который жил с кардиналом Арманаком, прислал ему из Рима процесс, который он считал подлинным, но который стоил двести крон. Я согласился предоставить половину этой суммы, а он дал

остальное, и мы начали работать вместе. Наш процесс требовал большого количества спирта. Я купил бочку отличного вина, из которого извлек спирт и многократно его очистил. Мы взяли два фунта этого спирта и полфунта золота, которое мы прокаливали в течение месяца. Их поместили в пеликан и поставили в печь. Эта работа длилась год, но, чтобы не оставаться без дела, мы провели несколько других экспериментов по алхимии (), чтобы развлечься, и от которых мы ожидали получить достаточную прибыль, чтобы оплатить расходы на нашу великую работу.

«1537 год прошел без каких-либо изменений в предмете наших трудов. Мы могли бы оставаться в том же состоянии всю нашу жизнь, потому что мы должны были знать, что совершенные металлы не изменяются под воздействием растительных или животных веществ. Мы достали наш порошок и провели проекцию на раскаленную ртуть, но все было тщетно! Судите же о нашей печали, тем более что аббат уведомил всех своих монахов, что им придется расплавить свинцовую цистерну их дома, чтобы он мог превратить ее в золото, как только наши операции будут завершены.

Мой неудачный опыт не мог заставить меня отказаться от своего намерения. Я снова собрал четыреста крон из своего имущества; аббат сделал то же самое, и я отправился в Париж, город, в котором было больше алхимиков, чем в любом другом городе мира. Я решил остаться там до тех пор, пока не закончатся восемьсот крон или пока я не достигну своей цели. Это путешествие вызвало недовольство моих родственников и осуждение моих друзей, которые считали меня усердным юристом. Однако я заставил их поверить, что целью моего пребывания в Париже была покупка должности в суде.

«После пятнадцати дней путешествия я прибыл в Париж в январе 1539 года. Я пробыл там месяц, оставаясь почти неизвестным, но как только я посетил производителей печей и пообщался с некоторыми любителями, я познакомился с более чем сотней художников, которые все работали по-разному. Некоторые трудились над извлечением ртути из металлов и ее последующей фиксацией. Другие придерживались различных систем, и не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из них не приходил ко мне, даже по воскресеньям и в самые священные дни церкви, чтобы услышать, что я сделал.

В этих разговорах один говорил: «Если бы у меня были средства начать заново, я бы создал что-то хорошее». Другой: «Если бы только мой сосуд был достаточно прочным, чтобы выдержать силу того, что в нем содержалось». Третий: «Если бы у меня был хорошо закрытый круглый медный сосуд, я бы закрепил ртуть серебром». У каждого из них было разумное оправдание своей неудаче, но я был глух ко всем их разговорам, вспоминая свой опыт, когда я был обманут подобными ожиданиями.

Тем не менее, меня соблазнил грек, у которого был процесс с киноварью, который провалился. В то же время я познакомился со странным джентльменом, недавно прибывшим, который часто в моем присутствии продавал плоды своих операций ювелирам. Я долгое время общался с ним, но он не соглашался раскрыть мне свой секрет. Наконец я убедил его, но это было лишь усовершенствование метода очистки металлов, более изобретательное, чем остальные. Я не преминул написать аббату в Тулузу, приложив копию процесса незнакомца, и, полагая, что я приобрел некоторые полезные знания, он посоветовал мне остаться еще на год в Париже, поскольку я так хорошо начал.

«В конце концов, что касается философского камня, я не добился большего успеха, чем раньше. Я пробыл в Париже три года, и мои деньги почти закончились, когда я получил

письмо от аббата, в котором он сообщал, что ему нужно со мной кое-что обсудить и что я должен как можно скорее присоединиться к нему.

«По прибытии в Тулузу я обнаружил, что у него было письмо от короля Генриха Наваррского, который был любителем философии и просил меня отправиться в По, в Берне, чтобы научить его секрету, который я получил от незнакомца в Париже. Он обещал вознаградить меня тремя или четырьмя тысячами крон. Упоминание этой суммы взбодрило аббата, и он не давал мне покоя, пока я не отправился к принцу. Я прибыл в По в мае 1542 года. Я обнаружил, что принц был очень любопытной личностью. По его приказу я приступил к работе и добился успеха, следуя известному мне процессу. Когда работа была закончена, я получил ожидаемое вознаграждение, но, хотя король хотел продолжать служить мне, его отговорили лорды его двора, даже те, кто пригласил меня к нему. Он отпустил меня с большими благодарностями, пожелав, чтобы я посмотрел, нет ли в его владениях чего-нибудь, что могло бы меня порадовать, например, конфискованного имущества или чего-то подобного, и что он с удовольствием отдаст мне это. Эти обещания, которые ничего не значили, не заставили меня питать надежды придворного, и я вернулся к аббату в Тулузу.

«По дороге я услышал о религиозном человеке, который был очень искусен в естественной философии. Я пошел к нему; он сожалел о моих несчастьях и с дружеским рвением посоветовал мне больше не заниматься этими различными частными операциями, которые были ложными и софистическими, а лучше внимательно изучить *лучшие книги древних философов*, чтобы познать *истинную суть и правильный порядок, которому следует следовать* в практике этой науки.

Я понял правдивость этого надежного совета, но прежде чем приступить к его исполнению, я отправился к своему другу в Тулузу, чтобы отчитаться перед ним за восемьсот крон, которые мы вложили в общее дело, и поделиться с ним вознаграждением, которое я получил от короля Наварры. Если он и не был доволен всем, что я ему рассказал, то еще меньше ему понравилось мое решение прекратить свои операции. Из наших восьмисот крон у нас осталось только восемьдесят шесть. Я расстался с ним и вернулся домой, намереваясь отправиться в Париж и остаться там, пока не упрочусь в своей теории чтения трудов адептов. Я прибыл в Париж в 1546 году и пробыл там год, усердно изучая *«Turba Philosophorum»*, труды доброго Тревизана, *«Remonstrance of Nature»* и некоторые другие *лучшие книги*. Но, не имея *первоначальных принципов*, я не знал, на чем остановиться.

«Наконец я вышел из своего уединения, не для того, чтобы увидеться со своими старыми знакомыми, искателями особых настоек и второстепенных работ, а для того, чтобы общаться с теми, кто продвигался в великом процессе по книгам подлинных адептов. Тем не менее, я был разочарован в этом из-за путаницы и несогласованности их теорий, из-за разнообразия их работ и их различных операций. Воодушевленный своего рода вдохновением, я посвятил себя изучению Раймонда Луллия и Арнольда де Вилла Нова. Мое чтение и размышления продолжались еще год. Затем я *сформировал свой план* и ждал только, чтобы продать остаток своей земли, чтобы иметь возможность вернуться домой и воплотить свое решение в жизнь. Я начал в Рождество 1549 года, и после некоторых приготовлений, приобретя все необходимое, я приступил к своему процессу, не без беспокойства и трудностей. Один друг сказал мне: «Что ты собираешься делать? Разве ты не потерял достаточно из-за этой иллюзии?» Другой заверил меня, что, если я продолжу покупать столько угля, меня заподозрят в подделке монет, о чем он уже слышал слухи. Третий сказал, что я должен заниматься своим делом юриста. Но больше всего меня мучили мои родственники, которые горько упрекали меня за мое поведение и угрожали привести в мой дом сотрудников правоохранительных органов, чтобы разбить мои печи.

«Я оставляю вам право судить о моих бедах и горе от этого противодействия. Я не находил утешения ни в чем, кроме своей работы, которая процветала с каждым днем и которой я уделял все свое внимание. Прекращение всей торговли, вызванное чумой, дало мне возможность уединиться, в чем я мог с невозмутимым удовлетворением исследовать успех трех цветов, которые отмечают истинную работу. Таким образом, я достиг совершенства в изготовлении тинктуры, , и в пасхальный понедельник 1550 года проверил ее действие на обычной ртути. Менее чем за час она превратилась в чистое золото. Вы можете догадаться, как я был счастлив, но я постарался не хвастаться. Я поблагодарил Бога за оказанную мне милость и помолился, чтобы мне было позволено использовать ее только для Его славы.

На следующий день я отправился на поиски аббата, согласно обещанию, которое мы дали друг другу, чтобы поделиться своими открытиями. По дороге я зашел в дом религиозного человека, который помог мне своим добрым советом. К моему горю, я обнаружил, что и он, и аббат умерли около шести месяцев назад. Я не вернулся в свой дом, а стал искать другое место, чтобы дожидаться прибытия одного из моих родственников, которого я оставил в моем жилище. Я послал ему доверенность на продажу всего, что я имел, как дома, так и мебели, чтобы погасить долги, а остаток распределить между моими родственниками, которые были в нужде. Вскоре он присоединился ко мне, и мы отправились в Лозанну, в Швейцарию, решив провести остаток наших дней без роскоши в одном из знаменитых городов Германии».

В своем неизвестном убежище[V] адепт записал свои приключения и опыт, полученный в поисках философского камня, *ut divertarem bonos piosque vivos, à sophisticationibus, ad viam rectam perfectionis in hoc opere divino*. Его небольшое произведение называется просто *Opusculum Chemicum*; оно начинается с романтического повествования, которое я процитировал почти *полностью*. В нем Гермес называется *magnus propheta noster*, утверждает, что искусство является даром одного только Бога, на основании авторитета всех посвященных, и приводится так много цитат из предыдущих авторов, что его едва ли можно считать оригинальным трудом по герметической философии.

Жизнь Бернарда Тревизана в изобилии свидетельствует о физической природе его объекта, что в полной мере подтверждается этим трактатом (). Последовательно рассматриваются методы проекции на металлы, состав драгоценных камней и применение настойки в качестве лекарства для человеческого тела. Одно зерно *divinum opus*, растворенное в белом вине, превращает этот напиток в насыщенный лимонный цвет и имеет бесчисленные гигиенические применения.

СНОСКИ:

[V] См. Приложение I.

БЕРИГАРД ИЗ ПИЗЫ.

Следующий отчет о трансмутации, выполненной им самим, записан известным итальянским философом Клодом Беригардом и находится на двадцать пятой странице его *Circulus Pisanus*, опубликованного во Флоренции в 1641 году.

«Я не думал, что возможно превратить ртуть в золото, но один мой знакомый счел нужным развеять мои сомнения. Он дал мне около драхмы порошка, почти такого же цвета, как дикий мак, и имеющего запах, похожий на запах прокаленной морской соли. Чтобы избежать всяких обманов, я купил тигель, уголь и ртуть, в которой, как я был уверен, не было примесей золота. Десять драхм ртути, которые я нагрел на огне, при проекции превратились почти в такой же вес чистого золота, которое выдержало все испытания. Если бы я не выполнил эту операцию самым тщательным образом, приняв все меры предосторожности против возможности сомнений, я бы не поверил в это, но я удовлетворен этим фактом».

ЧАРНОК.

Томас Чарнок родился на острове Танет в 1524 году. Он называет себя необразованным ученым и студентом астрономии и философии. Он практиковал хирургию и, хотя знал только азы латыни, , похоже, что он был известен в окрестностях Солсбери, где он обосновался, благодаря своим достижениям в области гуманитарных наук. У него было два учителя алхимии, первым из которых был сэр Джеймс С——, священник, живший в монастыре недалеко от Солсбери, который сообщил Чарноку, что он не получил свои знания от какого-либо живого адепта, а благодаря размышлениям над словами философов он овладел главными секретами алхимии, лежа в своей постели, и, соответственно, сумел изготовить серебряный порошок.

Другим учителем, который обучал Чарнока, был слепой человек, которого вел мальчик, которого неопит случайно обнаружил в гостинице среди других путешественников по нескольким словам о оккультной химии, которые он услышал в его разговоре. Как только компания удалилась, Чарнок расспросил собеседника и попросил научить его естественной философии. На это адепт возразил, что он не знаком со своим собеседником, и сказал, что отдаст свои знания Богу, который их дал, если не встретит некоего мастера Чарнока, слава о учености и милосердии которого дошла до него.

Услышав эти слова, Чарнок представился, и старик беседовал с ним в течение часа, в течение которого он обнаружил, что тот хорошо разбирается во многих тайнах священной науки. Он пообещал Чарноку, что если тот поклянется не раскрывать секрет ради золота, повышения по службе или из-за привязанности к великим людям, а только после смерти тому, кто действительно посвятил себя изучению природы, он сделает его наследником своих знаний. Соответственно, в следующее воскресенье они вместе приняли причастие, а затем, уединившись посреди большого поля, мальчик был отправлен подальше, чтобы не слышать, и слепой в нескольких словах изложил «тайну минеральной мудрости». Их беседы продолжались девять дней. Были раскрыты секреты алхимии (), и адепт также рассказал свою личную историю, сообщив Чарноку, что его зовут Уильям Берд, что он был приором Бата и оплатил расходы на ремонт аббатской церкви из сокровищ, которые он приобрел с помощью красного и белого эликсиров. Когда аббатство было закрыто, он спрятал бесценный порошок в стене, но через десять дней, вернувшись, обнаружил, что порошок исчез. На месте, где он его оставил, он нашел несколько лоскутков. Это несчастье почти лишило его рассудка; он бродил без цели и потерял зрение. Поэтому он не смог повторить свой процесс и продолжал путешествовать по стране в сопровождении мальчика. Свои герметические знания он получил от слуги Рипли.

На момент этой беседы Чарноку было двадцать восемь лет, и через два года после того, как его первый учитель заболел, работая над печью для получения красного камня. Он послал за

Чарноком, сделал его наследником своего дела и умер, дав ему инструкции, как действовать дальше. Чарнок начал свои работы с материалов, оставленных его наставником, и был очень озадачен трудностью поддержания равномерного огня. Он часто просыпался ночью, чтобы проверить топливо, но, несмотря на всю его заботу, которая продолжалась в течение нескольких месяцев, деревянная рама, покрывавшая печь, загорелась во время его кратковременного отсутствия, и когда, почувствовав запах гари, он побежал в свою лабораторию, он обнаружил, что его работа была полностью уничтожена. Это произошло 1 января 1555 года. Чтобы исправить причиненный ущерб, он был вынужден начать сначала, и нанял слугу, чтобы тот помогал ему следить за огнем. В течение двух месяцев некоторые признаки вселяли в него надежду на успех, но его зависимость от слуги привела к краху его работы. Он обнаружил, что этот неверный помощник почти погасил огонь, а затем, чтобы скрыть свою халатность, разжег его снова с помощью жира, пока он не стал настолько горячим, что сжег материал безвозвратно.

При третьей попытке Чарнок решил продолжать без посторонней помощи. Его огонь обходился ему в три фунта в неделю, и он был вынужден продать несколько колец и драгоценностей, чтобы его поддерживать. За восемь месяцев он добился значительного прогресса и надеялся вскоре получить вознаграждение за все свои труды, но в этот критический момент его призвали служить солдатом при осаде Кале. В ярости от разочарования он взял топор, разбил свои очки, печь и аппаратуру и выбросил их из дома.

Он написал «Бревиарий философии» в 1557 году и «Загадку алхимии» в 1572 году, с примечанием, датированным 1574 годом, когда ему было пятьдесят лет. В нем он заявляет о своем достижении порошка, производящего золото, когда его волосы были уже седыми. В «Бревиарии» утверждается, что в ней описаны все сосуды и инструменты, необходимые в этой науке; гончар, столяр и стекольный мастер из Эдинбурга () должны оказать свои услуги. Адрес одного из этих мастеров, особо рекомендованного автором, указан как Чиддинфолд в Сассексе; он мог изготавливать стеклянные сосуды в форме яйца, которые открывались и закрывались «плотно, как волосок». В этом любопытном стихотворении описывается регулирование философского огня, но остальная информация носит чисто автобиографический характер.

ДЖОВАННИ БРАЧЕСКО.

Этот алхимик из Брешии процветал в шестнадцатом веке. Он был автором комментария к Геберу, который, как полагают, не проливает особого света на неясности арабского философа. Самым любопытным из его оригинальных трактатов является *«Legno della Vita, vel quale si dichiara la medecina per la quale i nostri primi padri vivevano nove cento anni»* (Рим, 1542, 8vo) — «Древо жизни, в котором раскрывается лекарство, благодаря которому наши прародители жили девятьсот лет». Эта работа, вместе с *«La Esposizione di Geber Filosofe»* (Венеция, 1544, 8vo), была переведена на латынь и может быть найдена в коллекциях Гратороле и Мангетуса. Они также были опубликованы отдельно под названием *«De Alchimia dialogi duo»* (Lugd., 1548, 4to). Древо жизни — одно из бесчисленных названий, данных алхимиками созревшему и усовершенствованному камню, состав которого является воплощением *великого дела*. Оно более широко известно как Вселенский бальзам или Панацея, которая лечит все болезни и обеспечивает своему счастливому обладателю неизменную молодость. Название «Древо жизни» евреи дали двум палкам, которые скрепляют свиток Закона. Они убеждены, что простой контакт с этими священными палками укрепляет зрение и восстанавливает здоровье. Они также считают, что нет лучшего средства

для облегчения родов у женщин, чем заставить их смотреть на эти оживляющие палки, к которым, однако, им ни в коем случае не разрешается прикасаться. [W]

Работа Брачческо написана в форме диалога и объясняет герметические принципы Раймонда Лулли, одного из собеседников, который обучает восторженного ученика тайным принципам божественного искусства, причем этот ученик ищет защиту от многочисленных недугов и слабостей «влажного радикала». Учитель заявляет, что такое лекарство извлекается из единственного вещества, которым является софическая *aqua metallorum*. Диалог представляет интерес, поскольку показывает связь в сознании автора между развитием металлического совершенства и физическим возрождением человечества.

СНОСКИ:

[W] *Dictionnaire des Sciences Occultes*, i. p. 232.

ЛЕОНАРДИ ФИОРАВАНТИ.

Врач, хирург и алхимик XVI века, этот итальянец был плодовитым автором, наиболее известным благодаря своему «Краткому изложению тайны медицины, хирургии и алхимии», опубликованному в Венеции в 1571 году в формате октаво и переизданному несколько раз. Оно содержит применение герметических методов и принципов к науке медицины, но описание автором *petra philosophorum* показывает, что это обозначение является чисто произвольным, поскольку представляет собой смесь ртути, селитры и других веществ, предназначенную для воздействия на желудок, и не имеет никакого отношения к трансмутирующему *лазуриту* алхимических мудрецов.

ДЖОН ДИ.

Жизнь этого псевдоадепта и его товарища по алхимии Эдварда Келли окутана облаком некромантии и магико-герметических чудес, так что сказочные и исторические элементы нелегко разделить.

Предполагается, что настоящее имя Эдварда Келли было Тэлбот. Говорят, что он родился в Вустере в 1555 году и занимался адвокатской практикой в Лондоне. Его таланты в каллиграфии, по-видимому, использовались для подделки документов. Согласно рассказу его врагов, он был преследуем в Ланкастере за преступление такого рода и приговорен к потере ушей. Одни утверждают, что он понес это наказание[X], другие — что он избежал его, укрывшись в Уэльсе, где поселился в неизвестной гостинице и скрыл свою личность, взяв новое имя. Во время этого пребывания хозяин гостиницы Эдвард Келли () показал ему старинную рукопись, которую ни он сам, ни его соседи не могли расшифровать. Так называемый Эдвард Келли, будучи посвященным в тайны древней письменности, обнаружил, что это трактат о трансмутации, и его любопытство было сильно возбуждено. Он поинтересовался ее историей и узнал, что она была найдена в гробнице епископа, похороненного в соседней церкви, гробница которого была осквернена какими-то несчастными фанатиками-еретиками в ту эпоху яростной религиозной мании и безудержных елизаветинских гонений. Целью этого осквернения было обнаружение скрытых сокровищ в месте упокоения прелата, которому народная традиция приписывала огромные богатства.

Однако безбожие было вознаграждено лишь упомянутой рукописью и двумя маленькими слоновыми бутылочками, содержащими тяжелый красный и белый порошок. Эти бесценные жемчужины были отвергнуты свиньями вероотступничества; одна из них была разбита на месте, и ее красное, небесное содержимое было в основном утрачено. Остатки, вместе с оставшейся бутылкой и непонятной рукописью, были быстро проданы трактирщику в обмен на мешок вина. Неразбитая бутылочка была передана новым владельцем в качестве игрушки его детям, но провидение, которое в основном наблюдает за совершением возвышенных поступков, сохранило ее содержимое в целостности и сохранности. Когда Эдвард Келли, притворяясь антикваром, равнодушным к предметам, которые были скорее любопытными, чем ценными, предложил фунт стерлингов за все предметы, сделка была незамедлительно заключена. Юрист ни в коем случае не был алхимиком, но он верил, что обладает герметическим сокровищем; он решил, несмотря на все риски, вернуться в Лондон и проконсультироваться со своим другом доктором Ди, который жил в коттедже в Мортлейке и который в вопросах магического колдовства и извилистых оккультизма считался человеком из людей.

Независимо от того, был ли он обвинен в подделке, лишился ли он слуха или нет, открытие Эдварда Келли заставило доктора-некроманта закрыть глаза на его недостатки и преступления; он сразу же приступил к работе в его компании, в 1579 году, и в декабре их совместный труд увенчался потрясающим успехом. Богатство настойки Келли оказалось равным 272 230 фунтам, но они потеряли много золота в экспериментах, прежде чем узнали о ее силе. В «Дневнике в Германии» доктора Ди он упоминает книгу святого Дунстана, которая, вероятно, является рукописью Келли, а также порошок, «найденный при раскопках в Англии», что указывает на некоторое основание для только что приведенного рассказа. Местом, где было найдено сокровище, по сообщениям, были руины аббатства Гластонбери, основанного святым Дунстаном. Последний аббат был повешен Генрихом VIII за свою приверженность папской делу.

Келли, по-видимому, поселился в Ислингтоне. В июне 1583 года против него был выдан ордер на арест за изготовление фальшивых монет, в чем его спутник заявляет его невиновным. В следующем сентябре доктор Ди, его жена и дети, а также Эдвард Келли с женой в сопровождении некоего лорда Альберта Аласко из Сирадии в Польше покинули Лондон и отправились в Краков. Как только они прибыли на север Германии, доктор Ди получил письмо от одного из своих друзей в Англии, в котором тот сообщал, что его библиотека в Мортлэке была конфискована и частично уничтожена на основании вульгарных слухов о его незаконных исследованиях, а его доходы и имущество были арестованы. Несмотря на обладание *Donum Dei*, все стороны, по-видимому, оказались в результате в значительной нищете.

В 1585 году мы находим их в Праге, которая в то время была столицей алхимии и центром адептов и адептовства. Эдвард Келли и его спутники в настоящее время были богаты, и владелец «Гермического благословения» не скрывал своего сокровища и своих способностей, предавался всевозможным экстравагантным увлечениям, постоянно проводил проекции для себя и своих друзей, а также для многих выдающихся личностей, которые стремились с ним познакомиться. Большая часть результатов была распределена. Трансмутации Келли в этот период подтверждаются несколькими писателями, в том числе Гассендусом. Самым достоверным и замечательным, по мнению Фигье, является то, что произошло в доме императорского врача Таддеуса де Хазека, когда с помощью одной капли красного масла Келли преобразовал фунт ртути в превосходное золото, а избыточная сила

этого средства оставила на дне тигля небольшой рубин. Доктор Николас Барно, помощник Хазека и автор работ по алхимии, которые столь же редки, сколь и авторитетны, был свидетелем этого чуда и впоследствии сам изготовил драгоценный металл, *désir désiré*, с помощью Эдварда Келли.

Сообщение об этом распространилось, и адепт был приглашен императором Максимилианом II ко двору Германии, где его трансмутации принесли ему высшую милость; он был посвящен в рыцари и назначен маршалом Богемии. Теперь, полностью опьяненный славой, он выдавал себя за настоящего адепта, способного создать бесценный порошок для проецирования. Это дало повод его врагам, которых он нажил своим возвышением; они убедили императора практически заключить в тюрьму это живое философское сокровище и вытянуть из него его алхимический секрет. Так начались его несчастья. Абсолютная неспособность подчиниться императорскому приказу и составить значительное количество философского камня была истолкована как умышленный отказ; его бросили в темницу, но после того, как он пообещал выполнить требование, если ему будет предоставлена свобода обратиться за помощью, его быстро освободили, после чего он вновь присоединился к доктору Ди и они снова приступили к совместной работе. Книга Святого Дунстана указывала на использование порошка, но не на его приготовление, и их эксперименты, тщательно контролируемые, чтобы предотвратить побег Келли, оказались совершенно бесполезными. В отчаянии, которое последовало за их неудачей, разразился буйный нрав Келли, и он убил одного из своих охранников. Он был снова заключен в тюрьму, а его спутник, по большей части, остался безнаказанным и, как говорят, использовал свои возможности, чтобы заинтересовать королеву Елизавету судьбой пленника императора. Она провозгласила алхимика своим подданным, но его недавнее преступление сделало его ненавистным для законов империи, и он по-прежнему содержался в темнице.

В 1589 году доктор Ди отправился в Англию. Он остановился в Бремене, где его посетил Генри Кунрат, один из величайших адептов того времени. Ландграф Гессенский послал ему благодарственное письмо, и в ответ получил двенадцать венгерских лошадей. Доктор Ди прибыл в Англию после шестилетнего отсутствия; его приняла королева, которая впоследствии навестила его в его доме, подарила ему двести ангелов на Рождество и выдала ему лицензию на занятие алхимией. Сэр Томас Джонс предложил ему в качестве жилища свой замок Эмлин в Уэльсе; он был назначен канцлером собора Святого Павла, а в 1595 году — директором Манчестерского колледжа. Он переехал туда со своей женой и детьми и вступил в должность в феврале 1596 года. Похоже, что после своего возвращения в Англию он не совершил ни одной трансмутации. В 1607 году мы снова находим его в Мортлейке, живущим на доходы, которые он получал от Манчестера, но подвергающимся сильным преследованиям со стороны членов этого колледжа. Он умер в 1608 году в возрасте восьмидесяти лет.

Император всегда верил в герметические способности Келли; он продолжал удерживать его, надеясь выведать его секрет. Некоторые друзья несчастного алхимика в 1597 году пытались помочь ему сбежать с помощью веревки, но он упал из окна своей тюрьмы и умер от полученных травм.

Во время заключения он написал трактат о философском камне, а в 1604 году был опубликован «Дневник доктора Ди» на основе подлинной рукописи из Ашмолеанского музея. Сын Джона Ди стал врачом царя в Москве и в своей работе «*Fasciculus Chemicus*» утверждает, что в ранней юности он неоднократно был свидетелем трансмутации в течение семи лет.

В метрическом описании работы сэра Эдварда Келли в «*Theatrum Chemicum Britannicum*» всем, кто трудится на кухне Гебера, советуется сжечь свои книги «и прийти учиться у меня», поскольку они не могут создать *эликсир жизни* и драгоценный камень так же, как не могут произвести яблоки. Производитель магнезии, супруга золота философов, не является дорогостоящим веществом. Философское золото — это не обычная, а герметическая сера, а магнезия — это необходимая ртуть.

Testamentum Johannis Dee Philosophi Summi ad Johannem Gwynn, transmissum 1568, ясно сформулировано следующим образом в отношении *великого труда*:

«Раздели на три части то, что природа соединила в одно,

Затем укрепи это, даже само по себе;

Затем разрежь порошкообразное солнце пополам,

С течением времени, и залечи рану снова.

Тот же самый сын еще больше, ты должен ранить,

Все еще новыми ножами, того же вида и заточенными;

Наш верный монад используется таким образом по закону природы,

И связывая, и развязывая, только созревшим и сырым,

И всегда благодарим Бога, который единственный является нашим Руководителем,

Всего достаточно, не больше, чем в это время».

СНОСКИ:

[X] Морхоф, *Epistola ad Langlelotum de Metallorum Transmutatione*.

ГЕНРИ ХУНРАТ.

Этот немецкий алхимик, которого считают жрецом психической стороны *великого дела* и который, несомненно, был осведомлен о более широких вопросах герметических теорем, должен быть отнесен к последователям Парацельса. Он был уроженцем Саксонии, родился около 1560 года. Он путешествовал по большей части Германии и в возрасте двадцати восьми лет получил степень доктора медицины в Базельском университете. Он практиковал медицину в Гамбурге, а затем в Дрездене, где умер в неизвестности и бедности 9 сентября 1601 года в возрасте около сорока пяти лет. *Amphitheatrum Sapientiæ Æternæ solius veræ, Christiano Kabbalisticum divino magicum, &c.*, опубликованное в фолианте в 1609 году, является самым любопытным и примечательным из его произведений, некоторые из которых до сих пор остаются в рукописном виде. [Y] Оно было оставлено автором незавершенным и появилось через четыре года после его смерти с предисловием и заключением его друга Эразма Вольфарта.

Предисловие направляет стремящегося к высшему храму вечной мудрости, чтобы познать Бога и Иисуса Христа, которого Он послал, а также познать самого себя и тайны макрокосма. Весь трактат является чисто мистическим и магическим. Семь ступеней, ведущих к вратам

всеобщего знания, описаны в эзотерическом комментарии к некоторым частям «Мудрости Соломона». *Лапис философум* объявляется тождественным Руах Элохим, который витал над поверхностью вод в первый период творения. Руах Элохим называется *vapor virtutis Dei* и внутренней формой всех вещей. Совершенный камень достигается через Христа, и, наоборот, обладание этим сокровищем дает эзотерическое знание о Христе (). *Amphitheatrum Sapientiæ Æternæ* кажется голосом древнего хаоса, но его любопытные складные таблицы чрезвычайно многозначительны.

СНОСКИ:

[Y] Chausepié, *Dictionnaire*.

МИХАЭЛЬ МАЙЕР.

Этот знаменитый немецкий алхимик, одна из центральных фигур розенкрейцерского спора в Германии и величайший адепт своего времени, родился в Рудсбурге, в Гольштейне, около 1568 года. В молодости он усердно занимался изучением медицины и, поселившись в Росток, практиковал это искусство с таким успехом, что стал лекарем императора Рудольфа II, который за его заслуги возвысил его в дворянское сословие. Несмотря на это, некоторым адептам удалось увлечь его с практического пути, по которому он так долго следовал, в тернистые извилины алхимических лабиринтов. Он увлекся *Великим Делом* и объездил всю Германию, чтобы провести беседы с теми, кого он считал обладателями трансцендентных секретов. В «*Универсальной биографии*» утверждается, что он пожертвовал своим здоровьем, состоянием и временем ради этих «разрушительных абсурдов». Согласно Буле[Z], он много путешествовал и однажды посетил Англию, где познакомился с кентским мистиком Робертом Фладдом.

Он появился как алхимический писатель незадолго до публикации манифестов розенкрейцеров. В споре, который последовал за их появлением и потряс мистическую Германию, он принял активное и энтузиастическое участие, защищая таинственное общество в нескольких книгах и брошюрах. Предполагается, что он путешествовал в поисках подлинных членов «Колледжа тевтонских философов R.C.», и, не встретив их, как говорят, основал собственное братство по образцу *Fama Fraternitatis*. Эти утверждения основаны на недостаточных данных, и есть более веские основания полагать, что в конце своей жизни он был посвящен в подлинный орден. Посмертный трактат Михаэля Майера под названием «Улисс» был опубликован в 1624 году одним из его личных друзей, который добавил к тому же тому содержание двух брошюр, которые уже были опубликованы на немецком языке, но которые ввиду их важности были теперь переведены на латынь для европейских литераторов. Первая из них называлась «*Colloquium Rhodostauroticum trium personarum, per Famam et Confessionem quodammodo revelatam de Fraternitate Roseæ Crucis*». Вторая была «*Echo Colloquii*» Бенедикта Илариона, написанная от имени братства розенкрейцеров. Из этих брошюр следует, что Майер был принят в мистический орден, но когда и где — неизвестно. Он стал самым плодовитым алхимическим писателем своего времени, непрерывно публикуя свои работы до самой смерти в 1622 году.

Многие из его работ представляют собой герметические разработки классической мифологии и украшены весьма любопытными иллюстрациями. Все они безнадежно непонятны, за исключением его апологий розенкрейцеров; последние не лишены изобретательности, но чрезвычайно сложны и, конечно, совершенно неудовлетворительны. По-видимому, он не входил в число адептов и сейчас почти забыт. Его химические знания

погребены под множеством символов и неразрешимых загадок, и верующие в духовную химию не извлекут из его трудов большого утешения или пользы.

СНОСКИ:

[Z] См. «Розенкрейцеры и масоны» Де Куинси.

ЯКОБ БЁМЕ.

После публикации психохимической философии просветленного сапожника из Гёрлица, адепты, как полагают, отчаялись дальше хранить свои секреты и в своих собственных трудах стали говорить более свободно. Таким образом, тайна *vas philosophorum*, как говорят, стала менее непостижимой, чем раньше, когда она считалась божественной тайной, хранящейся у Бога и его избранных.

Якоб Бёме, которого, возможно, можно считать центральной фигурой христианского мистицизма, родился в 1575 году в Старом Зайденберге, деревне недалеко от Гёрлица, в том, что тогда называлось Германской Пруссией. Его родители были бедными, но честными и трезвыми крестьянами и не могли дать ему больше, чем обычное религиозное образование и самые простые элементы общего образования. В свободное время он пас скот вместе с другими мальчиками из деревни. «Он был тихим, задумчивым мальчиком, — говорит один из его последних биографов, — на лице которого часто появлялось мечтательное выражение, характерное для поэтических натур». Уже в этом раннем возрасте он был богат внутренними видениями. Однажды он уединился в пещере в скале под названием Лэндс-Краун и обнаружил большой деревянный сосуд, полный денег, от которого он поспешно удалился, не прикоснувшись к нему, как к чему-то дьявольскому. Он рассказал об этом своим товарищам, но в указанном месте такой пещеры не было, хотя они часто посещали это место в поисках спрятанного сокровища.

Покинув школу, Яков поступил в ученики к сапожнику, и однажды, когда он работал в мастерской в отсутствие своего хозяина, в магазин вошел старик с замечательным и доброжелательным выражением лица и попросил обувь, за которую мальчик, боясь заключать сделку без своего нанимателя, потребовал завышенную цену, чтобы отпугнуть незнакомца от покупки. Тот, однако, заплатил запрошенную сумму, а затем, назвав его по имени, поманил его на улицу, взял за руку и, с сверкающими глазами и серьезным, ангельским лицом, сказал:

«Иаков, ты пока еще мал, но придет время, когда ты станешь великим, и мир будет удивляться тебе. Поэтому будь благочестивым, бойся Бога и почитай Слово. Усердно читай Священное Писание; в нем ты найдешь утешение и наставление в бедствиях, бедности и гонениях, которые ждут тебя. Будь мужественным и стойким; Бог любит тебя и милостив к тебе».

Затем незнакомец исчез или ушел, оставив Иакова более серьезным и набожным, чем когда-либо. Слова наставления и вдохновенные предостережения, которые он часто давал своим товарищам-ученикам, привели его к спорам с мастером и в конечном итоге к увольнению. Он стал подмастерьем сапожника, но в 1594 году вернулся в Гёрлиц, где женился на дочери торговца, от которой у него было четверо детей.

В 1598 году он несколько дней подряд представлял себя окруженным божественным светом; он созерцал добродетель и природу растительного мира, вглядываясь в самое сердце

творения и познавая тайны физического космоса с помощью самоинтерпретируемых «знаков», которые, казалось, были запечатлены во всем, что его окружало. Подобный опыт повторился в 1600 году, когда он случайно засмотрелся на полированное оловянное блюдо и впал в гипнотическое состояние. Эти видения не мешали его работоспособности и вниманию к домашним делам. Прошло десять лет, и его психические восприятия внезапно стали более ясными. «То, что раньше он видел только хаотично, фрагментарно и в отдельных проблесках, теперь он видел как целостное и более четкое». Он записал то, что испытал под влиянием вдохновения, и таким образом появилась его первая книга « » — «Аврора, утро, или рассвет дня на Востоке, или утренняя краснота при восходе солнца». Изначально она не предназначалась для публикации, но рукописные копии были распространены одним из его друзей, и в результате он подвергся жестоким преследованиям со стороны церковных властей Гёрлица. Ему запретили писать книги и велели заниматься своим ремеслом. В течение пяти лет он смиренно подчинялся тираническому приказу, а затем довольствовался тем, что писал только для своих близких друзей. С 1619 по 1624 год он написал ряд объемных трактатов, из которых наиболее характерными и важными, пожалуй, являются книги «Истинные принципы», «Mysterium Magnum» и «Signatura Rerum». Публикация, по-видимому, тайная, его «Пути к Христу» вновь привела его к конфликту с ортодоксией Гёрлица и привела к его временному изгнанию. Он был приглашен в курфюрстский двор в Дрездене, где его допросила конференция выдающихся теологов, которые были настолько впечатлены этим человеком, что заявили о своей некомпетентности судить его.

В 1624 году он заболел лихорадкой в доме своего друга в Силезии, по его просьбе был перевезен в свой родной город, где 22 ноября скончался в полуэкстатическом состоянии.

Во время ученичества в Гёрлице Якоб Бёме приобрел некоторые знания по химии, а впоследствии использовал герметическую терминологию в преображенном и духовном смысле. Его примеру последовали его ученики, в том числе прославленный Святой Мартин, Дионисий Андреас Фрехер и Уильям Лоу. Второй из названных авторов рассматривал аналогию между процессом философской работы и искуплением человека через Иисуса Христа, как это было раскрыто Якобом Бёме.

Трактат по металлургии приписывается самому теософу Якобу Бёме (), и в его многочисленных частных письмах есть несколько алхимических ссылок. Святой Дух считается ключом к алхимии; нет необходимости в тяжелом труде и поисках (предположительно среди физических веществ). «Ищите только Христа, и вы найдете все». Он описывает философский камень как темный, неуважаемый и серого цвета. Он содержит высшую настойку. Как и Генри Кунрат до него, он осуждает любые затраты, превышающие время и расходы на содержание оператора. «Это не стоит никаких денег, кроме тех, которые тратятся на время и содержание, иначе его можно было бы приготовить за четыре шиллинга. Работа легкая, действие простое. Шестнадцатилетний мальчик мог бы это сделать, но мудрость в этом велика, и это величайшая тайна».

В другом месте говорится, что печать Бога поставлена на секрете алхимии, «чтобы скрыть истинную основу того же под страхом вечного наказания, если только человек не знает наверняка, что это не будет использовано не по назначению. Также нет силы, чтобы достичь этого, никакие навыки или искусство не помогут; если только кто-то не передаст настойку в руки другого, он не сможет приготовить ее, если только он не будет уверен в новом рождении».

Следующие строки, скопированные из рукописи, вставленной в один из томов его произведений, включены в оригинальное издание «Жизни алхимических философов»:

«Что бы ни искали восточные маги,
О чем бы ни пел Орфей, чему бы ни учил Гермес,
Чем бы ни вдохновлялся Конфуций,
Или мистический огонь Зороастра;
Символы, которые нарисовал Пифагор,
Мудрость, подобная божественной, которую знал Платон;
То, что доказал Сократ в своих спорах,
Или жил и любил Эпиктет;
Священный огонь святых и мудрецов
Во всех климатических зонах, во все времена,
На чудесных страницах Бомена мы видим

Обнаруженным и вновь открытым.
«Аврора» возвестила наступление нового дня:
Последующие книги демонстрируют свет полудня.
Десять тысяч глубин исследуют его работы,
Десять тысяч ранее неизвестных истин.
Через все его глубокие книги мы прослеживаем
Бездну природы, БОГА и благодати;
Печати сломаны, тайна раскрыта,
И все наконец-то открыто.
Звучит труба, дарован Дух,
И Бомен — это голос с небес».

Й. Б. ВАН ХЕЛМОНТ.

В 1557 году в Буа-ле-Дюк, в Брабанте, в знатной семье родился Иоанн Баптист ван Хельмонт. Он учился в Лувене и стал выдающимся специалистом в области математики, алгебры, учений Аристотеля и Галена, а также медицины Вописка и Племпия. В семнадцать лет он читал лекции по физике в качестве прелектора, а в 1599 году получил степень доктора медицины. До двадцати двух лет он прочитал Гиппократ и греческих и арабских авторов. Затем он провел десять лет в безуспешной практике физики, пока не встретил химика-

парацельсианца, который открыл ему различные химические лекарства. После этого он удалился в замок Вилворд, недалеко от Брюсселя, и с неустанным усердием занимался химико-экспериментальным анализом тел всех классов. Он прожил свою жизнь в уединении и был почти неизвестен своим соседям, которых, тем не менее, он лечил, не принимая плату. Он отклонил приглашение и лестные предложения императора и курфюрста Пфальца, и после написания нескольких трактатов, которые и по сей день пользуются значительным уважением, он умер в шестьдесят седьмом году жизни.

Этот автор, столь прославленный во всей Европе своими научными знаниями и не менее известный своим благородным происхождением, чем честностью своего характера, в трех разных местах свидетельствует, что он видел и сам проводил трансмутацию. В своем трактате «*De Vita Eterna*» он заявляет следующее: «Я видел и трогал философский камень более одного раза; его цвет был похож на шафрановый порошок, но он был тяжелым и блестящим, как измельченное стекло. Однажды я получил четвертую часть зерна — я называю зерном то, что составляет шестьсот частей в унции. Я сделал с ним проекцию, завернув его в бумагу, на восемь унций ртути, нагретой в тигле, и сразу же вся ртуть, издавая небольшой шум, остановилась и застыла в желтую массу. Расплавив его в сильном огне, я обнаружил в нем одиннадцать зерен из восьми унций чистейшего золота, так что одно зерно этого порошка превратило бы в очень хорошее золото девятнадцать тысяч сто пятьдесят шесть зерен ртути».

Если бы Хельмонт владел искусством изготовления порошка для трансмутации, его свидетельство могло бы вызвать подозрения. В другом случае он говорит, что один адепт, после нескольких дней знакомства, подарил ему полграна порошка проекции, с помощью которого он трансмутировал девять унций ртути в чистое золото. Далее он рассказывает, что много раз проводил подобную операцию в присутствии большой компании и всегда с успехом. На этом основании он верил в достоверность и в чудесные возможности этого искусства, ссылаясь на своего знакомого художника, который имел столько красного камня, что мог бы изготовить золота весом в двести тысяч фунтов.

Не зная о природе этого порошка проекции, Хельмонт заявлял о своем знании алкахеста и методах приготовления с его помощью лекарств, обладающих сверхъестественной эффективностью.

БАТЛЕР.

Во время правления Якова I внимание любопытных привлекло сообщение о нескольких трансмутациях, проведенных в Лондоне художником с вышеуказанным именем. Он был ирландским джентльменом, недавно вернувшимся из путешествий. Говорили, что он сам не знал секрета камня, по крайней мере в том, что касалось его изготовления. Чтобы объяснить, как он его получил, рассказывали следующую историю: корабль, на котором он плыл во время одного из своих путешествий, был захвачен африканским пиратом, и по прибытии в порт он был продан в рабство арабу, который был алхимиком-философом. Батлер, показавшийся своему хозяину умелым и изобретательным, был занят самыми сложными операциями в лаборатории. Имея полное представление о важности процесса, как только он был завершен, он договорился с ирландским купцом о своем выкупе и сбежал, взяв с собой большую часть красного порошка.

Исполнители публичных трансмутаций обычно считали необходимым скрывать свои настоящие знания с помощью подобных выдумок. Однако один врач, соотечественник Батлера, разработал план, чтобы раскрыть его секрет. Он представился слугой, ищущим работу, и был нанят Батлером в этом качестве. Он обнаружил, что философ был настолько осторожен, что тщетно искал какие-либо обстоятельства, которые оправдывали бы публичные слухи о его сокровищах, пока наконец Батлер не послал его в город за большим количеством свинца и ртути.

Переодетый доктор теперь надеялся сделать открытие. Он быстро выполнил поручение и проделал небольшое отверстие в стене комнаты своего хозяина, через которое из соседней комнаты мог видеть, что происходит. Вскоре он заметил, как Батлер достал что-то из коробки, положил это на расплавленный свинец и спрятал коробку в потайном месте под полом своей комнаты. В этот момент стол и стул, на которые доктор взобрался, чтобы заглянуть в глазок, сломались, и он с громким шумом упал на пол. Батлер выбежал из комнаты, чтобы узнать причину этого шума, и, увидев глазок, с трудом удержался от того, чтобы пронзить своего слугу мечом.

Поняв, что от Батлера ничего не добьются, доктор решил удивить его сокровищами, сообщив сотрудникам правоохранительных органов, что тот занимается подделкой денег. По его указаниям был проведен тщательный обыск, но ничего не было найдено, поскольку Батлер уже убрал все, что могло его выдать — печь, тигли и восемьдесят марок золота были всем, что он, по-видимому, имел. Поэтому его освободили из тюрьмы, в которой он содержался во время расследования.

Впоследствии Батлер был заключен в замок Вильворд во Фландрии, где, как говорят, он совершал чудесные исцеления с помощью герметической медицины. Один монах из Бретани, который был его сокамерником, страдавший от тяжелой формы рожи на руке, за час выздоровел, выпив миндальное молоко, в которое Батлер просто окунул камень. На следующий день, услышав об этом, знаменитый Хельмонт, который жил по соседству, отправился с несколькими дворянами в тюрьму, где Батлер в их присутствии исцелил пожилую женщину от мегрема, окунув камень в оливковое масло и помазав ей голову. Аббатиса, у которой была опухшая рука и чьи пальцы были негибкими в течение восемнадцати лет, также была исцелена несколькими приложениями того же камня к языку.

Эти случаи подтверждены в своих работах прославленным ван Хельмонтом.

ЖАН Д'ЭСПАНЕ.

Этот герметический философ известен нам по двум трактатам — *«Enchiridion Physicæ Restitutæ»* и *«Arcanum Philosophiæ Hermeticæ»*, которые, однако, также были заявлены как произведения неизвестного лица, называвшего себя *Chevalier Impérial*.^[AA] «Секрет герметической философии» включает в себя практическую часть *великого труда* и «Энхиридион», физическую теорию, на которой основана возможность трансмутации. Д'Эспанье также является автором предисловия к *«Таблице непостоянства демонов»* Пьера Деланкра.

«Арканум герметической философии» более известен под названием «Каноны Эспанье», и, как я показал во введении, считается трактатом по мистической алхимии. Однако автор

очень четко заявляет, что «наука о создании великой тайны Природы — это совершенное знание Природы в целом и искусства, касающегося области металлов; практика, которая заключается в поиске принципов металлов путем анализа». Кроме того, среди авторов, которых Эспанье рекомендует в качестве руководства для студентов, есть те, кто, как Тревизан, известен тем, что посвятил свою жизнь практической алхимии. С уважением цитируются также трактаты Сетона-Сендивогиуса. В то же время можно смело утверждать, что большая часть материала, содержащегося в канонах, хотя и касается физического объекта, может быть распространена на психическую сторону герметического искусства.

СНОСКИ:

[AA] Этот рыцарь, очень почитаемый алхимиками, часто упоминается в «*Тромпетте Французской*», небольшом томе, содержащем *пророчество Бомбаста о рождении Людовика XIV*. On a, du Chevalier Impérial, le *Miroir des Alchimistes*, avec instructions aux dames pour dorénavant être belles sans plus user de leurs dards venimeux, 1609, 16mo. *Dictionnaire des Sciences Occultes*.

АЛЕКСАНДР СЕТОН.

Ни один из адептов не пострадал от неосторожного раскрытия своей силы больше, чем герой этой статьи. Он был уроженцем Шотландии и, как предполагается, жил в особняке в деревне недалеко от Эдинбурга, близ морского побережья.[AB] Летом 1601 года голландское судно потерпело крушение у побережья, и часть экипажа была спасена благодаря Сетону, который принял их в свой дом, обращался с ними с большой человечностью и предоставил им средства для возвращения в Голландию. Год спустя он навестил Джеймса Хауссена, лоцмана корабля, одного из спасенных, в Эркузене, в той же стране. Моряк принял его с радостью и продержал в своем доме несколько недель, в течение которых он с изумлением наблюдал за несколькими трансмутациями, выполненными его гостем, который признался, что он был адептом алхимии. Он был связан благодарностью и дружбой самым нерушимым секретом, но не мог удержаться от того, чтобы не поделиться тем чудом, свидетелем которого он был, с Вендерлинденом, врачом из Энкхейзена, человеком честным и благоразумным, которому он подарил кусок золота, преобразованного в его присутствии из свинца 13 марта 1602 года. Эта редкость попала в руки внука врача, который показал ее знаменитому Георгу Морхоффу, который упомянул о ней и ее истории Ланглету дю Фреснуа в письме о трансмутации металлов.

Из Энкхуйсена Сетон отправился в Амстердам и Роттердам (), а затем отплыл в Италию, где после короткого пребывания перебрался в Швейцарию и так попал в Германию в сопровождении Вольфганга Диенхайма, противника герметической философии, которого он убедил в своей ошибке с помощью наглядной демонстрации в присутствии нескольких выдающихся личностей Базеля.

Этому противнику мы обязаны описанием Сетона, которого он описал как человека с выдающимся духовным обликом, невысокого роста, но очень крепкого телосложения, с румяным цветом лица и бородой во французском стиле. Он называет его Александром Сетонием и утверждает, что он был уроженцем Мольера, «на одном из островов океана».

Свинец, необходимый для трансмутации, был принесен Якобом Цвингер из своего дома, тигель был одолжен у ювелира, а обычная сера была куплена по дороге к дому, где должна была проводиться операция. На протяжении всего эксперимента Сетон ничего не трогал, просто предоставив небольшой пакет, содержащий порошок проекции, который превращал неблагородный металл в золото чистейшего качества, эквивалентное по весу исходному свинцу.

Эксперимент был повторен в другой раз с таким же блестящим успехом, и, помимо свидетельства Диенхайма, у нас есть также свидетельство Цвингера, имени, которое высоко уважается немцами в истории медицины. [\[AC\]](#)

Александр Сетон покинул Базель и под вымышленным именем отправился в Страсбург, откуда он направился в Кельн и поселился у алхимика-любителя по имени Антон Бордеманн, который познакомил его с другими суфлерами этого города. Он начал среди них своего рода алхимический крестовый поход, неосторожно раскрывая свои знания как легковверным, так и скептически настроенным алхимикам (), и однажды произвел шесть унций драгоценного металла с помощью единственного зерна своей великой философской настойки. [\[AD\]](#)

Покинув Кельн, потрясенный его чудесными операциями, прославленный жрец герметического искусства отправился в Гамбург, где его дальнейшие удивительные проекции описаны Джорджем Морхоффом. В Мюнхене, следующем этапе его алхимического паломничества, он не производил никаких трансмутаций, внезапно исчезнув с дочерью одного из горожан, на которой, по-видимому, он был законно женат и к которой с тех пор был преданно привязан.

Слава Сетона в это время привлекла внимание Кристиана II, молодого курфюрста Саксонии. Он послал за алхимиком, но тот, поглощенный своей страстью, слился в одном лице с герметическим пропагандистом и любовником и послал Уильяма Гамильтона, своего кажущегося слугу, но на самом деле доверенного лица и друга, чтобы убедить курфюрста в истинности алхимических операций с помощью наглядных доказательств. Гамильтон с большим успехом провел [проекцию](#) в присутствии всего двора, и полученное золото выдержало все испытания.

Курфюрст, ранее скептически настроенный, теперь более чем когда-либо желал увидеть адепта. Сетон неохотно согласился, и в этот момент, по-видимому, был покинут Гамильтоном. Он был принят с почестями и благосклонностью и преподнес небольшое количество порошка Кристиану II, который вскоре попытался завладеть всей тайной философа. Сетон отказался удовлетворить его просьбу и остался глух к уговорам и угрозам, но курфюрст, убежденный, что он владеет живым сокровищем, решил преодолеть его нежелание любыми средствами. Он заключил его в башню, которую охраняли сорок солдат, имевших строгий приказ постоянно следить за ним. Несчастный адепт подвергался всем мучениям, которые только могли подсказать алчность и жестокость. Его прокалывали острым железом, обжигали расплавленным свинцом, жгли огнем, били палками, пытали с головы до ног, но его стойкость не покидала его. В конце концов он измотал своих мучителей и был оставлен в одиночной камере.

В это время Михаэль Сендивогиус, моравский дворянин, обычно проживавший в Кракове, в Польше, случайно задержался в Дрездене. Он был искусным химиком, который, как и другие его современники, занимался поиском философского камня и, естественно, заинтересовался делом Александра Сетона. Имея некоторое влияние при дворе курфюрста, он получил разрешение на встречу с ним; и после нескольких бесед, в которых адепт был чрезвычайно сдержан по всем вопросам, связанным с божественной наукой, он предложил

организовать его побег. Истязаемый алхимик с радостью согласился на его план и пообещал помочь ему в его герметических поисках. Как только решение было принято, Сендивогиус отправился в Краков, продал свой дом, чтобы собрать деньги, и, вернувшись в Дрезден, поселился поблизости от тюрьмы, завоевав расположение ее охранников своей щедростью и косвенными взятками. Наконец настал день осуществления его плана; он угостил стражников лучше, чем обычно, и, когда все они были пьяны, отнес Сетона, который не мог ходить, на спине к почтовой карете, в которой они уехали, не будучи обнаруженными. Они заехали в дом Сетона за его женой, которая хранила у себя некоторое количество порошка для трансмутации, а затем поспешили в Краков. Там Сендивогиус потребовал от алхимика выполнения его обещания, но получил категорический отказ от адепта, который сослался на Бога, сказав, что раскрытие столь ужасной тайны было бы гнусным беззаконием.

«Вы видите, что я перенес, — продолжал он, — мои нервы сокращены, конечности вывихнуты; я истощен до крайности, и мое тело почти разложилось; даже чтобы избежать всего этого, я не раскрыл секретов философии».

Однако Сендивогиусу не суждено было остаться без вознаграждения за свои страдания и самопожертвование. Александр Сетон не долго наслаждался свободой, которую ему обеспечил его друг, и перед смертью, наступившей через два года после побега, он подарил своему спасителю остатки своего трансмутационного порошка.

СНОСКИ:

[AB] Имена Сетон или Ситоун были даны как название деревни, о которой идет речь, но в «Британии» Кэмдена оно фигурирует как название самого дома. Сам алхимик имеет достаточно много имен, его называют по-разному: Сетон, Сидон, Сетоний, Скот, Ситоний, Сидоний, Сутоней, Суетоний и даже Сиетоний.

[AC] *Epistola ad doctorem Schobinger*, напечатано Эммануилом Кёнигом в его *Ephemerides*.

[AD] Теобальд де Хогеланде, *Historiæ aliquot Transmutationis Mettalicæ pro defensione Alchemiæ contra Hostium Rabrein*. Кельн, 1604.

[AE] Гальденфальк, «Алхимические анекдоты».

МИХАЭЛЬ СЕНДИВОГИУС.

Сендивогиус, настоящее имя которого было Сенсофакс, родился в Моравии в 1566 году, и поэтому ему было около тридцати восьми лет, когда умер его молчаливый учитель. Некоторые из его биографов утверждают, что он был внебрачным сыном польского дворянина по имени Якоб Сендимир. Его жизнь довольно подробно описана его защитником, анонимным немцем, который, однако, создал скорее роман, чем историю, среди прочих вымыслов, представляющих его героя как посланника императора Рудольфа II на восток, где он получил от греческого патриарха откровение великой тайны. На самом деле Сендивогиус не достиг никаких успехов в алхимии до своего знакомства с Сетоном.

Потратив почти все свое состояние на освобождение этого адепта и имея склонность к экстравагантному образу жизни, он был недоволен одним лишь обладанием частью порошка для трансмутации и был более чем когда-либо жаждал проникнуть в тайны герметического искусства. Он женился на вдове Сетона, но она была совершенно не знакома с этим процессом, и ее единственным достоянием была рукопись знаменитого

трактата «Новый свет алхимии» с диалогом Меркурия и алхимика, которую Сендивогиус присвоил себе и в конце концов опубликовал как свое собственное сочинение. Из этой работы непосвященный исследователь полагал, что он открыл способ увеличения количества порошка, но ему удалось только уменьшить его.

Несмотря на неудачу в этой попытке, он по-прежнему стремился выглядеть адептом и приобрел огромную репутацию благодаря непрерывным проекциям, которые в сочетании с его роскошной жизнью сделали его великим иерофантом. В Праге он представился императору Рудольфу II и в присутствии нескольких дворян сам король изготавил золото с помощью проекции и, обрадованный успехом операции, назначил Сендивогиуса одним из своих государственных советников. Мраморная табличка с надписью

Faciat hoc quispiam alius

Quod fecit Sendivogius Polonus

была установлена в комнате, где была произведена трансмутация, и это событие было воспето в стихах придворным поэтом Мардохи де Делле.

За этим достижением Сендивогиус последовал печатью в Праге трактата, написанного Сетоном под именем Космополита. Он считается работой его редактора, поскольку тот включил свое имя в виде анаграммы на титульном листе в девизе — *Divi Leschi genus amo*, и не дал никакой информации о реальном авторе. Спустя некоторое время он издал трактат о сере, который, вероятно, был его собственным сочинением. Девиз на титульном листе — *Angelus doce mihi jus* — является еще одним анаграммой его имени. Между этим трактатом и двенадцатью трактатами, составляющими работу Сетона, имеются несоответствия. Сендивогиус заметил это и во втором издании последней работы внес изменения в ее текст.

Из двора Рудольфа II алхимик отправился в Польшу. Когда он проходил через Моравию, один из местных лордов, слышавший о его трансмутациях в Праге и подозревавший, что у него есть большое количество трансмутационного порошка, устроил на него засаду на дороге, схватил его и тайно заключил в тюрьму, угрожая, что он никогда не будет освобожден, пока не раскроет секрет своего сокровища. Сендивогиус, опасаясь участи Сетона, перерезал железную решетку, перекрывавшую окно его темницы, и, сделав веревку из своей одежды, почти голым сбежал из-под власти маленького тирана, которого он вызвал в двор императора, где тот был приговорен к штрафу, а одна из деревень в его поместье была конфискована и передана Сендивогиусу, который впоследствии отдал ее в приданое своей дочери при ее замужестве.

Сендивогиус произвел несколько трансмутаций в Варсовии, но его порошок заметно уменьшался. Герцог Фридрих Вюртембергский пригласил его к себе, и в присутствии этого дворянина, который, чтобы поставить его на одну ступень с принцем крови, подарил ему территорию Недлинген, были проведены две проекции.

Однако ему суждено было встретить серьезное поражение в Вюртемберге из-за интриг завистливого алхимика, уже привязанного к двору, который убедил его, что герцог Фридрих разработал планы, угрожающие свободе его гостя и безопасности его сокровища для трансмутации. Сендивогиус, вновь ярко вспомнив о судьбе своего учителя, поспешно бежал, но его преследовал его вероломный брат по науке, который догнал его с двенадцатью вооруженными людьми на хороших лошадях, арестовал его от имени принца, ограбил его, забрав философское сокровище, и бросил в тюрьму. Затем этот печально известный суфлер, чья звезда была затмлена солнцем Сендивогиуса, приступил к трансмутациям, более чем

восстановив свою утраченную репутацию; но слухи об этой позорной сделке распространились, общественное мнение решило, что герцог был причастен к ней, и жена жертвы, обратившись к королю Польши, вскоре добилась освобождения алхимика.

Сендивогиус вновь обратился за помощью к императору Рудольфу, который потребовал от герцога Вюртембергского выдать суфлера. Имущество Сендивогиуса было немедленно возвращено, за исключением порошка, о котором он ничего не знал. Суфлер был повешен герцогом, но с этого момента ученик Сетона почувствовал, что его звезда идет на спад. У него осталось лишь ничтожное количество порошка, который, стремясь к славе, он растворил в спирте, тщательно очистил и начал удивлять врачей Кракова, куда он снова вернулся, чудесными исцелениями, которые он совершал с помощью этого лекарства. Деснойер, секретарь королевы Польши и один из биографов алхимика, владел монетой, которую Сендивогиус окунул в тот же спирт в присутствии Сигизмунда III, короля Польши, и которая частично превратилась в золото. [AF] Эликсир избавил того же короля от последствий серьезной аварии.

Когда все его порошки были израсходованы, Сендивогиус, по-видимому, превратился в простого шарлатана, получая большие суммы денег под предлогом изготовления порошка проекции. Однажды он опустил до того, что посеребрил кусок золота и, притворяясь, что обладает эликсиром, заставил серебро исчезнуть с помощью химического процесса, который он представил невежественным людям как проекцию настойки и превращение серебра в золото.

Его доверенный слуга Бодовский объясняет этот обман как уловку, чтобы скрыть его истинный характер, поскольку он на собственном опыте понял необходимость защищаться от насилия алчных людей. Иногда он притворялся бедным или лежал в постели, как будто страдал подагрой или другой болезнью. Таким образом он отвлекал всеобщее подозрение в том, что он обладает философским камнем, предпочитая проходить за самозванца, чем за человека, обладающего безграничным богатством. Он часто путешествовал в ливрее слуги, скрывая большую часть своего красного порошка в подножке своей колесницы и заставляя одного из своих слуг сидеть внутри. Он хранил часть порошка в маленькой золотой шкатулке, и с помощью одного его зерна мог превратить столько ртути в золото, которое можно было бы продать за пятьсот дукатов. [AG]

Он находился в своем замке Гроверна, на границе Польши и Силезии, когда к нему пришли два незнакомца, один из которых был старым, а другой молодым. Они вручили ему письмо с двенадцатью печатями, адресованное Сендивогию. Он заявил, что он не тот человек, которого они ищут, но в конце концов его уговорили открыть документ, и он узнал, что они были делегацией из Общества розенкрейцеров, которые хотели посвятить его в тайны. Он притворился, что не понимает их, когда они заговорили о камне философов, но они втянули его в разговор на несколько заумных тем, однако он до последнего отказывался от посвящения, которое ему предлагали.

Михаил Сендивогиус умер в Парме в 1646 году в возрасте восьмидесяти четырех лет, проработав государственным советником четырех императоров подряд. Его единственная дочь вышла замуж за армейского капитана вопреки желанию отца. Он не оставил ей ничего, кроме «Трактата о соли философов», который так и не был напечатан, и поэтому его не следует путать с поддельным произведением, которое было приписано ему под похожим названием.

Трактаты Сетона-Сендивогиуса широко известны под общим названием «Новый свет алхимии». Они были написаны, чтобы противодействовать множеству поддельных и ложных рецептов, составленных мошенниками из-за своей жадности и коварства. Описанная в них процедура, как утверждается, является результатом практического опыта. «Многие люди, как высокого, так и низкого положения, в последние годы, насколько мне известно, видели Диану без покрова. Извлечение души из золота или серебра, каким бы вульгарным способом алхимии оно ни было, является лишь фантазией. Напротив, тот, кто философским способом, без какого-либо мошенничества и притворства, может заставить его действительно окрашивать самый низкий металл, с выгодой или без выгоды, в цвет золота или серебра (выдерживая все необходимые испытания), получает доступ к воротам Природы для исследования дальнейших и высших тайн и, с благословения Бога, для их обретения».

Таким образом, в трудах алхимиков мы постоянно видим или слышим о высотах, превосходящих трансмутацию, о сферах достижений, которые, судя по страницам трудов адептов, они на самом деле не исследовали, но которые, обладая всеобъемлющей теорией органического и неорганического развития (), они рассматривали как Землю Обетованную.

«Новый свет алхимии» настаивает на существовании спермы во всем и на том, что вся Природа вначале произошла от одного-единственного семени. Он рассматривает образование металлов и способ их дифференциации, извлечение их семени и изготовление камня или настойки.

СНОСКИ:

[AF] См. письмо Деснойера в *«Истории герметической философии»* Лангле-дю-Френуа. Борель в своей книге *«Галльские древности»* рассказывает, что он, как и многие другие в Париже, видел эту корону. Он описывает ее как частично золотую, насколько она была пропитана эликсиром. Золотая часть была пористой, будучи более плотной, чем в серебряном состоянии. Не было никаких признаков пайки или возможности обмана.

[AG] См. *«Vie de Sendivogius, tirée de la Rélation de Jean Bodowski»*.

ГУСТЕНХОВЕР.

Уважаемый ювелир по имени Густенховер проживал в Страсбурге в 1603 году. В период большой опасности он предоставил убежище некоему М. Хиршборгену, которого описывают как доброго и религиозного человека. Покидая его дом после длительного пребывания, этот человек подарил своему гуманному хозяину немного порошка для проекции, а затем, отправившись в путь, больше о нем ничего не было слышно.

Густенховер неосторожно проводил трансмутации перед многочисленными людьми, и об этом факте было доложено императору Рудольфу II, самому увлекавшемуся алхимией. Он написал магистратам Страсбурга, приказав немедленно отправить ему ювелира. Приказ был ревностно выполнен, человек арестован и тщательно охранялся, чтобы исключить любую возможность побега. Когда он обнаружил, что цель его заключения заключалась в том, чтобы отправить его к императору в Прагу, он догадался обо всем и пригласил магистратов на встречу, попросив их принести тигель и уголь, и, не подходя к ним, расплавил немного свинца. Для этой цели были использованы мушкетные пули, и когда металл расплавился, он передал им небольшую порцию красного порошка, который они бросили в тигель, и в результате прокаливания получилось значительное количество чистого золота.

Когда его привели к императору, жаждавшему золота, Густенховер был вынужден признать, что он сам не приготовил чудодейственный порошок и что он совершенно не знает о его природе и составе. Монарх расценил это лишь как одну из уловок, которые были обычным явлением в его опыте общения с завистливыми адептами. Ювелир тщетно повторял свои протесты; весь его порошок был быстро израсходован, но он по-прежнему стоял перед теперь уже невозможной задачей изготовления золота. Он искал убежища от ярости алчного негодяя, которого алхимики прозвали немецким Гермесом, что было проклято всеми последователями этой доктрины, но его преследовали, притащили обратно и заточили в Белой башне, где императорский дракон, слепо и упорно убежденный, что алхимик скрывает свой секрет, удерживал его до конца его жизни.

Адепт, подаривший ювелиру золотоносный дар несчастья, так называемый Хиршборген, предположительно является тем же Александром Сетоном, который в тот период бродил по Германии под различными обличьями.

БУСАРДЬЕ.

О этом адепте известно немного. Он жил в Праге с одним из придворных и, заболев, понял, что его смерть неизбежна. В этой крайней ситуации он написал письмо своему избранному другу Рихтаузену в Вену, умоляя его приехать и остаться с ним в последние минуты его жизни. Получив это письмо, Рихтаузен отправился в путь, спеша как можно быстрее, но, прибыв в Прагу, с огорчением обнаружил, что адепт уже умер. Он тщательно расспросил, не оставил ли тот после себя что-нибудь, и управляющий дворянина, у которого он жил, сообщил ему, что остался только порошок, который дворянин, по-видимому, хотел сохранить, но управляющий не знал, как его использовать. Узнав об этом, Рихтаузен ловко завладел порошком и уехал. Узнав об этом, дворянин пригрозил повесить своего управляющего, если тот не вернет порошок, и тот, полагая, что никто, кроме Рихтаузена, не мог его взять, преследовал его, хорошо вооружившись. Он догнал его на дороге и приставил пистолет к его голове, сказав, что застрелит его, если тот не вернет порошок. Рихтаузен, видя, что нет другого способа спасти свою жизнь, признал, что он владеет сокровищем, и сделал вид, что сдается, но, благодаря хитроумному уловке, он утаил значительное количество пороха.

Теперь он был владельцем вещества, ценность которого ему была хорошо известна. Он явился к императору Фердинанду III, который был алхимиком и который, с помощью своего горного мастера графа Руссе, принял все меры предосторожности, чтобы провести эксперимент с частью порошка, данного ему Рихтаузену. Он превратил три фунта ртути в золото с помощью одного грана. Сила этой настойки была равна 1 к 19 470. Говорят, что император велел отчеканить медаль с изображением Аполлона с кадуцеем Меркурия и девизом: «*Divina metamorphosis exhibita Praguæ, Jan. 15, anno 1648, in præsentia Sac. Cæs. Majest. Ferdinandi Tertii*» (Божественная метаморфоза, продемонстрированная в Праге, 15 января 1648 года, в присутствии Его Святейшества императора Фердинанда III). На реверсе была другая надпись: «*Raris hæc ut hominibus est ars; ita raro in lucem prodit, laudetur Deus in æternum, qui partem suæ infinitæ potentiæ novis suis abjectissimis creaturis communicat*».

Рихтаузен был возведен в дворянское сословие с титулом барона Хаоса.

Среди многих преобразований, осуществленных с помощью того же порошка, было одно, выполненное курфюрстом Майнца в 1651 году. Он провел проекцию со всеми мерами предосторожности, возможными для ученого и опытного философа. Порошок, заключенный в трагакантовую смолу () для эффективного удержания, был помещен в воск свечи, которая была зажжена, а затем воск был помещен на дно тигля. Эти приготовления были выполнены самим курфюрстом. Он вылил четыре унции ртути на воск и поместил все в огонь, покрытый углем сверху, снизу и по бокам. Затем они начали дуть с максимальной силой, и примерно через полчаса, удалив угли, они увидели, что расплавленное золото было красного цвета, а должно было быть зеленого. Барон сказал, что температура еще слишком высока и необходимо добавить немного серебра. Курфюрст достал из кармана несколько монет, положил их в плавильный котел, смешал расплавленное серебро с веществом в тигле и, вылив все в идеальном состоянии плавления в слиток, после охлаждения обнаружил, что это было очень чистое золото, но довольно твердое, что было отнесено к слитку. При повторном плавлении оно стало чрезвычайно мягким, и мастер монетного двора заявил его высочеству, что оно более двадцати четырех карат и что он никогда не видел драгоценного металла такого высокого качества.

АНОНИМНЫЙ АДЕПТ.

Афанасий Кирхер, прославленный немецкий иезуит, в своей *книге* «*Mundus Subterraneus*» записывает, что один из его друзей, в правдивости которого он не мог сомневаться, рассказал ему следующее:

«С юности я увлекался изучением алхимии, но так и не достиг цели этой науки. Во время моих экспериментов ко мне пришел совершенно незнакомый человек. Он очень вежливо спросил, в чем заключается цель моих трудов, и, не дав мне времени ответить, сказал: «По этим очкам и этой печи я хорошо вижу, что вы занимаетесь поиском чего-то очень важного в химии (), но, поверьте мне, таким образом вы никогда не достигнете цели своего желания».

«Я сказал ему: „Сэр, если у вас есть лучшие инструкции, я льщу себя надеждой, что вы их дадите“.

— «С удовольствием», — ответил этот великодушный незнакомец.

Я сразу же взял перо и записал процесс, который он продиктовал.

«Чтобы показать вам результат, — сказал незнакомец, — давайте оба будем работать вместе в соответствии с тем, что вы записали».

Мы приступили к делу, и когда наша операция была закончена, я извлек из химического сосуда блестящее масло; оно затвердело в массу, которую я разбил на порошок. Я взял часть этого порошка и нанес его на триста фунтов ртути; через некоторое время она превратилась в чистое золото, гораздо более совершенное, чем то, что добывают в шахтах; оно выдержало все испытания ювелиров.

Такое необыкновенное чудо поразило меня и вызвало удивление. Я почти ошеломился и, как другой Крез, вообразил, что владею всеми богатствами вселенной. Моя благодарность моему благодетелю была больше, чем я мог выразить. Он сказал мне, что находится в путешествии и ничего не хочет, «но мне доставляет удовольствие, — сказал он, — давать советы тем, кто не в состоянии завершить герметическую работу». Я настаивал, чтобы он остался со мной, но он удалился в свою гостиницу. На следующий день я пошел туда, но

каково же было мое удивление, когда я не нашел его ни там, ни в каком-либо другом месте города! У меня было много вопросов, которые оставляли меня в сомнении. Я вернулся к работе в соответствии с рецептом, но не добился результата. Я повторил процесс с большей тщательностью, но все было тщетно! Тем не менее, я продолжал, пока не израсходовал все преобразованное золото и большую часть своего собственного имущества».

«Из этой правдивой истории мы видим, — очень серьезно замечает Кирхер, — как дьявол стремится обмануть людей, ведомых жадой богатства. Этот алхимик был убежден, что к нему пришел адский посетитель (), и по своевременному совету своего исповедника уничтожил свои книги, печь и аппаратуру».

АЛЬБЕРТ БЕЛИН.

Любители алхимии и оккультных наук высоко ценят следующие сочинения этого бенедиктинца, родившегося в Безансоне в 1610 году: «Трактат о талисманах или астральных фигурах, демонстрирующий исключительно естественное происхождение их не менее замечательных свойств, а также способ их создания и практическую полезность»; «Оправдание симпатического порошка», опубликованное в Париже в 1671 году в формате 12mo; и, в частности, «Приключения неизвестного философа в поисках и открытии философского камня». Оно разделено на четыре книги, и в четвертой с проницательностью указан способ достижения *великого дела*. Она была опубликована в формате duodecimo в Париже в 1664 году и с тех пор переиздавалась. В посвятельном письме Белин отказывается от авторства, отмечая, что в соответствии со своей профессией он должен заниматься великим делом божественной благодати, а не естественным *великим делом*. Приключения являются произведением молодого человека, с которым он когда-то был хорошо знаком и который недавно скончался. В четвертой книге рассказчик повествует о том, как, взяв с собой экземпляр книги Раймона Лулли, он отправился в лес, где его занятия были прерваны появлением чудесной дамы в прекрасном серебристом платье, расшитом золотыми цветами. Она оказывается Мудростью и приветствуется студентом как его обожаемая возлюбленная. В своей бесконечной милости и снисходительности божественное воплощение философии в трех беседах наставляет своего восхищенного слушателя о природе, свойствах и превосходстве богатого и плодотворного камня, о материи, из которой он состоит, и о его развитии до абсолютного совершенства.

История эта наводящая на размышления и любопытная, но по литературной и романтической ценности она не выдерживает сравнения с «Химическими браками Кристиана Розенкрейца».

ЭИРЕНАЙ ФИЛАЛЕТ.

В «Реальной истории розенкрейцеров», не имея места для адекватного обсуждения этого вопроса, я последовал более общему мнению герметических писателей, отождествив автора *Introitas Apertus* с автором *Lumen de Lumine*, Томасом Воганом, и пришел к выводу, что он писал без различия под псевдонимами Евгений Филалет и Иреней Филалет.

Некоторые вводящие в заблуждение ссылки в обширных, но несовершенных библиографиях и одна неразрешимая путаница в тексте *Introitus Apertus* сделали эту точку зрения вполне разумной. Однако в ходе довольно подробного обсуждения автор *Saturday Review* подверг

меня критике, причем, следует сказать, отнюдь не невежливой, за неточность в моем описании Вогана.

Ссылаясь на авторитет Ашмола и Вуда, он утверждает, что этот человек был братом поэта-силириста Генри Вогана, что он родился в Ллансантафрайде, в Брекнокшире, в 1621 году, что он окончил Иисусов колледж в Оксфорде, принял сан и вернулся, чтобы вести жизнь в своей родной приходе. Во время правления Содружества он был изгнан как роялист, а затем занялся химическими экспериментами, один из которых стоил ему жизни 27 февраля 1665 года.

Теперь ясно, что эти факты не соответствуют жизни, какой мы ее знаем, автора *«Introitus Apertus»*, и поэтому необходимо отказаться от отождествления двух Филалетов, привычка «», которая, по-видимому, неизвестна рецензенту *«Saturday Review»*. Почему это отождествление имело место до сих пор и почему, с некоторыми сомнениями, оно было продолжено в моей работе о розенкрейцерах, можно очень легко объяснить.

Причины путаницы следующие: во-первых, сходство вымышленного имени, половина которого была общей для обоих, а другая половина, по-видимому, была взаимозаменяемой в умах историков и библиографов, включая составителей каталога Библиотеки Британского музея, который без разбора приписывает *Introitus Apertus* обоим Филалетам. Во-вторых, тот факт, что почти каждое издание и перевод этого трактата содержит следующий отрывок в первом абзаце предисловия:

«Я, будучи адептом, анонимом и любителем знаний, решил написать этот небольшой трактат о физических тайнах в 1645 году, в двадцать третьем году моей жизни, чтобы отдать дань уважения сыновьям искусства и протянуть им руку, чтобы вывести их из лабиринта заблуждений, чтобы показать адептам, что я их равный брат. Я предсказываю, что многие будут просветлены моими трудами. Это не басни, а реальные эксперименты, которые я видел, проводил и знаю, как поймет любой адепт. Я часто откладывал перо, потому что хотел скрыть правду под маской зависти, но Бог заставил меня писать, и я не мог сопротивляться: только Он знает сердце — Ему одной слава во веки веков. Я несомненно верю, что многие будут благословлены в этом последнем веке мира этим арканумом. Да будет воля Божья! Я признаю себя недостойным совершать такие вещи — я поклоняюсь святой воле Божьей, Которому все подчинено! Он создал и сохраняет их для этой цели».

Простая арифметическая операция покажет, что автор «» родился в 1621 году, когда также впервые увидел свет Евгений Филалеф, иначе Томас Воган. Это осталось бы неоспоримым, если бы не тот факт, что в оригинальном издании [АН] *«Introitus»* утверждается, что следует читать *trigesimo anno*, в тридцать третьем году, а не *vigesimo anno*. В Британском музее нет экземпляра этого оригинального издания, и мои знания о нем основаны на переиздании в *«Histoire de la Philosophie Hermétique»* Лангле-дю-Фреснуа. Ириней, в соответствии с более поздними впечатлениями, почитается верующими Гермеса как адепт, совершивший великий и возвышенный поступок в возрасте двадцати двух лет.

Эти основания, которые сами по себе являются весомыми, могут быть дополнены тем фактом, что стиль и методы двух писателей имеют много общего.

Эвгений Филалеф написал *«Антропософия Теомагика»*; *«Анима Магика Абскондита»*, опубликованные вместе в 1650 году; *«Магия Адамика»*, 1650; *«Человек-мышь»* (сатира на Генри Мора, платоника); *«Второе омовение, или Мур (т. е. Генри Мор) снова очищен»*, 1651; *«Lumen de Lumine»*, 1651; *«Слава и исповедь братства R.C.»*, 1652; *«Aula Lucis»*, 1652; *«Евфрат, или Воды Востока»*, 1655. *«Краткая естественная история»*, опубликованная в 1669 году,

также носит его имя, а в 1679 году его поэтические останки были опубликованы его братом Генри вместе с некоторыми его собственными произведениями под названием *Thalia Rediviva*.

Некоторое представление о путанице, которая царит в умах биографов и библиографов по этому вопросу, можно получить из того факта, что некоторые авторитетные источники утверждают, что Томас Воган умер в 1656 году, в то время как в «Биографическом словаре» Чалмерса все произведения Евгения Филалетеса приписываются Генри Силуристу, которого он называет фанатиком розенкрейцеров.

Если в отношении Томаса Вогана царит большая путаница, то в отношении Эйренея Филалетеса царит полный хаос. По-видимому, он эмигрировал в Америку в относительно ранний период. В амстердамском оригинальном издании его работы «*Experimenta de Præparatione Mercurii Sophici*», выпущенном Даниэлем Эльзевиром в 1668 году, эта работа описывается как *ex manuscripto philosophi Americani, alias Æyrenæi Philalethes, natu Angli, habitatione Cosmopolitæ*. Таким образом, те, кто воздерживался от отождествления его с Томасом Воганом, осторожно путают его с Джорджем Старки, также англо-американцем, который утверждал, что был близко знаком с Филалетом, и который, благодаря его посвящению, может считаться его философским сыном, но не его *альтер эго*. Старки вернулся в Лондон и написал несколько книг по химии, в некоторых из которых подробно описываются трансмутации, проводимые Филалетом в трансатлантической лаборатории аптекаря. Он умер от чумы в Лондоне в 1665 году, в то время как Эйрней продолжал публиковаться в течение многих лет после этой даты и некоторое время жил в тесных отношениях с прославленным Робертом Бойлем, который, однако, не оставил нам никаких биографических сведений о нем.

Не менее любопытным фактом в истории этого загадочного адепта является, по-видимому, полное исчезновение множества его печатных работ, которые, согласно достоверному списку, насчитывают около сорока томов, некоторые из которых, по-видимому, совершенно неизвестны и не известны ни библиографам, ни коллекционерам. Лангле дю Фреснуа перечисляет несколько рукописных трактатов, но не дает никаких указаний на их местонахождение.

Мы должны довольствоваться скудными фактами о его жизни, почерпнутыми из книг самого Филалетеса. В тринадцатой главе *Introitus Apertus ad Occlusum Regis Palatium* содержится следующее замечательное описание его автора:

«Все алхимические книги изобилуют неясными загадками и софистическими операциями (). Я не писал в этом стиле, подчинив свою волю Божественной воле. Я не боюсь, что искусство будет презираться из-за того, что я пишу просто, ибо истинная мудрость защитит свою честь. Я бы хотел, чтобы золото и серебро были так же презрительны, как земля, чтобы нам не приходилось так строго скрывать себя. Ибо мы подобны Каину, изгнанному из приятного общества, в котором мы раньше жили без страха; теперь мы бросаемся из стороны в сторону, как будто преследуемые фуриями, и не можем считать себя в безопасности ни в одном месте. Мы плачем и вздыхаем, жалуясь Господу: «Вот, кто найдет меня, тот убьет меня!» Мы путешествуем по многим странам, как бродяги, и не смеем взять на себя заботу о семье, и не имеем постоянного жилища. Хотя мы обладаем всем, мы можем использовать лишь немногие вещи; что же мы имеем, кроме размышлений нашего ума? Многие, не знакомые с этим искусством, полагают, что, если бы они им владели, то творили бы великое добро; я тоже так считал раньше, но опасность, с которой я столкнулся, научила меня

другому. Тот, кто сталкивается с серьезной опасностью для своей жизни, впредь будет действовать с большей осторожностью. Я обнаружил, что мир находится в крайне порочном состоянии, и почти каждый человек руководствуется какими-то эгоистичными и недостойными мотивами, каким бы честным и праведным он ни казался в глазах общественности. Адепт не может совершать необычные дела милосердия, не доверяя в какой-то степени секретность другим, а это чревато тюремным заключением и смертью. Недавно я убедился в этом на собственном опыте: находясь в чужом крае, я дал лекарство нескольким бедным людям, которые были при смерти, и они чудесным образом выздоровели, сразу же распространился слух о эликсире жизни, так что я был вынужден бежать ночью с большим трудом, сменив одежду, побрив голову, надев парик и сменив имя, иначе я попал бы в руки злобных людей, которые поджидали меня, руководствуясь лишь подозрением, возбужденным жадой золота. Я мог бы упомянуть и другие опасности, которые показались бы смешными тем, кто не попадал в подобную ситуацию. Они думают, что смогут лучше управлять своими делами, но не учитывают, что все те умные люди, чье общество в основном желательно, чрезвычайно проницательны, и небольшого предположения достаточно, чтобы вызвать заговор; ибо нечестие людей настолько велико, что я знал человека, который был задушен веревкой по подозрению; хотя он и не владел этим искусством, было достаточно того, что отчаянный человек услышал об этом. В наше время много невежественных алхимиков; как бы они ни были невежественны в науке, они знают достаточно, чтобы обнаружить адепта или заподозрить его. Кажется, что они будут искать и исследовать все обстоятельства вашей жизни. Если вы лечите больных или продаете большое количество золота, эта новость разносится по всему округу. Ювелир знает, что металл слишком чистый, и что его сплавление кем-либо, кто не является профессиональным металлургом, противоречит закону. Однажды я продал чистое серебро на сумму 600 фунтов стерлингов в другой стране. Ювелир, несмотря на то, что я был одет как купец, сказал мне: «Это серебро было изготовлено искусным мастером». Я спросил, почему он так сказал. Он ответил: «Я знаю серебро, которое поступает из Испании, Англии и т. д. Это серебро чище любого из них». Услышав это, я ушел. В торговле нет серебра лучше испанского, но если бы я попытался снизить чистоту своего серебра и был бы обнаружен, меня повесили бы за преступление. Я больше никогда не обращался ни за серебром, ни за его стоимостью. Перевозка золота и серебра из одной страны в другую регулируется строгими законами, и этого достаточно, чтобы осудить адепта, у которого, как кажется, есть его большое количество. Таким образом, научившись на этих трудностях, я решил скрываться и передать это искусство тебе, который мечтаешь о совершать общественное благо, чтобы мы могли увидеть, что ты предпримешь, когда его обретишь.

«Исследователь всех сердец знает, что я пишу правду; и нет никаких оснований обвинять меня в зависти. Я пишу бесстрашным пером в неслыханном стиле, во славу Бога, на благо моих соседей, с презрением к миру и его богатствам; потому что Илия-художник уже родился, и теперь прославляются великие дела города Божьего. Я смею утверждать, что обладаю большим богатством, чем стоит весь известный мир, но не могу им воспользоваться из-за ловушек мошенников. Я презираю, ненавижу и отвращаюсь от поклонения серебру и золоту, с помощью которых прославляются пышность и тщеславие мира. Ах, грязное зло! Ах, тщетное ничтожество! Вы думаете, что я скрываю искусство из зависти? Нет, истинно я заявляю вам, я скорблю из глубины души о том, что мы, как бродяги, изгнаны с лица Господня по всей земле. Но зачем много слов? То, что мы видели, чему учили и что создали, что мы имеем, чем владеем и что знаем, мы и провозглашаем, движимые состраданием к ученым и негодованием по поводу золота, серебра и драгоценных камней, не потому, что они являются творениями Бога, далек от нас такой мысль, ибо в этом отношении мы чтим их и считаем достойными уважения, но потому, что народ Божий поклоняется им так же, как и

мир. Поэтому пусть они будут измельчены в порошок, как золотой телец! Я надеюсь и ожидаю, что через несколько лет деньги станут как шлак, и эта опора антихристианского зверя будет разбита на куски. Люди безумны, народы бредят, бесполезное существо поставлено на место Бога. При нашем долгожданном и приближающемся искуплении Новый Иерусалим будет изобиловать золотом на улицах, его ворота будут сделаны из цельных камней, самых драгоценных, а дерево жизни посреди рая будет давать листья для *исцеления* народов. Я знаю, что эти мои писания будут для людей как чистое золото, и благодаря им золото и серебро станут гнусными, как грязь. Поверьте мне, время близко, я вижу это в духе, когда мы, адепты, вернемся со всех концов земли и не будем бояться никаких ловушек, расставленных против наших жизней, но будем благодарить Господа, Бога нашего. Я бы хотел, чтобы каждый умный человек на всей земле понял эту науку; тогда она ценилась бы только за свою мудрость, и только добродетель была бы в почете. Я знаю многих адептов, которые поклялись в самой тайной молчаливости. Я придерживаюсь другого мнения из-за надежды, которую я возлагаю на своего Бога; поэтому я не советовался со своими братьями или с плотью и кровью в этих своих писаниях: да будет это во славу имени Его, дай Бог!

В предисловии к «Возрожденному Рипли» нам рассказывают об авторах, которым он в любом случае был в значительной степени обязан. «Со своей стороны, я должен выразить уважение Бернару Тревизану, который очень изобретателен, особенно в письме к Томасу из Булони, где, честно признаюсь, я получил основные сведения о скрытом секрете. Я не помню, чтобы я когда-либо чему-либо научился у Раймона Лулли. Некоторые, кто не являются адептами, дают новичку больше знаний, чем тот, кого совершенное знание делает осторожным. Я узнал секрет *магнита* от одного, *халибс* от другого, использование *голубей Дианы* от третьего, *воздух* или *хамелеон* от другого, грубую подготовку растворителя от другого, количество *орлов* от другого; но что касается *операций с истинной материей* и знаками *истинной ртути*, я не знаю никого, кто был бы подобен Рипли, хотя Фламель и является выдающимся. Я знаю, о чем говорю, поскольку на собственном опыте узнал, что такое истина, а что — заблуждение.

«Я читал вводящих в заблуждение, софистических авторов и проводил много утомительных, трудоемких экспериментов, хотя и был еще молод; и, наконец, благодаря незаслуженной милости Божьей, достигнув своего пристанища покоя, я протяну руку тем, кто остался позади. Я написал несколько трактатов, один на английском языке, очень простой, но несовершенный — к сожалению, он выскользнул из моих рук. Я буду сожалеть, если он попадет в мир — два на латыни, *Brevis Manuductio ad Rubinem Cœlestem* и *Fons Chymicæ Philosophiæ* — их я по особым причинам решил не публиковать. Еще два я написал недавно, которые, возможно, вам понравятся, а именно *Ars Metallorum Metamorphoses* и *Introitus Apertus ad Occlusum Regis Palatium*. Я написал две поэмы на английском языке, которые были утеряны; также на английском языке — *Enchiridion of experiments*, дневник размышлений с множеством рецептов, раскрывающих всю тайну, и приложение *Enigma*. Они также попали в руки человека, который, как я полагаю, никогда их не вернет».

Этот преступник, несомненно, был Джордж Старки, который опубликовал «Marrow of Alchemy» под именем Eirenæus Philoponos Philalethes; этот метрический отчет о герметической теории и практике, по-видимому, является исчезнувшим стихотворением адепта, но он содержит в дополнение отчет о собственном посвящении редактора, который, безусловно, стоит переписать.

«Теперь я должен подтвердить, исходя из собственного опыта, факты трансмутации, свидетелем которых я был. Я был хорошо знаком с одним художником, с которым часто беседовал на эту тему, и видел в его владении белый и красный эликсир в очень большом количестве. Он дал мне более двух унций белого лекарства, достаточно сильного, чтобы превратить в 120 000 раз его вес в чистейшее девственное серебро. С этим сокровищем я, по незнанию, приступил к умножению и попал в ловушку собственной алчности, ибо я израсходовал или растратил всю эту настойку. Однако я сделал проекцию части ее, которой достаточно для моей нынешней цели, что позволяет мне утверждать возможность этого искусства на основании визуального доказательства. Я много раз окрашивал сотни унций в лучшее серебро. Из фунта ртути я получил менее скрупула фунта серебра; из свинца — немного больше отходов; но удивительно видеть, как олово — хотя из него была выжжена шлак, — все же увеличило свой вес в огне. Я испытал лекарство на меди, железе, даже на латуни и олове, на свинце, припое, оловянной свинце, ртути и на регуле сурьмы; и я могу с уверенностью сказать, что оно побеждает все металлические вещи и приводит их все к совершенству. Я обнаружил, что нет ничего, что было бы ему подобно, но оно окрашивало бы в чистое серебро. Даже совершенное золото проникало и превращалось в белое стекло, которое трансмутировало, но в небольшом количестве, низшие металлы в серебро; но когда это серебро было испытано, оказалось, что оно выдерживает *аквафорту*, купель сурьмы и весит как золото, так что это было *белое золото*. Это произошло потому, что белая настойка ферментировалась с красной землей, и обе силы, вступив в проекцию, произвели серебристое золото, или серебро, равное золоту в совершенстве, но не имеющее его оттенка. Я не знал ценности этого серебра, пока мое лекарство почти не закончилось, и продал восемьдесят унций по обычной цене, хотя оно было ценно, как золото. Я проецировал лекарство на чистое серебро и получил кристаллический металл, похожий на полированную сталь или зеркало, но в этом не было увеличения свойства; он окрашивался так же, как если бы он не был проецирован на серебро.

«Художник, который подарил мне это, еще жив; я ценю его как свою жизнь; я желаю ему счастья, потому что он был верным другом. В настоящее время он путешествует, посещает художников и собирает антиквариат как гражданин мира. Он англичанин из старинной, уважаемой семьи, которая сейчас живет в том месте, где он родился. Ему едва ли тридцать три года, и он необычайно образован. Вы не можете узнать о нем больше от меня, как и познакомиться с ним; его знакомство со мной было столь же неожиданным, сколь и искренним. Я часто убеждался на собственном опыте, что он был мастером белого и красного, прежде чем он удостоил меня доверием и дал мне небольшой кусочек камня, и я не стал на него давить, полагаясь на его любезность, которую я вскоре получил, как я уже сказал, в виде белого лекарства, а также части его ртути.

Он сказал мне, что эта ртуть — бесценное сокровище, если Бог откроет мне глаза на ее использование, иначе я буду блуждать вслепую. С помощью этого растворителя, который является тайным секретом всех мастеров, он чрезвычайно умножил свой красный камень. Я видел, как он положил кусок красного камня, взвешенный по весу, в ту же ртуть, которая затем переварила, растворила его и изменила его цвет, и за три дня он прошел через процесс черного, белого и красного.

Я думал, что если красный и белый можно умножить, то один линейный прогресс приведет к любому из них, и на этом ложном основании я уничтожил десять частей из двенадцати моего лекарства. Эта потеря мне не хватила, потому что я смешал оставшиеся две части с десятикратным весом Луны и снова приступил к работе, надеясь исправить свою первую ошибку. Затем я начал размышлять над максимумами старых книг, обдумывал соответствие

моей работы законам природы и в конце концов пришел к выводу, что каждое явление должно быть расположено в соответствии с его состоянием.

Когда я обнаружил, что мои тщетные попытки только привели к потере настойки, я остановился, решив сохранить несколько оставшихся зерен для какой-нибудь неотложной необходимости, и для их сохранения я смешал их с десятью частями Луны.

Я попробовал часть упомянутой выше ртути на золоте, желая увидеть, как работа продвигается и приводится к Луне, если не к Солнцу. Затем я нанес ее на ртуть. После сплавления с серебром она окрасила пятьдесят частей, и я попытался впитать ее, но тщетно, потому что дал ей остыть. Я глупо полагал, что получу масло путем выпитывания. Однако природа продолжила работу, превратив его в черноту, цвета и белизну, что, однако, было далеко от того, что я ожидал.

«В этих опытах я также потратил почти всю свою ртуть, но мне было утешением то, что я был свидетелем трансмутаций и тех необыкновенных процессов, которые я видел собственными глазами, и благословил Бога за то, что я это видел.

Через некоторое время я встретил своего хорошего друга и рассказал ему обо всех своих неудачах, надеясь, что он снабдит меня, как и раньше, но он, считая, что мои неудачи сделали меня мудрее, не стал доверять мне больше, чтобы я не сорвал плоды с дерева Геспериды, как я хотел, на вред себе и другим людям. Он сказал мне: «Друг мой, если Бог избрал тебя для этого искусства, Он в свое время дарует тебе знание о нем; но если в Своей мудрости Он сочтет тебя неподходящим или решит, что ты причинишь вред с помощью, проклят тот человек, который вооружит сумасшедшего для вреда его ближним. Пока ты был невежественен, я дал тебе великий дар, чтобы, если Небеса так распорядились, этот дар уничтожил сам себя. Я вижу, что в настоящее время тебе не следует им наслаждаться; я не могу дать тебе то, что провидение отказывает тебе, иначе я буду виновен в твоём проступке».

«Признаюсь, этот урок божественности мне не понравился; я так много надеялся от него, что его ответ был разочарованием. Он далее сказал, что Бог даровал мне знание, но на данный момент удерживает его плоды.

Тогда я дал ему понять, как я открыл для себя силу воды, «с помощью которой со временем я смогу получить то, что вы мне отказываете, и я решил попробовать».

«Если так, то, — ответил он, — прислушайтесь к моим словам, и вы будете благодарны Богу за это. Знайте, что мы строго связаны крепкими обетами никогда не снабжать нашим искусством никого, кто мог бы погубить мир, если бы он владел им по своему усмотрению; и все зло, которое он причиняет (), ложится на сознание того адепта, который так неосторожен. Подумайте, какую награду вы получили и от *камня*, и от *ртути*. Разве кто-нибудь не скажет, что тот, кто отбросил бы все это без пользы, должен быть сумасшедшим?

«Если бы вы руководствовались разумом, у вас было бы достаточно того, что я вам дал. Ваш метод заключался в том, чтобы добавить к самому чистому *золоту* всего лишь зерно *камня*; при плавлении оно соединилось бы с ним, и тогда вы могли бы приступить к работе со своей *ртутью*, которая быстро смешалась бы с этим золотом и значительно сократила бы работу, которую вы могли бы легко довести до *красного цвета*; и, видя, как я соединил новое *золото* с *такой серой* и *ртутью*, вы видели вес, время и тепло, чего еще вы могли желать? И видя, что вы знаете искусство приготовления *огненной ртути*, вы могли бы иметь столько же запасов, как и любой другой.

«Но ты не понимаешь, что Бог не благоволит к тебе и заставил тебя растратить сокровище, которое я дал тебе. Возможно, Он видит, что ты нарушишь Его святые законы и поступишь неправильно; и хотя Он даровал тебе столько знаний, я ясно вижу, что Он не даст тебе несколько лет наслаждаться тем, чем ты, без сомнения, злоупотребишь. Знайте, что если вы будете искать это искусство без брожения, вы должны остерегаться частых ошибок; вы будете ошибаться и сбиваться с правильного пути, несмотря на всю вашу осторожность, и, возможно, в течение своей жизни не достигнете этого сокровища, которое является единственным даром Бога. Если вы будете следовать самым прямым курсом, то вам понадобится год, чтобы достичь совершенства; но если вы пойдете по неверному пути, то часто будете отставать, иногда на целый год, и должны будете возобновлять свои усилия и старания, раскаяваясь в своих потерях и ошибках, в большом смятении, заботах и опасностях, с затратами, которые вы едва ли сможете себе позволить. Поэтому прислушайтесь к моему совету, и я открою вам секрет на определенных условиях. Поклянитесь перед всемогущим Богом, что вы в течение определенного времени воздержитесь от попыток или практик; и что в это время, даже если вы будете на грани смерти, вы не раскроете некоторые моменты, которые я открою вам в тайне».

«Я поклялся, и он открыл мне свой разум и доказал, что не обманывает, показав мне те озарения, о которых я честно расскажу, насколько позволяет моя клятва».

Евсевий Филалетс славится беспрецедентной ясностью изложения, и его «*Introitus Apertus*», в частности, является сокращением или изложением всего «*turba philosophorum*». Те, кто ищет физическую тайну, должны начать с тщательного изучения его работ; отсюда они должны перейти к рассмотрению авторов, которых он сам рекомендует, после чего лучшие герметические писатели, начиная со времен Гебера и далее, должны быть взяты в хронологическом порядке (), тщательно проанализированы, а их различия и сходства должным образом отмечены.

Физическая природа алхимических арканов, хранимых истинным Филалетом, лучше всего видна в рассказах и комментариях его ученика Джорджа Старки. Тайна, окружающая адепта, стимулирует несбалансированное воображение и раздувает до титанических размеров проекты, которые он лелеял, и чудеса, которые он, как предполагается, совершил. *Introitus Apertus*, среди множества мистических и чрезвычайно романтических интерпретаций, является трактатом по практической алхимии и более подробно разрабатывает принципы, очевидно физические, которые излагаются в метрических эссе, сохраненных и обнародованных Старки.

СНОСКИ:

[АН] Он был опубликован в Амстердаме в 1667 году и, как предполагается, не содержал многочисленных типографских ошибок более поздних изданий.

ПЬЕР ЖАН ФАБР.

Этот врач из Монпелье, которому химия обязана некоторыми шагами в своем прогрессе, процветал в начале XVII века (). Он верил в трансмутацию металлов, но не считается адептом, хотя написал семнадцать трактатов на эту тему и о спагирической медицине. Его самая любопытная работа — «*Alchimista Christianus*». Тулуза, 1632, 8vo. В «*Hercules*

Piochymicus», опубликованной в том же месте двумя годами позже, он утверждает, что подвиги Геракла являются аллегориями, содержащими тайны герметической философии.

Он определяет философский камень как семя, из которого рождаются золото и серебро. Он тройной и в то же время един; его можно найти во всех сложных веществах, и он состоит из соли, ртути и серы, которые, однако, не следует путать с обычными веществами, так называемыми.

ХЕЛВЕТИУС.

Следующее необычайно впечатляющее и даже убедительное свидетельство предполагаемого факта металлической трансмутации было опубликовано выдающимся голландским врачом Иоанном Фридрихом Гельвецием в Гааге в 1667 году и было посвящено его друзьям, доктору Ретиусу из Амстердама, доктору Гансиусу из Гейдельберга и доктору Менцелину из Бранденбурга.

«27 декабря 1666 года, во второй половине дня, в мой дом в Гааге пришел незнакомец в простой деревенской одежде. Он вел себя честно, серьезно и авторитетно; был невысокого роста, с длинным лицом и черными волосами, с гладким подбородком. Он выглядел как уроженец северной Шотландии, и я предположил, что ему около сорока четырех лет. Поздоровавшись со мной, он очень уважительно попросил простить его за назойливое вторжение, но его любовь к пиротехническому искусству заставила его навестить меня. Прочитав некоторые из моих небольших трактатов, в частности тот, который был направлен против симпатического порошка сэра Кенелма Дигби, и заметив в них мое сомнение () в герметической тайне, он решил попросить о встрече. Он спросил меня, считаю ли я по-прежнему, что в природе нет лекарства, которое могло бы вылечить все болезни, если только не погибнут основные органы, такие как легкие, печень и т. д., или не наступил час смерти. На что я ответил, что никогда не встречал адепта и не видел такого лекарства, хотя много читал об этом и часто желал его. Затем я спросил, является ли он врачом. Он ответил, что является литейщиком, но с юности изучал многие редкие вещи в химии, в частности, от своего друга — способ извлечения из металлов многих лекарственных секретов с помощью огня. После разговора об экспериментах с металлами он спросил меня, узнал бы я философский камень, если бы увидел его. Я ответил, что нет; хотя я много читал об этом у Парацельса, Хельмонта, Василия и других, я не смею сказать, что смог бы узнать философский камень. Тем временем он достал из нагрудного кармана аккуратную слоновую коробку и вынул из нее три тяжелых куска камня, каждый размером с небольшой грецкий орех. Они были прозрачными и имели бледно-серый цвет, к которому прилипли некоторые чешуйки тигля, когда это благороднейшее вещество было расплавлено. Я подсчитал, что его стоимость составляла двадцать тонн золота. Когда я почти четверть часа жадно рассматривал и рассматривал камень и услышал от его владельца много редких секретов о его удивительных свойствах в отношении человеческого и металлического тел, а также о других его чудесных свойствах, я вернул ему это сокровище сокровищ, действительно с самым печальным настроением, как те, кто побеждает себя, но, как и положено, с большой благодарностью и смирением. Я также захотел узнать, почему цвет был желтым, а не красным, рубиновым или пурпурным, как пишут философы. Он ответил, что это не имеет значения, поскольку вещество было достаточно зрелым и созревшим. Тогда я смиренно попросил его подарить мне маленький кусочек лекарства на вечную память о нем, пусть даже размером с кориандр или конопляное семя (). Он сразу ответил: «О нет, это незаконно, даже если бы ты дал мне столько дукатов из золота, что они заполнили бы эту комнату, не из-за стоимости металла, а из-за некоторых

особых последствий. Нет, если бы было возможно, — сказал он, — чтобы огонь сжег огонь, я бы в этот момент скорее бросил всю эту субстанцию в самое сильное пламя». Затем он спросил, есть ли у меня более уединенная комната, так как эта была видна с улицы. Я сразу же провел его в самую хорошо обставленную комнату в задней части дома, не сомневаясь, что он подарит мне часть своего богатства или какое-нибудь великое сокровище. Он вошел, не вытерев обувь, хотя она была полна снега и грязи. Он попросил у меня небольшой кусок золота, снял плащ, расстегнул жилет, под которым у него было пять кусков золота. Они висели на зеленой шелковой ленте и были размером с тарелку для завтрака. Это золото настолько превосходило мое, что не было никакого сравнения по гибкости и цвету. Он разрешил мне переписать выгравированные на них надписи; это были благочестивые благодарности Богу, датированные 20 августа 1666 года, с символами Солнца, Меркурия, Луны и знаками Льва и Весов.

Я был в большом восхищении и хотел узнать, где и как он их добыл. Он ответил: «Иностранец, который несколько дней жил в моем доме, сказал, что он любитель этой науки, и пришел, чтобы раскрыть ее мне. Он научил меня различным искусствам — во-первых, из обычных камней и кристаллов делать рубины, хризолиты, сапфиры и т. д., гораздо более ценные, чем те, что добывают в шахтах; а также как за четверть часа сделать оксид железа, одна доза которого безошибочно излечит чумную дизентерию или кровавый понос; а также как изготовить металлический ликер, который наверняка излечит все виды водянки за четыре дня; а также прозрачную, чистую воду, слаще меда, которая за два часа сама по себе, в горячем песке, извлечет настойку гранатов, кораллов, стекла, и тому подобного». Он говорил еще многое, но я, Гельвеций, не обращал на это внимания, поскольку мой ум был занят пониманием того, как из минералов можно извлечь благородный сок для превращения металлов. Он рассказал мне, что его учитель велел ему принести стакан дождевой воды и положить в него серебряную фольгу, которая растворилась в ней за четверть часа, как лед при нагревании. «Затем он выпил половину, а я выпил вторую половину, которая на вкус была не хуже сладкого молока, но от которой, как мне показалось, у меня закружилась голова. Я спросил, является ли это философским напитком и зачем мы его пьем, но он ответил, что я не должен быть таким любопытным». По указанию упомянутого мастера, он расплавил кусок свинцовой трубы, достал из кармана немного сернистого порошка, положил его на кончик ножа в расплавленный свинец и, сильно дунув в мехи, через короткое время вылил его на красные камни кухонной трубы. Оно оказалось превосходным чистым золотом, что, по словам незнакомца, привело его в такое трепетное изумление, что он едва мог говорить; но его учитель ободрил его, сказав: «Отрежь себе шестнадцатую часть этого в качестве памятного сувенира, а остальное раздай бедным», что незнакомец и сделал, раздав эту милостыню, как он утверждал, если моя память меня не подводит, в церкви Спарэнда. «Наконец, — сказал он, — щедрый иностранец тщательно научил меня этому божественному искусству».

Как только он закончил свой рассказ, я попросил своего гостя показать мне эффект трансмутации и таким образом подтвердить мою веру, но он отказался на этот раз так тактично, что я остался доволен, пообещав прийти снова через три недели, чтобы показать мне некоторые любопытные искусства в огне, при условии, что к тому времени это будет законно и не будет запрещено. Через три недели он пришел и пригласил меня на час или два прогуляться. Во время прогулки мы беседовали о тайнах природы, но он был очень сдержан в отношении великого эликсира, торжественно утверждая, что он нужен только для того, чтобы возвеличить славную славу и милосердие самого славного Бога; что немногие люди стремятся служить Ему, и он высказывал это как пастор или священник церкви; но я вернул его внимание, умоляя показать мне металлическую тайну, а также желая, чтобы он поел,

выпил и переночевал в моем доме, на чем я настаивал, но он был настолько тверд в своем решении, что все мои попытки были тщетны. Я не мог удержаться от того, чтобы сказать ему, что у меня есть лаборатория, готовая для эксперимента, и что обещанная услуга является своего рода долгом. «Да, верно», — сказал он, — «но я обещал научить тебя по возвращении, с оговоркой, что это не будет запрещено».

Когда я понял, что все это было напрасно, я искренне попросил у него небольшую крошку его порошка, достаточную для превращения нескольких зерен свинца в золото; и наконец, из своего философского сострадания, он дал мне столько, сколько семя репы, сказав: «Прими эту маленькую порцию величайшего сокровища мира, которое действительно немногие короли или принцы когда-либо видели или знали». «Но, — сказал я, — этого, пожалуй, не хватит, чтобы превратить четыре зерна свинца», на что он велел мне вернуть ему порошок, что я и сделал в надежде получить больше. Но он отрезал половину ногтем, бросил ее в огонь, а остальное аккуратно завернул в голубую бумагу и сказал: «Тебе этого достаточно». Я ответил ему, действительно с очень удрученным выражением лица: «Сэр, что это значит? Другое было слишком мало, а теперь вы даете мне еще меньше». Он сказал мне положить в тигель полунции свинца, потому что нельзя класть больше свинца, чем может преобразовать лекарство. Я поблагодарил его за мое уменьшенное сокровище, действительно сконцентрированное в высшей степени, и бережно положил его в свою маленькую шкатулку, сказав, что собираюсь попробовать его на следующий день и никому не расскажу об этом. «Нет, нет, — сказал он, — мы должны раскрывать детям искусства все, что может способствовать только славе Божьей, чтобы они могли жить в теософской истине». Теперь я признался ему, что, пока большая часть его лекарства была в моих руках, я попытался соскоблить его немного ногтем и не смог удержаться; но соскоблил так мало, что, когда я снял его с ногтя, завернул в бумагу и бросил на расплавленный свинец, я не обнаружил никакой трансмутации, а почти вся масса свинца сублимировалась, а остаток превратился в стекловидную землю. Услышав этот неожиданный отчет, он сразу же сказал: «Вы более искусен в совершении краж, чем в применении лекарства, потому что, если бы вы только завернули украденную добычу в желтый воск, чтобы защитить ее от паров свинца, она опустилась бы на дно и превратилась в золото; но, бросив ее в пары, сила пара, отчасти благодаря своему сочувственному союзу, полностью унесла лекарство». Я принес ему тигель, и он заметил, что по бокам прилипла красивая шафрановая настойка. Он пообещал прийти на следующее утро в девять часов, чтобы показать мне, как эта настойка превращает свинец в золото. Простившись с ним, я с нетерпением ждал его возвращения, но на следующий день он не пришел и с тех пор больше не появлялся. В половине десятого утра он прислал извинение и пообещал прийти в три часа дня, но с тех пор я больше о нем не слышал. Я скоро начал сомневаться во всем этом деле. Поздно ночью моя жена, которая была очень любознательной ученицей и исследовательницей этого искусства, пришла ко мне с просьбой провести эксперимент с тем маленьким зернышком камня, чтобы убедиться в его истинности. «Если этого не сделать, — сказала она, — я не смогу уснуть и не буду иметь покоя всю ночь». Она была так настойчива, что я приказал разжечь огонь, говоря себе: «Боюсь, боюсь, что этот человек обманул меня». Моя жена завернула упомянутое вещество в воск, а я отрезал полунции свинца и положил его в тигель в огне. Когда свинец расплавился, моя жена добавила лекарство, сформированное из воска в виде маленькой таблетки размером с , которая сразу же зашипела, и через четверть часа масса свинца полностью превратилась в лучшее и самое чистое золото, что поразило нас до глубины души. Мы не могли налюбоваться этим чудесным и удивительным творением природы, потому что расплавленный свинец после выталкивания показал на огне самые редкие и красивые цвета, которые только можно вообразить, оседая зеленым цветом, а когда его вылили в слиток, он имел живой свежий цвет крови. Когда он остыл, он сиял как самое чистое и великолепное

золото. Поистине, все, кто стоял вокруг меня, были чрезвычайно удивлены, и я побежал с этим позолоченным свинцом, еще горячим, к ювелиру, который удивился его чистоте и после короткой проверки сказал, что это самое прекрасное золото в мире.

На следующий день слух об этом чуде разнесся по Гааге и распространился за ее пределы, так что многие знаменитые и ученые люди нанесли мне дружеские визиты ради этого. Среди прочих был генеральный пробирщик, эксперт по монетам этой провинции Голландии, господин Порелиус, который вместе с другими настойчиво просил меня подвергнуть часть золота всем их обычным испытаниям, что я и сделал, чтобы удовлетворить свое любопытство. Мы пошли к г-ну Бректелю, серебрянику, который сначала смешал четыре части серебра с одной частью золота, затем отшлифовал его, добавил к нему *аквафорта*, растворил серебро и дал золоту осесть на дно; раствор был слит, а золотая кальция промыта водой, затем восстановлена и расплавлена, и оказалось, что это отличное золото, и вместо потери веса мы обнаружили, что вес золота увеличился, и оно превратило скрупул серебра в золото благодаря своей обильной настойке.

«Сомневаясь, достаточно ли теперь серебро отделено от золота, мы смешали его с семью частями сурьмы, которую расплавили и вылили в конус, а затем сдули регулар на пробе, где обнаружили, что из наших восьми гранов золота пропало восемь гранов; но после того, как мы сдули красный цвет сурьмы, или лишнюю *шлаку*, мы обнаружили девять зерен золота за наши восемь пропавших зерен, однако оно было бледным и похожим на серебро, но впоследствии восстановило свой полный цвет, так что в лучшем испытании огнем мы не потеряли ничего из этого золота, а, как уже упоминалось, приобрели. Я повторил эти испытания четыре раза и обнаружил, что результат остался прежним, а серебро, оставшееся после *аквафорта*, было самым лучшим гибким серебром, какое только может быть, так что в целом упомянутое лекарство или эликсир преобразовало шесть драм и два скрупула свинца и серебра в самое чистое золото».

ДЖУЗЕППЕ ФРАНЧЕСКО БОРРИ.

«Похищение локона» и изящный роман «Ундина» познакомили всех с учением об элементарных духах; но главным философским, или псевдофилософским, описанием этих невидимых, но не внеземных интеллектов стала маленькая книжка графа Габалиса, представляющая собой серию бесед о тайных науках. Обычно неизвестно, что эта работа является не более чем неавторским переводом «Ключа к кабинету шеваляе Борри, в котором можно найти различные письма — любопытные, научные и химические — с политическими инструкциями, вопросами, заслуживающими внимания любознательных, и множеством великолепных секретов». [AI] Борри, который, по-видимому, был микрокосмическим предшественником Калиостро, родился в Милане в 1627 году. Некоторые действия сомнительного характера заставили его в молодости искать убежища в церкви, но впоследствии, как и Джозеф Бальзамо, он претерпел полную трансформацию, объявив, что он был вдохновлен Небесами, что он был избран всемогущим Богом для осуществления реформы человечества и установления *Regnum Dei*. Отныне должна была существовать только одна религия, во главе которой стоял бы Папа, и огромная армия под командованием Борри для истребления всех антикатоликов. Он продемонстрировал чудодейственный меч, который ему подарил святой Михаил, объявил, что он видел в эмпирее светящуюся пальмовую ветвь, предназначенную для его собственного небесного триумфа, объявил, что Пресвятая Дева была божественной по своей природе, что она зачала по вдохновению, что она равна своему Сыну и присутствует в Евхаристии вместе с ним, что Святой Дух воплотился

в ней, что второе и третье лица Троицы ниже Божественного Отца, что падение Люцифера повлекло за собой падение огромного числа ангелов, которые теперь обитают в воздушных сферах, что именно благодаря вмешательству этих мятежных духов Бог сотворил мир и дал жизнь всем животным, но что люди обладают Божественной душой, которую Бог сотворил вопреки себе. Наконец, с противоречием, более французским, чем итальянским, он объявил, что он сам является воплощением Святого Духа.

Само собой разумеется, что это новое Евангелие, основанное на мистическом самозванстве, привело его к конфликту с иерархической властью. Он был арестован и 3 января 1661 года осужден как еретик и виновный в различных преступлениях. Ему удалось сбежать, он бежал на север и, обещая философский камень, обманул Кристину, королеву Швеции, и выманил у нее большую сумму денег. Он путешествовал по разным частям Германии, делая многочисленные предполагаемые проекции, посетил Нидерланды и в 1665 году поступил на службу к королю Дании в качестве профессионального алхимика. Он объявил, что является хозяином демона, который отвечал на его магические заклинания и диктовал действия, необходимые для успешной трансмутации металлов. Имя этого призрака было Гомункул, что, по Парацельсу, означает крошечное человеческое существо, созданное неестественным путем без помощи женского организма из спермы мужчины или мальчика.

Монарх, решивший монополизировать таланты своего адепта, постановил перенести лабораторию Борри в свой дворец. Алхимик, заботясь о своей свободе, возразил, что сила его беса будет уничтожена при первой же попытке отделить его от огромной железной печи, которая была сернистым жилищем Гомункула; но его королевский покровитель был человеком находчивым, и печь также была перевезена. Прошло пять лет, и Фридрих III умер, его преемник решил более тщательно исследовать секреты трансмутации Борри, который, услышав слухи, бежал, но был арестован на границе Венгрии и заключен в тюрьму в Вене, где его потребовал папский нунций как беглеца, осужденного за ересь. Его отправили в Рим и заключили в замок Святого Ангела. Там ему было позволено продолжить свои алхимические эксперименты, которые он безрезультатно проводил до своей смерти в 1695 году.

«Ключ к кабинету шевалье Борри» так и не был переведен; адаптация аббата де Виллара, конечно, известна во всей Европе. Что касается химических секретов, содержащихся в оригинальных письмах, то можно с уверенностью заключить, что их немного и они не имеют большого значения.

СНОСКИ:

[AI] La Chiave del Gabinetto del Cavagliere G. F. Borri, col favor della quella si vedono varie lettere scientifiche, chimice, e curiosissime, con varie istruzioni politiche, ed altre cose degne da curiosita e molti segreti bellissimi. Кельн (Женева), 1681, 12mo.

ДЖОН ХЕЙДОН.

Этот шарлатан, роялист и мистик не имеет права быть включенным в число алхимических философов и упоминается здесь только в целях предостережения студентов о том, что все, что касается алхимии во всех его так называемых работах, было нагло украдено у Филалетеса. Он с одинаковой наглостью занимался массовым пиратством в отношении своих современников и древних авторов. Рассказ о его путешествии в страну розенкрейцеров является искаженной версией «Атлантиды» Бэкона; его апологи, эпилоги,

загадки и т. д. также являются украденными вещами; короче говоря, все, что имеет ценность в его книгах, является материалом, заимствованным из различных источников оккультизма и без разбора сгруппированным вместе. Все, что исходит от его собственного слабого интеллекта, совершенно презренно; он был грубо суеверен и жалко легковерным, как можно видеть по его медицинским рецептам. Он утверждал, что хорошо знаком с самыми тайными мистериями розенкрейцеров, и притворялся, что посещал храмы, святые дома, замки и невидимые горы Братства. Из всех алхимических лжецов и мистических шарлатанов, процветавших в Англии с первых дней англо-оккультизма, Джон Хейдон является главным.

ЛАСКАРИС.

Немецкие писатели в основном занимались трансмутациями этого необычного персонажа, который так успешно окутал себя тайной, что его имя, возраст, место рождения и все, что касается его личной жизни, совершенно неизвестны.

Он называл себя Ласкарис, но также использовал и другие имена. Он утверждал, что имеет восточное происхождение, и, поскольку свободно говорил по-гречески, его принимали за потомка королевского дома Ласкарис. Он представлялся архимандритом монастыря на острове Митилини и имел при себе письма от греческого патриарха Константинополя. Его миссия на Западе заключалась в сборе пожертвований для выкупа христианских пленников на Востоке (). Впервые он появился в Германии в начале XVIII века, как человек, которому было, по-видимому, около сорока или пятидесяти лет, с привлекательной внешностью, приятными манерами и беглой речью. Заболевая в Берлине, он послал за одним аптекарем, который по какой-то причине не смог прийти, и несколько раз его заменял ученик, который приходил к постели незнакомца. Ласкарис завязал разговор с этим молодым человеком, и между ними зародилась своего рода дружба. Ученик аптекаря изучал Базиля Валентина и пытался проводить эксперименты по принципам этого адепта. Ласкарис выздоровел, и в момент отъезда из Берлина он отвел молодого человека в сторону и подарил ему некоторое количество порошка для трансмутации, приказав ему молчать о том, откуда он его получил, и запретив ему использовать его до тех пор, пока он не уедет, заверив его, что когда берлинские неверующие увидят его удивительные эффекты, никто не сможет обвинить алхимиков в сумасшествии.

Этот молодой человек звали Иоганн Фридрих Бёттихер. Опьяненный обладанием таким неожиданным сокровищем, он решил полностью посвятить себя алхимии. Его учитель, аптекарь, тщетно пытался отговорить его от занятий, которые он считал химерическими, поскольку Бёттихер поразил и его, и его друзей, превратив в их присутствии серебро в золото.

Эксперимент был повторен с ртутью для друга Бёттичера, слух распространился, и ученик аптекаря стал знаменитостью Берлина, тем более что он распространил слух, что он сам может приготовить философскую тинктуру.

Он был вызван к королю Фридриху Вильгельму I, который хотел увидеть его выступления, но он сбежал к своему дяде в Виттенберг. Власти этого города требовали его выдачи как подданного Пруссии (), но теперь он был ценной добычей, и курфюрст Саксонии выступил с встречным требованием о его выдаче, и Бёттихер решил остаться с ним. Его тепло приняли, и после того, как его трансмутации были продемонстрированы, ему был присвоен титул барона. Он поселился в Дрездене, живя в великолепии и расточительстве, пока не израсходовал всю свою пудру, после чего его расточительность привела его к долгам. Его

слуги, которым он не мог заплатить, распространили слух, что он намеревается бежать, и слепой курфюрст, отказываясь видеть в этой внезапной потере средств доказательство того, что Бёттихер не смог создать или увеличить философский камень, окружил его дом стражей и фактически удерживал его как пленника.

В этот момент Ласкарис, который все еще бродил по Германии, сжалился над несчастьями своего молодого неофита и попытался выручить его из затруднительного положения с помощью молодого доктора по имени Паш, который был личным другом возведенного в дворянское сословие аптекарского подмастерья. Их маневры привели к заключению Паша в крепости Зоннайнштайн, а Бёттихера строго изолировали в другом замке в Кёнигштайне.

Прошло два с половиной года. В конце этого времени Паш удалось сбежать, заплатив за это своими конечностями, и через несколько месяцев он умер, горько жалуясь на вероломство адепта Ласкариса, который полностью бросил его в беде.

Бёттихер оставался в заключении, имея все возможности для изготовления философского камня, однако ему это не удалось; но благодаря своему аптекарскому образованию и тюремным экспериментам он стал специалистом в нескольких областях химии. Он открыл процесс производства красного фарфора, а затем — белого, по качеству значительно превосходящего вещества, уже известные под этим названием. Эти изобретения оказались столь же ценными для тиранического курфюрста, как и выполнение *великого дела*. Бёттихер восстановил свою репутацию и вновь обрел баронский титул, но, обретая свободу, он предался безмерной роскошной жизни и умер в 1719 году в возрасте тридцати семи лет.

Бёттихер был далеко не единственным аптекарским подмастерьем, который обогатился порошком Ласкариса и был отправлен проповедовать евангелие алхимии с помощью практических демонстраций. Годвин, Герман, Браун и Мартин из Фитцлара упоминаются среди этих полупосвященных тружеников, которые блистали до тех пор, пока их запасы не иссякли, а затем исчезли один за другим.

Тем временем сам Ласкарис не бездействовал. Считается, что 16 февраля 1609 года он превратил ртуть в золото, а золото в серебро, что является двойной трансмутацией, которую знатоки алхимии считают доказательством беспрецедентного мастерства. Либкнек, советник Вертербурга, был свидетелем этой трансмутации.

В том же году ювелир из Лейпцига получил визит таинственного незнакомца, которого все единодушно отождествляют с Ласкарисом, и который показал ему слиток, который, по его словам, был изготовлен искусственно и который при анализе оказался золотом двадцати двух карат. Ювелир очистил его с помощью сурьмы, и часть слитка была подарена ему неизвестным в качестве памятного сувенира о предполагаемой трансмутации.

Вскоре после этого подполковник польской армии по имени Шмольц де Дирбах, унаследовавший от отца веру в алхимическую науку, беседовал на эту тему в кафе, когда к нему подошел незнакомец и подарил ему порошок для проекции. Он был красного цвета, и микроскопическое исследование показало его кристаллическую природу. Он увеличивал вес металлов, которые он должен был трансмутировать, до такой степени, что химические авторитеты объявили это физически невозможным. Получатель щедро использовал его, раздавая своим друзьям и знакомым золото, полученное в результате проекции. Неизвестный даритель в воображении немецких историков отождествляется с таинственным Ласкарисом, который, как предполагается, таким же анонимным и необъяснимым образом обогатил барона де Крю с помощью коробки драгоценного порошка и удовлетворил любительские герметические амбиции ландграфа Гессен-Дармштадта с помощью обычной

почты. Одним словом, каждый анонимный адепт, появившийся в этот период в Германии или около нее, считается Ласкарисом.

Последним из его должников или жертв был сын неаполитанского каменщика Доменико Мануэль, который утверждает, что в 1695 году был таинственным образом посвящен в искусство трансмутации. Ему было предоставлено небольшое количество белой и красной настоек. Поскольку этого было недостаточно, чтобы действительно разбогатеть, он решил торговать чудесами, которые они производили, и получил большие суммы от богатых любителей за привилегию созерцать завершение великого дела. Он путешествовал по Испании, Бельгии и Австрии, получая большие суммы под предлогом приготовления тинктуры не только от частных лиц, но и от императора Леопольда и пфальцского курфюрста. В разных местах он принимал разные имена. То он был графом Гаэтано, то графом де Руджеро; в другие времена он называл себя фельдмаршалом герцога Баварского, комендантом Мюнхена, прусским генерал-майором и другими титулами. В 1705 году он появился в Берлине, где на короткое время обманул самого короля, после чего, не сумев выполнить свои обещания по превращению металлов в золото (), был осужден за измену и повешен. Это произошло 29 августа 1709 года.

ДЕЛИЛЬ.

Этот художник, чье имя не упоминается его биографами, включен Фигье в число посланников или учеников Ласкариса, и много информации о нем можно найти в «*Histoire de la Philosophie Hermétique*» его современника Лангле-дю-Френуа. Он был простолюдином низкого происхождения из Прованса и познакомился с алхимическими экспериментами, поступив на службу к джентльмену, который, как полагали, владел камнем. Предполагается, что этот джентльмен получил награду от Ласкариса. Однако его деятельность вызвала подозрения, и он был вынужден покинуть Францию. Он уехал в Швейцарию в сопровождении Делиля, который, как говорят, убил его в горах и таким образом завладел значительным количеством порошка для трансмутации. Как бы то ни было, слуга вернулся во Францию в переодетом виде и около 1708 года привлек всеобщее внимание, превратив свинец и железо в серебро и золото. Он путешествовал по Лангедоку, Дофине и Провансу. В Систероне он связался с женой некоего Алниса, которая в конечном итоге разделила с ним его судьбу на протяжении трех лет. Его слава усилилась благодаря кажущейся простоте его операций. Он посыпал порошок и маслом железо, бросал его в огонь и вынимал оттуда слиток золота. Он раздавал частично преобразованные гвозди, ножи и кольца и особенно преуспел в своих экспериментах с обычной сталью.

Серизи, приор Нью-Кастеля, был нанят епископом Сенеза для сбора доказательств истинности этих чудес. Один пожилой джентльмен предложил Делилю убежище в своем замке Ла-Палюд (), где алхимик, окруженный поклонниками, ежедневно принимал любопытных посетителей. В «Истории герметической философии» Ленгле есть письмо епископа Сенеза государственному министру и генеральному контролеру казначейства в Париже, в котором прелат, сначала скептически настроенный, признает свою неспособность противостоять доказательствам реального преобразования, произведенного на его глазах и в присутствии нескольких бдительных свидетелей, которые приняли все меры предосторожности против обмана. Есть также отчет М. де Сен-Мориса, президента монетного двора в Лионе, который свидетельствует о следующих фактах. В мае 1710 года он в сопровождении Делиля прибыл на территорию замка Сен-Обан, где обнаружил корзину, закопанную в земле. В середине этой корзины находилась железная проволока, на конце

которой он заметил кусок льняной ткани, в который был завернут какой-то предмет. Он взял эту посылку, отнес ее в столовую замка и по указанию Делиля выложил ее содержимое — черноватую землю весом около полуфунта — под лучи солнца. Через четверть часа земля была перегонена в реторте переносной печи, и когда в приемнике появилась желтая жидкость, Делиль порекомендовал удалить приемник, прежде чем в него попадет вязкое масло, которое начало подниматься. Две капли этой желтой жидкости, капнутые на раскаленную ртуть, при плавлении дали три унции золота, которые были представлены мастеру монетного двора. Затем три унции пуль для пистолетов были расплавлены и очищены квасцами и селитрой. Делиль вручил Сен-Морису небольшой листок бумаги, попросив его бросить в него щепотку порошка и две капли масла, использованного в первом эксперименте. После этого вещество было покрыто селитрой, в течение пятнадцати минут находилось в состоянии плавления, а затем вылило на кусок железной брони, который вновь появился в виде чистого золота, прошедшего все испытания. Превращение в серебро было произведено таким же образом с помощью белого порошка, и сертификат, подтверждающий эти события, был официально подписан 14 декабря 1760 года.

Часть золота, изготовленного таким образом Делилем, была подвергнута очистке в Париже, где из него были отчеканены три медали; одна из них была помещена в кабинет короля. На ней была надпись *Aurum Arte Factum*.

Несмотря на все свои алхимические навыки, Делиль не умел ни читать, ни писать, а по характеру был неуправляемым, грубым и фанатичным. Его пригласили ко двору, но он притворился, что климат, в котором он жил, был необходим для успеха его экспериментов, поскольку его препараты были растительного происхождения. Епископ Сенеца, подозревая его в нежелании, а не в неспособности, получил *lettre de cachet* после двух лет непрерывных уловок со стороны алхимика, который был арестован и отправлен в Париж. Во время путешествия его охранники, пытаясь вымогать у него предполагаемые богатства, тяжело ранили его в голову, и в таком состоянии, по прибытии в Бастилию, его заставили начать алхимические операции, но через короткое время он упорно отказался продолжать, в приступе отчаяния постоянно срывал повязки с раны, и в следующем году после заключения он отравился.

Его внебрачный сын, Алнис, каким-то образом унаследовал часть порошка от своей матери. Он странствовал по Италии и Германии, выполняя трансмутации. Однажды он продемонстрировал проекцию перед герцогом Ришильо, тогдашним французским послом в Вене, который заверил аббата Лангле, что он не только видел, как выполнялась операция, но и сам выполнил ее дважды на золоте и сорок раз на серебре.

Алнис собрал значительную коллекцию золотых монет, древних и современных, во время путешествия по Австрии и Богемии. По возвращении в Экс он представился президенту Прованса, который попросил его прийти на следующий день. Алнис, подозревая, что его собираются арестовать, в это время бежал. Позже он был заключен в тюрьму в Марселе, откуда ему удалось сбежать в Брюссель. Именно здесь, в 1731 году, он дал философскую ртуть М. Перселю, брату Лангле де Френуа, который не смог полностью переработать эту ртуть, но все же сумел превратить унцию серебра в золото. Смерть некоего М. Грефьера вскоре после нескольких операций с коррозионным сублиматом, с помощью которых Алнис предлагал обучить его алхимии, заставила его уехать, и о нем больше ничего не было слышно.

ДЖОН GERMAN ОБЕРЕЙТ.

Этот писатель, столько же мистик, сколько и алхимик, родился в Арбоне в Швейцарии в 1725 году и умер в 1798 году. Он унаследовал от отца вкус к трансцендентальной химии и мнение, что металлы могут быть доведены до полного совершенства, но что главным инструментом является благодать Божья, действующая в душе алхимика. Он неустанно трудился над физическими процессами, надеясь тем самым восстановить утраченное состояние своей семьи, но его лаборатория была закрыта властями как представляющая угрозу общественной безопасности. Ему удалось доказать безвредность своей деятельности, и он был принят в дом брата физиогномиста Лаватера. Он сообщает нам, что отпраздновал мистический брак с серафической и озаренной пастушкой по имени Теантис, церемония которого состоялась в замке на самой вершине окруженной облаками горы. Его невеста после тридцати шести дней трансцендентального союза, который не был ни платоническим, ни эпикурейским, но имел совершенно неопишуемый характер, покинула эту жизнь, и осиротевший муж всю ночь после ее смерти оплакивал ее в мистической песне. *La Connexion Originnaire des Esprits et des Corps, d'après les principes de Newton*, Augsbourg, 1776, и *Les Promenades de Gamaliel, juif Philosophe* были завещаны Оберейтом неблагодарному потомству.

ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ТЮРЕМНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДЖОЗЕФА БАЛСАМО.

Из беспристрастного обзора его истории и феноменальных подвигов следует, что печально известный граф Калиостро был одним из тех персонажей, которые нередко встречаются в пестрых анналах оккультизма. Подобно современным «медиумам», которые оскорбляют доверие своих верующих, подмешивая в сверхъестественный хлеб, ужасная патентованность которого является их прерогативой и наследственным правом, несправедливый маммона материального фокусничества, и подобно тем фокусникам, которые, как полагают, иногда еще больше сбивают с толку свою аудиторию дополнительными договорами с «призраками», этот первосвященник трансцендентальной хитрости, по-видимому, обладал, возможно, бессознательно, определенной долей оккультных даров, которые немало помогали ему в его беспрецедентных мошенничествах. Он, несомненно, обладал мистическими знаниями, выходящими за рамки его эпохи, и хотя они были еще поверхностными, у него был талант извлекать из них максимальную пользу.

Джозеф Бальзамо, несмотря на все утверждения об обратном, высказанные им [самим \[AJ\]](#) или его поклонниками, был сыном Петра Бальзамо и Фелиции Браччоньери, обоих из скромного происхождения. Он родился в Палермо, на Сицилии, 8 июня 1743 года. Его родители достоверно описываются как честные торговцы и хорошие католики, которые заботились о воспитании своих детей и беспокоились об их духовном благополучии. Их магазин привлекал много покупателей в густонаселенном районе, который разделял красивую *улицу Rue del Cæsaro*. Когда его дети были еще маленькими, Пьетро Бальзамо умер, и, оставленный под недостаточным присмотром овдовевшей матери, Джозеф уже в раннем возрасте проявил эгоистичный и ленивый характер, в значительной степени пренебрегая скудными возможностями образования, которые ему предоставлялись. По другим сведениям, его взял под свою опеку дядя по материнской линии, который старался научить его принципам религии и дать ему образование, соответствующее его возрасту и перспективам; но даже с младенчества он проявлял постоянную неприязнь к

добродетельной жизни. Его дядя был достойным буржуа Палермо, который, видя живость и проницательность своего племянника, предвидел, что тот может легко достичь успехов в литературе и науках (). [AK] Он хотел, чтобы племянник посвятил себя церковной карьере, которая в те времена была королевской дорогой к славе. Соответственно, в возрасте тринадцати лет он был отправлен в семинарию Св. Роха в Палермо, где он доказал свою независимость и неприятие дисциплины, постоянно сбегая из нее. Пойманный в компании бродяг, он был передан, с не очень благоприятной характеристикой, некоему генеральному отцу Бон Фрателли, который проезжал через Палермо. Генеральный отец взял его под свою опеку и сразу же отвез в бенедиктинский монастырь на окраине Картагироне. Там были высокие стены, и запертый голубь находился под присмотром неумолимого *frère tourier*. Он вынужден был принять обеты послушника, и генерал, обнаружив его склонность к естествознанию и, в особенности, к траволечению, отдал его на обучение монашескому аптекарю, от которого, как он позже признался, он узнал первые принципы химии и медицины. Фигье утверждает, что вскоре он научился обращаться с лекарствами с удивительной прозорливостью, но даже тогда было замечено, что он, казалось, стремился раскрыть те секреты, которые способствовали бы интересам шарлатанства. [AL] В строгом соответствии со своей природной извращенностью, он не преминул продемонстрировать различные проявления своей врожденной порочности и навлек на себя постоянные наказания со стороны своих начальников. Однажды невольный новичок, чьи нарушения в некоторой степени были оправданы в силу наложенных на него ограничений, но который часто переходил все границы, был поставлен читать во время ужина в трапезной определенную часть чрезвычайно поучительного мартиролога, и, поддавшись, как с благочестивым возмущением пишет один автор, « », вдохновению Белиала, он заменил священный текст богохульной версией, подсказанной его собственным развращенным воображением, извратив смысл и события, и дошел в своей дерзости до того, что заменил имена святых именами самых известных куртизанок того времени. Надменному преступнику было назначено суровое наказание, но однажды ночью он нашел способ ускользнуть от бдительности своих охранников, сбежал из монастыря, пересек всю страну и после нескольких дней веселого бродяжничества и скитаний прибыл в Палермо. Некоторые знания в области химии и медицины были практически всем, что он вынес из дисциплины монастырской жизни. Его дядя начал отчаиваться, но советы и увещания были напрасны для молодого отступника, который насмехался над ними и, посвящая часть своего времени развитию природного таланта к рисованию, в остальном предавался безудержным излишествам. Он общался с негодями и бездельниками; его пьянство, азартные игры и всеобщее развратное поведение приводили его к постоянным дракам; он часто попадал в руки полиции, которой, как говорят, он с особым удовольствием сопротивлялся, часто силой освобождая арестованных ими заключенных. Его также обвиняли в подделке билетов в театры и их продаже с характерной для него наглостью. Один из его дядей на время уговорил его вернуться в свой дом, но в награду получил кражу значительной суммы денег и некоторых ценных вещей. Он стал посредником в любовных отношениях своей двоюродной сестры с одним из своих друзей. Он передавал между ними *любовные записки* и сделал всю сделку лично выгодной для себя, вымогая деньги у своего друга, убеждая его, что его прекрасная кузина любит подарки, включая как деньги, так и драгоценности, и, конечно же, присваивая средства, которые были ему доверены. Вскоре ему были предъявлены обвинения в более тяжких преступлениях. В Палермо жил некий развратный маркиз Мауриги, который жаждал получить наследство, завещанное благочестивому учреждению, и, зная Бальзамо, он доверил ему свои планы, и вскоре был найден подходящий способ. У Джозефа был родственник, который был нотариусом, и, часто бывая в его офисе, он нашел способ подделать завещание, имеющее все признаки подлинности, в пользу маркиза, который

реализовал свои права на наследство и, без сомнения, щедро вознаградил своего сообщника за его умение и труды. Подделка была обнаружена много лет спустя, но оба виновника были уже далеко. Ходят слухи, что Бальзамо был причастен к убийству богатого каноника, но это весьма сомнительно. Его много раз арестовывали по различным обвинениям, но он ускользал от правосудия либо из-за отсутствия прямых доказательств против него, либо благодаря авторитету его родственников и усилиям уважаемых жителей Палермо, которые интересовались его семьей. Трудно поверить, что в этот период Бальзамо было всего четырнадцать лет. Обладая природным художественным талантом, он вскоре начал давать уроки рисования и, по-видимому, много раз был на пути к исправлению. Его мастерство в обращении с оружием также признавалось, но, осознавая свое превосходство, он часто устраивал драки на улицах, которые заканчивались дуэлями; его импульсивность даже побуждала его принимать вызов за своих товарищей, и он презирал опасность.

Самым известным из его юношеских подвигов, который стал причиной его пожизненных странствий, было приключение с спрятанным сокровищем, о котором ходят разные легенды.

В Палермо жил алчный ювелир по имени Марано. Он был слабым, суеверным человеком — верующим в магию, как пишет М. Луи Фигье (), — и его очень привлекала таинственность, которая, по словам Фигье, даже в тот период окружала жизнь и приключения Бальзамо, который уже выдавал себя за посвященного в оккультные науки. Иосифу было теперь семнадцать лет, он был красивым и высокомерным, мало говорил, но завораживал своих слушателей магнетическим очарованием своего взгляда. Его видели вызывающим духов; верили, что он общается с ангелами и с их помощью получает доступ к самым интересным тайнам. Он действительно радикально изменился; из обычного мошенника он превращался в трансцендентного самозванца. Марано внимательно слушал рассказы о нем и горел желанием увидеть «друга небесных духов». Первая встреча состоялась в жилище Бальзамо; ювелир пал перед ним на колени, и Бальзамо, приняв его поклонение, снисходительно поднял его с земли и торжественным тоном спросил, зачем он пришел к нему.

«Благодаря вашему ежедневному общению с духами, вы легко узнаете, — ответил Марано, — и вам не составит труда помочь мне вернуть деньги, которые я потратил на ложных алхимиков, или даже добыть мне еще больше».

«Я могу оказать вам эту услугу, если вы поверите», — сказал Бальзамо с невозмутимым спокойствием.

«Если я поверю!» — воскликнул ювелир. «Я верю, конечно».

Была назначена встреча на следующий день на лугу за городом, и беседа закончилась без лишних слов.

Эта версия истории более романтична, чем правдоподобна, и мы обязаны ею живому воображению француза, которое никогда не бывает столь ярким, как когда оно занято извращением или приукрашиванием истории (). Согласно более трезвому «*Aventures de Cagliostro*», Марано уже некоторое время был знаком с молодым шарлатаном, который однажды нашел его в его собственном доме и сказал ему: «Вы знаете о моих связях с небесными духами; вы знаете о безграничной силе заклинаний, которым я посвятил себя. Слушай! В оливковой роще, недалеко от Палермо, по моим достоверным сведениям, зарыт клад, и с помощью ритуального заклинания я могу обнаружить точное место, куда следует вонзить лопату искателя. Однако для этой операции требуются некоторые дорогостоящие предварительные мероприятия; абсолютно необходимо шестьдесят унций золота. Ты можешь предоставить их в мое распоряжение?»

Марано возмущился нелепой чрезмерностью требования, утверждая, что травы и лекарства, используемые в алхимических экспериментах, стоят весьма умеренно.

«Хорошо, — холодно ответил Бальзамо. — Дело скоро будет решено; я буду наслаждаться огромным сокровищем в одиночестве. Благословение, когда им делятся, — это лишь половина благословения для тех, кто в нем участвует».

Однако на следующий день Марано, мучимый всю ночь золотой лихорадкой, отправился на поиски чародея.

«Я собрал требуемую вами сумму, — сказал он. — Но я прошу вас немного поторговаться с духами и постараться сбить цену».

«Вы считаете их гнусными спекулянтами?» — воскликнул волшебник, возмущенный. «Дьявол не еврей, хотя он долго жил в Иудее. Он великолепный сеньор, щедро живущий в любой стране мира. Относитесь к нему с уважением, и он оплатит вам сторицей. Я найду шестьдесят унций золота в другом месте и могу обойтись без вашей помощи».

«Они здесь», — сказал Марано, быстро вытащив из кармана кожаный мешок, и вскоре все было решено.

При свете луны они отправились в оливковую рощу, где Бальзамо тайно подготовился к предстоящему заклинанию. Предварительные заклинания были достаточно длительными, и Марано задыхался от ужаса под влиянием магических чар, пока ему не показалось, что сама земля дрожит под его ногами и из-под земли выходят призраки. Марано упал ниц на лицо, что, по-видимому, было предвидено, и тут же несчастный ювелир был безжалостно избит палками адскими духами, которые в конце концов оставили его умирать и улетели в сопровождении чародея, укрепившись шестьдесят унциями золота. На следующий день ювелир, к счастью, был обнаружен мулками, его отвезли домой в унынии, и он немедленно донес на Бальзамо в полицию. Новость об этом приключении разлетелась повсюду, но волшебник уже отплыл в Мессину.

Таковы факты этого дела, но лживая хроника Луи Фигье, алхимического критика и всеобщего производителя легкой научной литературы, предлагает нам гораздо более витиеватую и привлекательную версию. Там адепт и его несчастная жертва прибывают в назначенное место в шесть часов утра, Бальзамо в достойном молчании дает знак ювелиру следовать за ним и в течение целого часа с задумчивым видом идет по дороге к часовне Святой Розалии. Наконец они остановились посреди дикого луга, перед гротом, перед которым Бальзамо протянул руку и торжественно объявил, что в нем закопано сокровище, к которому ему самому запрещено прикасаться, которое охраняют черти из ада, которые, однако, могут быть на короткое время связаны ангелами, обычно отзывающимися на его могущественный магический зов.

«Остается только убедиться, — заметил он в заключение, — выполните ли вы скрупулезно условия, которые должны быть вам навязаны. За эту цену сокровище может стать вашим».

Доверчивый ювелир порывисто попросил его назвать их.

«Их нельзя узнать из моих уст», — высокомерно ответил Бальзамо. «Прежде всего, на колени!»

Сам он уже принял позу поклонения. Марано поспешил последовать его примеру, и тут же ясный, гармоничный голос с небесной высоты произнес следующие слова — слова, по словам француза, более приятные для ушей алчного скряги, чем все симфонии небесных хоров.

«Шестьдесят унций жемчуга, шестьдесят унций рубинов, шестьдесят унций бриллиантов в сундуке из инкрустированного золота весом сто двадцать унций. Адские гении, охраняющие это сокровище, передадут его в руки достойного человека, которого привел наш друг, если ему пятьдесят лет, если он не христианин — если — если — если...» И последовала серия условий, которые Марано в полной мере соответствовал своей скупой натуре, вплоть до последнего, которое было сформулировано так: «И если он оставит у входа в грот, прежде чем войти в него, шестьдесят унций золота, чтобы умиловать стражей».

«Вы слышали», — сказал Бальзамо, который, уже встав на ноги, начал возвращаться назад, совершенно игнорируя полное ошеломление своего спутника.

«Шестьдесят унций золота!» — воскликнул скряга с мрачным стоном, разрываемый внутренней борьбой между алчностью и жадностью; но Бальзамо не обратил внимания ни на восклицание, ни на стон и молча вернулся в город.

Когда они уже собирались расстаться, Марано, казалось, принял решение.

«Подождите минутку!» — воскликнул он жалобным голосом. «Шестьдесят унций золота? Это непреложное условие?»

«Несомненно», — небрежно ответил Бальзамо.

— Увы! Увы! А в котором часу завтра?

— В шесть часов утра и, заметьте, в том же месте.

«Я буду там».

Это были прощальные слова ювелира и, так сказать, последний вздох его побежденной алчности. На следующий день, точно в назначенное время, они встретились, как и прежде: Бальзамо с его обычным хладнокровием, Марано со своим золотом. В назначенный час они прибыли в грот, где ангелы, как и накануне, дали те же ответы. Бальзамо сделал вид, что не знает, что будет происходить. С огромным трудом Марано оставил свое золото и приготовился переступить порог. Он сделал один шаг вперед, затем отступил назад, спросил, нет ли опасности проникнуть в глубину пещеры, получил заверение в безопасности, если золото было точно взвешено, вошел с большей уверенностью и снова вернулся, и эти маневры повторялись несколько раз под взглядом адепта, чье выражение лица указывало на полную незаинтересованность. Наконец Марано набрался мужества и прошел так далеко, что возвращение стало невозможным, потому что из тени выскочили три черных мускулистых черта и преградили ему путь, издавая самые устрашающие рычания. Они схватили его, заставили долго кружиться, а затем, пока несчастный тщетно взывал о помощи Бальзамо, стали энергично избивать его палками, пока он не упал без сил на землю, и тогда чистый голос приказал ему оставаться абсолютно тихим и неподвижным, ибо он будет немедленно убит, если пошевелит рукой или ногой. Несчастный человек не осмелился послушаться, но после долгого обморока полная тишина ободрила его, и он поднял голову; он

как мог дополз до входа в страшную пещеру, огляделся и обнаружил, что адепт, демоны и золото исчезли.

Когда Бальзамо прибыл в Мессину, он получил очень приличную сумму на покрытие расходов во время своего пребывания там, поскольку львиная доля добычи, полученной от ювелира, конечно же, досталась ему самому. Он поселился в одной из главных гостиниц недалеко от порта и готовился к новым приключениям, когда вдруг вспомнил, что у него в городе живет старая и богатая тетя, которую он и решил навестить, но обнаружил, что она недавно умерла, оставив большую часть своего состояния различным церквям Мессины, а остальное раздав бедным. Несомненно, послушный племянник отдал дань уважения памяти этой ультрахристианской родственницы, и, желая унаследовать хотя бы что-нибудь от человека, столь выдающегося в святости, он решил взять ее фамилию, соединив ее с дворянским титулом, и с тех пор обычно называл себя графом Алессандро Калиостро. Его проницательный и расчетливый ум, как говорит один из его биографов, понимал престиж, который придавал титул в период, когда привилегии по рождению еще оказывали почти неоспоримое влияние.

Именно в городе Мессина Бальзамо впервые встретил загадочного алхимика Альтатоса, которого в своей невероятной автобиографии он представил как восточного наставника своего детства. Однажды, прогуливаясь возле пристани на краю порта, он встретил человека в странной одежде и с весьма примечательным лицом. Этот человек, которому, по-видимому, было около пятидесяти лет, казался армянином, хотя, согласно другим источникам, он был испанцем или греком. Он был одет в кафтан, шелковую шапку, а концы его брюк были скрыты в широких сапогах. В левой руке он держал зонтик, а в правой — конец веревки, к которой был привязан изящный албанский борзая.

То ли из любопытства, то ли из предчувствия, Калиостро поздоровался с этим гротескным существом, которое слегка поклонилось, но с удовлетворенным достоинством.

«Вы не живете в Мессине, синьор?» — спросил он на сицилийском диалекте, но с заметным иностранным акцентом.

Кальостро ответил, что задерживается на несколько дней, и они начали беседовать о красоте города и его выгодном положении, причем восточные образы придавали индивидуальность красноречию незнакомца, чьи замечания, к тому же, были искусно украшены несколькими уместными комплиментами. Он уклонился от вопросов о своей личности, но предложил раскрыть прошлое графа Калиостро и рассказать о том, что на самом деле происходило в его голове в тот момент. Когда Калиостро намекнул на колдовство, армянин улыбнулся несколько презрительно и разглагольствовал о невежестве народа, который путал науку с колдовством и готовил костры для первооткрывателей.

Его слушатель, очень заинтересованный, осмелился спросить адрес прославленного незнакомца, который любезно пригласил его зайти. Они прошли мимо собора и остановились на небольшой четырехугольной улице, затененной платанами, с очаровательным фонтаном в центре.

«Синьор, — сказал незнакомец, — вот дом, в котором я живу. Я никого не принимаю, но поскольку вы путешественник, поскольку вы молод и вежлив, а кроме того, поскольку вас одухотворяет благородная страсть к наукам, я разрешаю вам навестить меня. Я буду готов принять вас завтра, немного перед полуночью. Вы два раза постучите молотком» — говоря

это, он указал на дверь невысокого дома, — «затем три раза более медленно, и вас впустят. Прощайте! Поспешите в свою гостиницу. Пьемонтзец пытается завладеть тридцатью семью унциями золота, которые находятся в вашем чемодане, а тот, в свою очередь, заперт в шкафу, ключ от которого в данный момент находится в вашем кармане. Ваш слуга, синьор!» — и он быстро удалился.

Калиостро, вернувшись в спешке, застал вора с поличным и, как законный и праведно возмущенный владелец, немедленно предал его правосудию.

На следующий день, в назначенное время, он постучал в дверь маленького домика, в котором жил армянин. Дверь открылась на пятый удар без видимой помощи и закрылась, как только посетитель вошел. Калиостро осторожно продвигался по узкому проходу, освещенному маленькой железной лампой в нише стены. В конце прохода распахнулась просторная дверь, ведущая в гостиную на первом этаже, освещенную четырехрожковым канделябром со свечами из воска, которая на самом деле была лабораторией, оборудованной всем необходимым для практикующих алхимиков. Армянин, выйдя из соседнего кабинета, поприветствовал посетителя, поинтересовался сохранностью золота, узнал о правдивости его ясновидения и о заслуженной судьбе злодея, но прервал выраженное Калиостро удивление и восхищение, заявив, что искусство предсказания является просто результатом научных комбинаций и тщательных наблюдений. В конце он спросил своего собеседника, отрицает ли тот непогрешимую достоверность судебной астрологии, но самопровозглашенный граф не отрицал ничего, кроме превосходства добродетели над личной выгодой, на что армянин поинтересовался, кому он обязан своим образованием.

«Я хотел сказать, что это заслуга заботы моих дядей и аптекаря в монастыре Бон Фрателли», — сказал Калиостро (), — «но зачем? Вы, несомненно, знаете».

«Я знаю, — ответил странный человек, — что вы обучили себя сами; что аптекарь, как и ваши дяди, лишь открыл вам дверь к знаниям. Каковы ваши планы?»

«Я намерен разбогатеть».

«То есть, — сказал другой, возвышенно, — вы хотите стать выше тупой толпы — похвальное намерение, сын мой! Вы собираетесь путешествовать?»

«Конечно, насколько хватит моих тридцати семи унций золота».

«Ты очень молод», — сказал армянин. «Как изготавливают хлеб?»

«Из муки».

«А вино?»

— Из винограда.

«А золото?»

«Я пришел спросить у вас».

«Мы решим эту проблему позже. Послушай меня, молодой человек. Я предлагаю отправиться в Большой Каир, в Египет. Ты поедешь со мной?»

«От всего сердца!» — воскликнул Калиостро, обрадовавшись, и они сели в большие дубовые кресла, каждое по одному концу стола, на котором стоял канделябр.

«Египет, — сказал армянин, — является родиной всех человеческих наук. Только астрономия имела своей родиной Халдею; там пастухи впервые изучили движение звезд. Египет воспользовался астро-халдейскими знаниями и вскоре превзошел методы и расширил открытия пастухов. Со времени правления фараона Манеса и его преемников Бусириса, Осимандия, Ухореаса и Моэриса египетские знания продвинулись гигантскими шагами. Иосиф, толкователь снов, заложил основу хиромантии (); жрецы Осириса и Исиды изобрели зодиак; космогонии Фре и Гора открыли сельское хозяйство и другие физические науки; жрицы Ансаки раскрыли секреты любовных зелий; жрецы Сераписа учили медицине. Я мог бы продолжить это величественное перечисление, но с какой целью? Вы верно последуете за мной в Египет? Я надеюсь отплыть завтра, и по пути мы зайдем на Мальту, возможно, также в Кандию, и через восемь дней достигнем порта Фаре.

«Решено!» — воскликнул обрадованный Калиостро. «У меня есть тридцать семь унций золота на путешествие».

— А у меня нет ни одной кроны.

«Черт возьми!» — воскликнул Калиостро.

«Какая разница? Зачем нужно золото, когда знаешь, как его делать? Зачем нужны алмазы, когда можно добывать их из углерода, более красивые, чем из шахт Голконды? Да ладно тебе! Ты слишком простодушен».

«Поэтому, с вашего позволения, я намерен стать вашим учеником».

Армянин протянул руку, и их отъезд был назначен на завтра.

Этот Альтатос, или Альтхотес, как уверяет нас Фигье, не был вымышленным персонажем. Римская инквизиция собрала много доказательств его существования, однако не смогла установить, где оно началось и где закончилось, поскольку этот загадочный человек исчез, как метеор. Согласно итальянской биографии Джозефа Бальзамо, Альтатос владел несколькими арабскими рукописями и обладал большим мастерством в химии. По словам Фигье, он был также магом и врачом, хотя другие представляют его презирающим и отвергающим злоупотребляемое имя врача. Что касается его гадательных способностей, он уже дал явное доказательство их масштабов своему ученику, но он показал ему, что знаком со всеми его палермскими предками.

Они сели на борт генуэзского судна, проплыли вдоль архипелага и высадились в Александрии, где пробыли сорок дней, проводя несколько химических опытов, благодаря которым, как говорят, они заработали значительную сумму денег, но было ли это результатом трансмутации или обмана, по-видимому, неясно. Уважение Калиостро к своему учителю не помешало ему, с истинной сицилийской хитростью, расспросить его о его собственных предках, пока Альтатос, устав прибегать к одним и тем же уловкам уклонения, не заявил ему раз и навсегда, что он сам совершенно ничего не знает о своем рождении и происхождении.

«Это может вас удивить, — сказал он, — но наука, которая может просветить нас о других, почти всегда бессильна просветить нас о нас самих».

Он заявил, что он гораздо старше, чем кажется, но что он владеет некоторыми секретами сохранения силы и здоровья. Он открыл научные методы производства золота и драгоценных камней, свободно говорил на десяти или двенадцати языках и был знаком почти со всем кругом человеческих наук. «Ничто меня не удивляет, — сказал он, — ничто не

огорчает, кроме зла, которое я бессилен предотвратить, и я верю, что доживу до конца своей долгой жизни в мире».

Он признался, что имя Альттос он выбрал сам, но оно действительно было его. Свои ранние годы он провел на побережье Барбарии, недалеко от Туниса, где принадлежал мусульманскому каперу, богатому и гуманному человеку, который купил его у пиратов, похитивших его из семьи. В двенадцать лет он говорил по-арабски как родной, читал Коран своему хозяину, который был истинным верующим, изучал ботанику под его руководством и научился лучшим методам приготовления щербета и кофе «». Его ждала почетная должность в доме своего хозяина, но судьба распорядилась так, что когда Альтатосу исполнилось шестнадцать лет, достойный мусульманин ушел из жизни. В своем завещании он даровал молодому рабу свободу и завещал ему сумму, эквивалентную шести тысячам *ливров*, с которой Альтатос покинул Тунис, чтобы предаться своей страсти к путешествиям.

Кальостро утверждал, что он последовал за своим учителем в Африку и в самое сердце Египта, что он посетил пирамиды, познакомился со священниками разных храмов и проник в тайны их загадочных святилищ. Более того, он заявляет, что за три года посетил все главные королевства Африки и Азии. Эти утверждения имеют ту же ценность, что и романтическая история о его образовании во дворце муфтия в Медине. Совершенно сомнительно, посещал ли он когда-либо Аравию, которая в любом случае была крайней границей его странствий, а впоследствии он был обнаружен на Родосе все еще в обществе Альтатоса и вместе с этим загадочным существом продолжал свои сомнительные химические эксперименты.

На Мальте у них были рекомендательные письма к великому магистру Пинто, и они задержались там на некоторое время, чтобы поработать в его лаборатории, поскольку «верховный вождь мальтийского рыцарства» был увлечен алхимическими экспериментами и, в духе того экстравагантного периода, имел сильную склонность к чудесному. История неудачи или успеха странствующих адептов остается в лаборатории Великого Магистра; но с этого момента Альтутас, химик и алхимик — Альтутас, феноменальный, мудрый человек, ученый — полностью исчезает. «Мальта была его могилой или, возможно, местом его апофеоза». «Там, — пишет граф в своих мемуарах, — я испытал горечь потери своего лучшего друга, самого мудрого, самого просветленного из смертных, достопочтенного Альттоса (). Незадолго до смерти он сжал мои руки. «Сын мой, — сказал он слабым голосом, — всегда помни о страхе перед Вечным и любви к ближнему. Скоро ты поймешь правду всего, чему я тебя научил».

С полным уважением со стороны Великого Магистра и в сопровождении шевалье д'Акино из знаменитого рода Карамания, который сам был рыцарем Мальты, Калиостро отправился в Неаполь, где некоторое время жил на деньги, подаренные ему Пинто, и, возможно, на ссуды от своего, вероятно, богатого спутника, который, однако, в конце концов покинул его, чтобы отправиться во Францию. В Неаполе Калиостро встретил сицилийского принца, который был заражен преобладающей золотой лихорадкой и был настолько очарован громкими теориями Калиостро, что пригласил его в свой замок в окрестностях Палермо, где они могли бы совместно продолжать свои операции. Это было неосмотрительно, но ученик великого Альтатоса не смог устоять перед желанием вновь посетить свою родную землю. Он пробыл некоторое время со своим спутником, но однажды, отправившись в Мессину, встретил старого знакомого, некоего развратного священника, своего союзника в деле Марано, который, по сути, был одним из тех черных демонов, чьи крепкие дубинки мучили несчастного ювелира. Авантюрист предупредил Калиостро, чтобы тот не входил в Палермо, где правосудие было сильно возмущено его юношескими проступками. Он убедил его присоединиться к нему, вернуться в Неаполь и открыть там игорный дом для выгоды, или,

скорее, для обдирания богатых иностранцев, посещавших Италию. Этот способ зарабатывания денег очень понравился его слушателю, который вскоре расстался с сицилийским принцем, но они вызывали такое подозрение у неаполитанского правительства, что уехали в Папскую область. Однако спутник Калиостро () принял постриг, и он боялся за свою безопасность на освященной земле, которая была оплотом Святой Инквизиции, поэтому он поспешил уехать в менее ортодоксальные места и больше не фигурирует в пестрой истории своего брата по обману.

Кальостро остался и, как говорят, принимал на себя несколько разных образов, в том числе иногда и священнический. По некоторым сведениям, он прославился своей крайней набожностью, посещая все церкви, выполняя религиозные обязанности и часто бывая во дворцах кардиналов. С помощью нескольких рекомендательных писем, которые он привез с собой из Неаполя, он получил доступ к нескольким выдающимся лицам, в том числе к сенешалю де Бретейю, в то время послу Мальты в Риме, который, услышав о его прежней связи с Великим Магистром, принял его с большой теплотой и обеспечил ему другие почетные связи. Один знаменитый обманутый человек привлек других, и вскоре мы видим его обосновавшимся в Святом городе, продающим чудесные рецепты и лекарства от всех болезней, поражающих падшее человечество в Риме и во вселенной. Кроны и дукаты сыпались на него; он жил в некотором роде и роскоши, воздерживаясь, однако, от скандальных удовольствий.

Итальянская биография, которая отражает мнения, воплощает исследования и отстаивает дело Инквизиции, рисует, однако, картину, отличную от картин Сен-Феликса и Луи Фигье. «В этот период он занимался, — говорит этот сомнительный, потому что бесспорно предвзятый авторитет, — рисованием на бумаге, контуры которых создавались с помощью гравюры на медной пластине, а затем заполнялись тушью. Он продавал их как рисунки, выполненные исключительно пером. Поселившись в гостинице «Под знаком солнца» () по соседству с Ротондой, он поссорился с одним из официантов и был заключен в тюрьму на три дня».

Какова бы ни была ценность этих утверждений, нет никаких сомнений в отношении самого важного события его римской карьеры. Именно в этом месте и в этот период он впервые увидел молодую и красивую Лоренцу Феличани, и, влюбившись в нее через два дня, он попросил ее руки у ее отца, который, очарованный его происхождением, аристократическим именем и богатой внешностью, дал согласие вместе с дочерью. Свадьба состоялась, не без *помпы*, как утверждает одна часть свидетелей, и пара поселилась в доме тестя. Итальянская биография, преуменьшая до предела успехи Калиостро, утверждает, что он получил в качестве приданого незначительное состояние, соразмерное их положению.

По свидетельству всех биографов, инквизиционных или иных, Лоренца была не только молода и красива, но и «богата всеми качествами сердца, будучи нежной, преданной, честной и скромной»; но ее муж замыслил дьявольский план по улучшению своего положения за счет ее чести и в частных беседах использовал любую возможность, чтобы подрывать ее представления о добродетели. Первый урок, который молодая невеста получила от мужа, по ее собственному признанию, был призван научить ее способам привлекать и удовлетворять страсти противоположного пола. Самые развратные кокетство и самые сладострастные уловки были принципами, которыми он пытался ее вдохновить. Мать Лоренцы, возмущенная его поведением, так часто ссорилась с зятем, что он решил уехать из ее дома, и в других кварталах ему было проще развратить ум и нравы своей жены. Затем, по словам итальянского автора, он представил ее двум лицам, хорошо подходящим для проявления ее талантов, поручив ей опутать обоих своими чарами. С одним из них ей не удалось, но над другим она одержала полную победу. Калиостро сам проводил ее в дом,

предназначенный для удовольствия любовника, оставил ее наедине с ним и удалился в другую комнату.

Беседа и предложения, сделанные ей, полностью соответствовали желаниям мужа, но жена в этом случае не проявила должного супружеского послушания и, доверительно рассказав обо всем мужу, получила самые горькие упреки и самые жестокие и страшные угрозы. Он также неоднократно уверял ее, что прелюбодеяние не является преступлением, когда оно совершается женщиной для продвижения своих интересов, а не из-за привязанности к другим мужчинам. Он даже подкрепил свои наставления примером, показав, как мало он сам уважает узы супружеской верности — то есть, по-видимому, он продавал себя распутным женщинам преклонного возраста и в этих случаях пробуждал свои дремлющие страсти, выпивая определенное египетское вино, состоящее из ароматических веществ, обладающих необходимыми качествами для достижения его цели. Его жена, наконец прислушавшись к его наставлениям, несколько раз была отведена в место, где она ранее так непослушно поступала по его приказу. Иногда, по словам того же свидетеля, она получала в награду за свое снисхождение либо одежду, либо безделушки, а иногда и немного денег. Однажды ее муж написал письмо от имени своей жены, в котором просил одолжить несколько крон; деньги были немедленно отправлены. Взамен за них была обещана встреча на следующий день, и дама верно явилась на свидание.

Такова версия этого позорного дела, представленная врагами Калиостро, но все биографы сходятся во мнении, что он развратил нравы своей жены (). На самом деле, вопрос только в том, имела ли место эта сделка в той гнусной форме, как ее описывает итальянский писатель. Другие авторитетные источники сообщают нам, что его успех соблазнил «красивую римлянку Лоренцу Феличани разделить с ним его растущее состояние. Беспринципная, остроумная и очаровательная, Лоренца была прекрасной партнершей для Калиостро, который быстро сделал ее адептом всех своих мнимых тайн». Какими бы ни были ее природные достоинства или недостатки, весьма маловероятно, что она продала свои необыкновенные прелести за такие ничтожные и жалкие выгоды.

Дом, который занял Калиостро, стал пристанищем мошенников, двое из которых, Оттавио Ничестро, который в конце концов был повешен, и так называемый маркиз д'Агриата, оба сицилийцы, стали близкими соратниками своего хозяина. С последним он часто замыкался на несколько часов. Их занятия неизвестны, но, поскольку богатство Калиостро росло необычайно быстрыми темпами, а маркиз был непревзойденным мастером подделки документов, предполагается, что им удалось подделать множество векселей; и, в любом случае, , что патентные грамоты, дававшие великому шарлатану право носить форму прусского полковника, что он впоследствии и сделал с явной выгодой для себя, были произведением этого искусного злодея. Но между тремя союзниками возникла ссора; Никастро предал своих сообщников, маркиз бежал из Рима, а Калиостро и несчастная Лоренца последовали его примеру.

Наши три беглеца отправились в Венецию, добрались до Бергамо и там совершили несколько неспецифических мошенничеств, пока их личности не были обнаружены правительством. Маркиз снова сумел сбежать, остальные после короткого заключения были изгнаны из города и, лишившись всех средств к существованию, отправились в паломничество в Галицию, надеясь пересечь Испанию, пользуясь милосердием духовенства и монашеских общин. Они путешествовали по территориям короля Сардинии, через Геную и так прибыли в Антиб. С этого момента жизнь графа Калиостро на несколько лет превратилась в непрерывное скитание. Согласно итальянскому биографу, поскольку нищенство оказалось невыгодным, Лоренца была снова вынуждена мужем пополнять их ресурсы, продавая свои

чары. Таким образом, они прибыли в Барселону, где пробыли шесть месяцев, и Лоренца с явным нежеланием продолжала заниматься проституцией, что в основном обеспечивало их существование.

Из Барселоны они отправились в Мадрид, где некоторые испанские аристократы также проявили интерес к очарованию Лоренцы. Из Мадрида они отправились в Лиссабон, а оттуда отплыли в Англию, где, как говорят, Калиостро занялся профессией обычного шарлатана, попал в тюрьму, был выкуплен своей женой, в лице которой он продолжал торговать, обменивая ее прелести на каждого богатого человека, желавшего стать покупателем; но частота ее проституции, вероятно, была сильно преувеличена.

Английская биография графа Калиостро, посвященная в 1787 году мадам графине и написанная в интересах шарлатана, дает необычное описание его несчастий в Лондоне, показывая, что когда он прибыл туда, он владел серебром, драгоценностями и наличными деньгами на сумму три тысячи фунтов, что он снял квартиру на Уиткомб-стрит, где посвящал большую часть своего времени любимым занятиям химией и физикой, и что все его страдания следует полностью приписать чрезмерной щедрости и благотворительности его самого и его супруги.

В 1772 году Калиостро и его жена перебрались во Францию в сопровождении некоего М. Дюплезира, который поселился у них в Париже и, по-видимому, был близок с Лоренцой. Но Калиостро был ненасытен, говорит Св. Феликс. Он продал свою честь за высокую цену, и состояние Дюплезира растаяло в тигле чужих глупостей и расточительности. В конце концов, встревоженный, жертва распрощался со своими алчными гостями, не без того, чтобы строго предупредить Лоренцу вернуться к своим родителям, поскольку он научился ценить ее природные хорошие качества. По одним сведениям, она попыталась последовать этому совету, но другие говорят, что она искала убежища от непрекращающейся проституции у самого Дюплезира. В любом случае, Калиостро прибег к авторитету короля и, получив ордер на ее арест, она была заключена в тюрьму Сент-Пелажи и пробыла там несколько месяцев, в течение которых Калиостро предался жизни, полной разврата. Продажа некоего средства для улучшения цвета лица, по-видимому, принесла ему в этот период значительный доход.

Заключение Лоренцы не помешало ей примириться с мужем сразу после освобождения, которое произошло 21 декабря 1772 года. В этот день Калиостро, под ложным предлогом получив от *костюмеров* несколько роскошных платьев, появился на балу танцевального мастера в необычайно ярком костюме.

Именно с этого периода следует датировать успех нашего авантюриста как алхимика. Здесь он нашел способ познакомиться с двумя выдающимися личностями, которые довели свою любовь к химии до смешного предела. Он притворился, что открыл некоторые чудесные секреты этой трансцендентной науки, публично провозгласил себя хранителем герметической тайны и выдавал себя за сверхъестественное существо, обладающее великим арканом философского камня и славным эликсиром жизни. Это была также эпоха месмеризма, и Калиостро решил воспользоваться этой новой наукой. Согласно итальянской биографии, через некоторое время его два обманутых покровителя заподозрили его в неправдивости, и, опасаясь ареста, он получил паспорт на вымышленное имя, в спешке бежал в Брюссель, пересек Германию и Италию и вновь прибыл в свой родной город Палермо. [AM]

В Палермо он был быстро арестован неумолимым Марано, но защита одного дворянина, от которого он получил влиятельную рекомендацию, когда был в Неаполе, обеспечила его быстрое освобождение, и он вместе с женой отплыл на Мальту, где, согласно итальянскому биографу, он якобы зарабатывал на жизнь продажей своей помады для улучшения цвета лица, но его более надежным источником дохода, по-видимому, была его жена. Однако месье Сен-Феликс утверждает, и в целом это наиболее вероятно, что они были приняты с особым почтением Великим Магистром. В любом случае, они вскоре уехали в Неаполь, где Калиостро в течение трех месяцев публично преподавал химию и каббалу. В Неаполе к ним присоединился младший брат Феличани, юноша по имени Паоло, который отличался необыкновенной красотой. Калиостро, видя, что он может оказаться полезным, убедил его разделить их судьбу. Они отправились с большой свитой в Марсель, а оттуда проследовали в Барселону. Звезда великого авантюриста теперь была в полном расцвете, и с этого момента он, по-видимому, всегда путешествовал с большим размахом. Однако на полуострове он не встретил ни одного значительного жертвы, пока не достиг его крайней точки, где он обманул фанатичного алхимика на сто тысяч крон под предлогом колоссального достижения *великого дела*. После этого выдающегося успеха он немедленно отправился в Англию, а Паоло, с которым он поссорился, вернулся в Рим, к большому огорчению своей сестры.

Начало величия Калиостро следует датировать его вторым визитом в Лондон. Именно тогда он был посвящен в масонство и зародил свой титанический проект таинственного египетского обряда. Сен-Феликс приписывает ему даже с момента его принятия в орден невысказанную цель. Калиостро, как он сообщает нам, однажды решил занять трон великого магистра соперничающей и более влиятельной организации, и, по-видимому, с тех пор он жил в свете своих высоких устремлений и избегал — по крайней мере, теоретически — всякой мелкой мошенничества.

Он постоянно посещал различные лондонские ложи, и в переписке, напечатанной на английском языке в Страсбурге в 1788 году, рассказывается, что совершенно случайно он наткнулся на любопытную рукопись в малоизвестной лондонской книжной лавке. Эта рукопись, по-видимому, принадлежала некоему Джорджу Гастону, о котором ничего не известно. Она была посвящена египетскому масонству и изобиловала магическими и мистическими понятиями, которые возбудили любопытство ее покупателя, питали его амбиции и воображение, и вскоре он разработал свою собственную систему на основе содержащихся в ней намеков. Источник его вдохновения, конечно, оставался скрытым. Он притворялся, что получил масонскую традицию по наследству от Еноха и Илии. Однако в частной жизни он продолжал заниматься своими прежними мошенничествами, и его пребывание в Лондоне нередко нарушалось ссорами с полицией. Тем, кто интересуется этой частью споров о Калиостро, рекомендуется обратиться к английской биографии, посвященной графине, которая содержит много любопытной информации.

Когда все его планы созрели, он уехал в Гаагу, а оттуда отправился в Венецию, где, по-видимому, некоторые из его английских кредиторов нарушили его спокойствие и побудили его в результате уехать через Германию в Гольштейн, где он, как предполагается, посетил знаменитого графа де Сен-Жермена.

Согласно «*Mémoires Authentiques pour servir à l'Histoire du Comte de Cagliostro*», опубликованным в 1785 году, он потребовал аудиенции у этого человека, окутанного

непостижимой тайной, чтобы простерться ниц перед *dieu des croyants*. С характерной для него эксцентричностью граф де Сен-Жермен назначил время встречи на два часа ночи, и, как говорится в «Мемуарах», когда наступил этот час, Калиостро и его жена, одетые в белые одежды, перепоясанные розовыми поясами, явились к крепостному храму тайны, который был обителью сомнительного божества, которому они желали поклониться. Подъемный мост был опущен, и человек ростом шесть футов, одетый в длинную серую мантию, провел их в слабо освещенную комнату. Там внезапно распахнулись складные двери, и они увидели храм, освещенный тысячей восковых свечей, с графом де Сен-Жерменом, восседающим на алтаре; у его ног два аколита качали золотые кадила, распространяя сладкий и ненавязчивый аромат. Божество носило на груди алмазный пентаграмму почти невыносимого сияния. Величественная статуя, белая и прозрачная, держала на ступенях алтаря вазу с надписью «Эликсир бессмертия», а на стене висело огромное зеркало, перед которым ходило взад и вперед живое существо, величественное, как статуя. Над зеркалом были написаны странные слова: «Хранилище блуждающих душ». В этом священном убежище царила торжественная тишина, но в конце концов голос, который едва ли можно было назвать голосом, произнес следующие слова: «Кто вы? Откуда вы? Что вы хотите?» Тогда граф и графиня Калиостро пали ниц, и первый из них после долгой паузы ответил: «Я пришел призвать Бога верующих, Сына Природы, отца истины. Я пришел, чтобы просить у него одну из четырнадцати тысяч семисот тайн, которые хранятся в его сердце, я пришел, чтобы провозгласить себя его рабом, его апостолом, его мучеником».

Божество не ответило, но после долгого молчания тот же голос спросил: «Что намеревается сделать спутница твоих долгих странствий?»

«Подчиняться и служить», — ответила Лоренца.

Одновременно с ее словами яркий свет сменился глубокой тьмой, спокойствие сменилось шумом, доверие — ужасом, и резкий, угрожающий голос громко воскликнул: «Горе тем, кто не выдержит испытаний!»

Муж и жена были немедленно разлучены, чтобы пройти свои испытания, которые они вынесли с образцовой стойкостью и которые подробно описаны в тексте мемуаров. Когда романтическая маскарада закончилась, двух кандидатов снова привели в храм с обещанием посвятить их в божественные тайны. Там человек, таинственно закутанный в длинный плащ, воскликнул им: «Знайте, что тайным знанием нашего великого искусства является управление человечеством, и что единственный способ управлять им — никогда не говорить им правду. Не глупо регулируйте свои действия по правилам здравого смысла; скорее, оскорбляйте разум и смело поддерживайте всякую невероятную абсурдность. Помните, что воспроизводство является главной активной силой в природе, политике и обществе; что смертные одержимы манией быть бессмертными, знать будущее, не понимая настоящего, и быть духовными, в то время как все, что их окружает, материально».

После этой речи оратор благочестиво преклонил колени перед божеством храма и удалился. В тот же момент человек гигантского роста привел графиню к ногам бессмертного графа де Сен-Жермена, который сказал:

«С самого раннего юности избранный для великих дел, я посвятил себя изучению природы истинной славы. Политика казалась мне не чем иным, как наукой обмана, тактика — искусством убийства, философия — амбициозной глупостью полной иррациональности; физика — прекрасными фантазиями о природе и постоянными ошибками людей, внезапно пересаженных в совершенно незнакомую им страну; теология — наукой о страданиях, которые являются результатом человеческой гордости; история — меланхоличным

зрелищем вечного вероломства и ошибок. Отсюда я сделал вывод, что государственный деятель — искусный лжец, герой — прославленный идиот, философ — эксцентричное существо, врач — жалкий и слепой человек, теолог — фанатичный педагог, а историк — словоблуд. Тогда я услышал о божественности этого храма. Я возложил на него все свои заботы, свои неуверенности и стремления. Когда он овладел моей душой, я начал воспринимать все предметы в новом свете; я начал читать будущее. Эта вселенная, столь ограниченная, столь узкая, столь пустынная, теперь расширилась. Я обитал не только с теми, кто есть, но и с теми, кто был. Он соединил меня с самыми прекрасными женщинами древности. Я нашел чрезвычайно приятным знать все, не изучая ничего, распоряжаться сокровищами земли без просьб монархов, управлять стихиями, а не людьми. Небеса сделали меня щедрым; у меня есть достаточно, чтобы удовлетворить мой вкус; все, что меня окружает, богато, любяще, предопределено».

Когда служба закончилась, все вернулись к обычной жизни. Церемония завершилась великолепным пиром. Во время банкета двум гостям сообщили, что эликсир бессмертия — это просто токай, окрашенный в зеленый или красный цвет в зависимости от необходимости. Им было предписано несколько важных правил, в том числе, что они должны презирать, избегать и клеветать на людей разумных, но льстить, поощрять и ослеплять глупцов, что они должны с большой таинственностью распространять информацию о том, что граф Сен-Жермен живет пятьсот лет, что они должны делать золото, но прежде всего обманывать людей.

Правдивость этого необычного эпизода не подтверждается ни одним трезвым биографом. Если он и произошел так, как рассказывается, то, без сомнения, послужил подтверждением амбициозных планов Калиостро. Изменения, произошедшие с авантюристом после его второго визита в Англию, хорошо описаны Фигье. «Его речь, его манеры, его поведение — все преобразилось. Его разговоры касаются только его путешествий по Египту, Мекке и другим отдаленным местам, наук, в которые он был посвящен у подножия пирамид, тайны природы, которые его гениальность открыла. В то же время он мало говорит, чаще всего погружаясь в таинственное молчание. Когда его допрашивают с повторяющимися просьбами, он в лучшем случае соглашается нарисовать свой символ — змею с яблоком во рту, пронзенную дротиком, означающий, что человеческая мудрость должна хранить молчание () о разгаданных ею тайнах... Лоренца преобразилась одновременно со своим мужем. Ее амбиции и поведение стали достойными новых проектов Калиостро. Она, как и он, стремилась к славе колоссальных успехов».

Посвященные графа де Сен-Жермена перебрались в Курляндию, где основали масонские ложи в соответствии с возвышенным ритуалом египетского масонства. Графиня была превосходной проповедницей, способной покорять сердца и очаровывать воображение, ее красота очаровывала большое количество курляндской знати. В Миттау Калиостро привлек внимание высокопоставленных лиц, которые, ведомые его репутацией, считали его необыкновенным человеком. С помощью масонства он начал приобретать влияние на умы дворян, некоторые из которых, недовольные правящим герцогом, якобы предложили ему власть над страной, как божественному человеку и посланнику свыше. Итальянская биография представляет его замышляющим с этой целью. «Он притворяется, — говорится в документах Святой Инквизиции, — что обладает достаточной добродетелью, чтобы противостоять искушению, и что он отказался от предложенной милости из уважения к монархам. Его жена заверила нас, что его отказ был вызван соображением, что его обман скоро будет раскрыт». Однако он собрал огромное количество подарков в виде золота, серебра и денег и отправился в Санкт-Петербург, снабженный обычными паспортами. Но

пророк вскоре обнаружил, что его не сопровождала достаточно блестящая репутация, и поэтому он просто представился врачом и химиком, а его уединенный образ жизни и ореол тайны вскоре привлекли к нему внимание.

Его принятие на себя роли врача приводит к краткому рассмотрению чудесных исцелений, которые ему приписывают. Обычно их относят к широкому применению принципов и методов Месмера, его современника (). Они осуществлялись без пассов, железных прутьев или каких-либо громоздких принадлежностей его соперника в искусстве исцеления; он полагался просто на наложение рук. Более того, он не грабил своих пациентов, а распределял свое богатство, которое теперь казалось безграничным, среди бедных, которые стекались к нему в большом количестве по мере роста его репутации. Источник этого богатства точно не известен, но предполагается, что оно происходило от масонских посвященных, апостолом и пропагандистом которых он был.

Многие из чудесных исцелений, которые Калиостро совершил в Германии, получили широкую огласку, и в России он вскоре оказался в окружении любопытных. Лоренца прекрасно сыграла свою роль; она отвечала сдержанно и естественно, делая самые возмутительные заявления с кажущейся полной бессознательностью. Врач-химик, помимо своих целебных способностей, имел репутацию алхимика и знатока тайных наук. Предполагаемое чудесное исцеление младенца знаменитого дворянина вознесло его на вершину славы, и его экстравагантные притязания, подкрепленные, как и следовало ожидать, наивной красотой его жены, начали восприниматься всерьез (), но в результате романа между Лоренцой и князем Потернким, премьер-министром и фаворитом царицы, Екатерины, и открытие того, что ребенок дворянина, по-видимому, был подменен, заставили их поспешно уехать с огромной добычей к немецкой границе.

Они задержались на некоторое время в Варшаве, и там, как рассказывает итальянский биограф, Калиостро использовал все свои уловки, чтобы обмануть принца, с которым его познакомили и который чрезвычайно желал с помощью мнимого мага получить постоянную власть над дьяволом. Калиостро долгое время взбудораживал его надеждой удовлетворить эту нелепую амбицию и фактически получил от него подарки на сумму в несколько тысяч крон. Принц, наконец, поняв, что нет никакой надежды удержать одного из адских духов на своей службе, пожелал овладеть земными привязанностями графини, но и в этом он был разочарован, поскольку дама категорически отказалась удовлетворить его желания. Оказавшись таким образом в тупике в обеих своих попытках, он отказался от всех чувств, кроме мести, и настолько запугал нашего авантюриста и его жену своими угрозами, что они были вынуждены вернуть ему подарки.

Однако достоверность этого рассказа вызывает сомнения, и другие его биографы утверждают, что Калиостро отправился прямо во Франкфурт, а оттуда в Страсбург, куда он прибыл более богатым и успешным, чем когда-либо, и был встречен триумфально. Выдающийся гость, розенкрейцер, алхимик, врач, величественный граф, с раннего утра ожидался буржуа старого города, и следующий необычный рассказ в *Dictionnaire des Sciences Occultes* был приведен анонимным биографом.

«19 сентября 1780 года в таверне недалеко от Страсбурга, в окружении группы скромных пьяниц, которые смотрели из маленького окна на огромную толпу, собравшуюся внизу, можно было заметить лицо лысого и морщинистого мужчины, лет восьмидесяти, явно южного происхождения; это был ювелир Марано. Неудачи и долги, которые он не считал нужным погашать, заставили его покинуть Палермо, и он занялся своим прежним ремеслом в Страсбурге. Как и остальные горожане, он вышел посмотреть на феноменальную личность

— Алиена Марано (), чье прибытие ожидалось и который произвел большую сенсацию, чем многие могущественные монархи. Он прибыл из Варшавы через Германию, где, по слухам, накопил огромное состояние, превращая неблагородные металлы в золото, поскольку владел секретом философского камня и обладал всеми неисчислимыми талантами алхимика.

«Клянусь, — сказал шляпник, — я действительно счастлив, поскольку мне суждено увидеть этого прославленного смертного, если он действительно смертный».

«Говорят, — добавил аптекарь, — что он сын принцессы Трапезундской и что у него такие же красивые глаза, как у матери».

«А также, что он прямой потомок Карла Мартелла», — сказал городской клерк.

«Его родословная уходит еще дальше, — вставил веревочник, — ведь он участвовал в свадебном пире в Кане».

«Тогда, без сомнения, он — странствующий еврей!» — воскликнул Марано.

«Более того, некоторые достоверные источники утверждают, что он родился до потопа».

«Какая дерзость! А вдруг он и есть дьявол?»

Эти представления, воспроизведенные здесь с точностью и украшенные самыми экстравагантными комментариями, в тот период действительно были широко распространены среди народа. Некоторые считали загадочного графа Калиостро вдохновенным святым, чудотворцем, феноменальной личностью, выходящей за рамки естественного порядка вещей. Исцеления, приписываемые ему, были столь же бесчисленны, сколь и необъяснимы. Другие считали его просто ловким шарлатаном. Сам Калиостро смело утверждал, что все его чудеса совершались под особой милостью и помощью небес. Он добавлял, что Высшее Существо соизволило даровать ему блаженное видение, что его миссия () заключалась в обращении неверующих и восстановлении католицизма, но, несмотря на это возвышенное призвание, он гадал, учил искусству выигрывать в лотереях, толковал сны и проводил сеансы трансцендентальной фантасмагории.

«Но, — с большим оживлением возразил веревочник, — человек, который общается с ангелами, никогда не может быть дьяволом».

«Он общается с ангелами?» — воскликнул Марано, пораженный обстоятельствами. «В таком случае я должен увидеть его любой ценой. Сколько ему лет?»

«Ба!» — сказал аптекарь, — «как будто такое существо может иметь возраст! Он выглядит лет на тридцать шесть».

«О!» — пробормотал ювелир. «А что, если это мой негодяй? Моему негодяю сейчас должно быть тридцать семь».

Пока седой сицилиец размышлял о своем печальном прошлом, его разбудил шум голосов. Прибыло небесное существо и вскоре проехало по дороге в окружении многочисленной свиты курьеров, лакеев, камердинеров и т. д., все в великолепных ливреях. Рядом с ним в открытой карете сидела Лоренца или Серафина Феличани, его жена, которая всеми силами поддерживала интриги своего мужа, которого разумные люди считали странствующим

членом и посланником масонских тамплиеров, а его богатство обеспечивалось взносами от различных лож ордена.

Когда граф Калиостро проезжал мимо гостиницы, раздался громкий крик. Марано узнал своего человека, выбежал на улицу и сумел остановить карету, крича: «Джозеф Бальзамо! Это Джозеф! Кокин, где мои шестьдесят унций золота?»

Кальостро едва удостоил взглядом разъярённого ювелира, но посреди глубокой тишины, которая наступила в толпе после этого инцидента, голос, казалось, доносящийся из облаков, произнёс с большой чёткостью следующие слова: «Уберите этого сумасшедшего, одержимого адскими духами!»

Некоторые из зрителей пали на колени, другие схватили несчастного ювелира, и блестящая процессия продолжила свой путь.

Войдя в Страсбург с триумфом, Калиостро остановился перед большим залом, где конюшие, которые шли впереди него, уже собрали значительное скопление больных. Знаменитый целитель вошел и исцелил их всех: некоторых просто прикосновением, других, по-видимому, словами или денежным вознаграждением, остальных — своим универсальным панацеей; но историк, записывающий эти события, утверждает, что больные, прошедшие такое разнообразное лечение, были тщательно отобраны, а врач предпочитал лечить более тяжелые случаи на дому у пациентов.

Кальостро вышел из зала под всеобщие аплодисменты и в сопровождении огромной толпы направился к дверям роскошного жилища, которое было подготовлено к его прибытию. Элита страсбургского общества была приглашена на роскошный банкет, за которым последовал сеанс трансцендентального магнетизма, когда он произвел несколько необычайных явлений посредством ясновидящих детей обоих полов, которых он называл своими голубками или учениками. Незапятнанная девственность и невинность этих детей были необходимым условием успеха. Они были выбраны им самим и получили мистическое посвящение из его рук. Затем он произнес над хрустальным сосудом, наполненным водой, магические формулы для вызова ангельских интеллектов, как они записаны в небесных ритуалах. Небесные духи стали видны в глубине воды и отвечали на вопросы иногда разборчивым голосом, но чаще символами, которые появлялись на поверхности воды и были видны только ученикам, которые интерпретировали их для публики.

Современные свидетельства подтверждают, что эти проявления в целом были подлинными, и нет никаких сомнений в месмерических способностях Калиостро, который, вероятно, познакомился на Востоке с явлением девственной ясности ума, особенно у мальчиков, и дополнил восточные методы открытиями Пусейгура, которые в то время были достаточно известны.

В течение трех лет Калиостро оставался в Страсбурге и был постоянно в центре внимания. Здесь он добился полного господства над умом знаменитого кардинала-архиепископа, принца де Рохана. Его первым делом, когда он поселился в городе, было продемонстрировать свое уважение к духовенству своей щедростью и усердием. Он навещал больных в больницах, с почтением участвовал в обязанностях обычных врачей, с осторожностью предлагал свои новые лекарства, не осуждал старые методы, но стремился объединить новую науку с наукой, основанной на опыте. Он приобрел репутацию смелого экспериментатора в области химии, проницательного врача и действительно

просвещенного новатора. Жители перенаселенных кварталов считали его человеком, посланным Богом, совершающим чудесные исцеления и раздающим богатства из неиссякаемого источника, о котором знал только он один. Приводились примеры неслыханных исцелений и алхимических операций, которые превосходили даже предполагаемые возможности искусства трансмутации.

Все, что имело отношение к чудесному, привлекало кардинала-архиепископа, и он очень хотел увидеть Калиостро. Анонимный автор утверждает, что он неоднократно пытался добиться встречи с ним, но безуспешно, поскольку кардинал-принц обмана даже на расстоянии угадывал характер кардинала-принца и окружал себя ореолом скрытности, который для воображения его жертвы был подобен магниту для магнитного камня. Другие же описывают, как он добивался благосклонности секретаря великого церковного деятеля и таким образом получил представление. На первой встрече он проявил некоторую сдержанность, но позволил увидеть некоторые ослепительные идеи сквозь более обычный тон своей речи. После разумного перерыва он признался, что обладает рецептом изготовления золота и бриллиантов. Предполагаемая трансмутация завершила его завоевание кардинала, и итальянский историк признается, что тот соответственно раскошелится на огромные суммы на благочестивую пару и, чтобы завершить свою глупость, согласился построить небольшое здание, в котором он должен был испытать физическое возрождение с помощью небесного и золотосодержащего эликсира Калиостро. Сумма в двадцать тысяч франков была фактически выплачена адепту для выполнения этой операции.

Несомненно, во время своего пребывания в Страсбурге он с энтузиазмом распространял тайны своего египетского масонства, и в конце концов, нагруженный добычей, он отправился в Бордо, где продолжил свое исцеление на публике, а затем направился в Лион, где в течение трех месяцев занимался основанием материнской ложи и, согласно итальянскому биографу, здесь, как и везде, занимался менее почетными делами. Наконец он прибыл в Париж, где, по словам того же источника, вскоре стал предметом всеобщего разговора, уважения и почета. Его целительные способности теперь почти не использовались, поскольку Париж был полон месмеристов и целителей, а чудеса простого магнетизма были избитыми и, как следствие, невыгодными. Теперь он взял на себя роль практического мага и поразил город вызыванием призраков, которые он появлял по желанию вопрошающего либо в зеркале, либо в вазе с чистой водой. Эти призраки одинаково представляли мертвых и живых существ, и поскольку иногда сговор казался практически невозможным, а теория совпадения абсурдна, есть основания полагать, что он добивался результатов, которые иногда, должно быть, удивляли его самого. В любом случае, весь Париж был поражен его чарами и чудесами, и серьезно утверждается, что Людовик XVI был настолько увлечен *ле дивином Калиостро*, что объявил, что любой, кто причинит ему вред, будет считаться виновным в государственной измене. Говорят, что в Версале, в присутствии нескольких выдающихся дворян, он вызывал в зеркалах, вазах и т. д. не только призраки отсутствующих или умерших людей, но и одушевленные и движущиеся существа призрачного вида, в том числе многих умерших мужчин и женщин, выбранных изумленными зрителями.

Тайна, окружавшая его за границей, углублялась даже тогда, когда он принимал посетителей у себя дома. Он жил на улице Сен-Клод, в уединенном доме, окруженном садами и защищенном от неудобного любопытства соседей. Там он устроил свою лабораторию, в которую никто не мог войти. Он принимал гостей в обширной и роскошной квартире на первом этаже. Лоренца вела уединенную жизнь, появляясь только в определенные часы перед избранной компанией в прозрачном и очаровательном костюме. Слухи о ее красоте

разлетелись по всему городу; она считалась воплощением совершенства, и из-за нее устраивались дуэли. Калиостро уже не был молод, а Лоренца была в расцвете своего очарования. Говорят, что он впервые испытал муки ревности из-за некоего шевалье д'Ойсмона, с которым она несколько раз встречалась. Однако личные досады не мешали профессиональному чудодейству, и вызов знаменитых умерших был обычным явлением на некоторых магических ужинах, которые стали известны во всем Париже. Несомненно, эти события были преувеличены в рассказах, но, поскольку все они происходили в сомнительном пространстве его собственного дома тайн, они, по всей вероятности, были фальшивыми, поскольку следует четко помнить, что в своей обычной личности () он был беспрецедентным обманщиком, и что подлинные явления, которые он иногда производил, были просто дополнением к шарлатанству, а не тем, что его обманы были вспомогательными средствами для обычно подлинных явлений.

Однажды, согласно *«Mémoires authentiques pour servir à l'histoire du Comte de Cagliostro»*, выдающийся чудотворец объявил, что на частном ужине, устроенном для шести гостей, он вызовет духов любых умерших людей, которых они назовут ему, и что призраки, по-видимому, материальные, должны будут сесть за банкетный стол. Ужин состоялся с ведома и, как можно предположить, с молчаливого согласия Лоренцы. В полночь гости собрались; круглый стол, накрытый на двенадцать человек, был сервирован с невиданной роскошью в столовой, где все было в полной гармонии с приближающимся каббалистическим ритуалом. Шесть гостей вместе с Калиостро заняли свои места, и таким образом, за столом должно было присутствовать зловещее число тринадцать.

Был подан ужин, слуги были отпущены с угрозой немедленной смерти, если они осмелятся открыть двери до того, как их вызовут. Каждый гость назвал имя умершего, которого он желал увидеть. Калиостро записал имена, положил их в карман своего золотом вышитого жилета и объявил, что без каких-либо дополнительных приготовлений, кроме простого призыва с его стороны, вызванные духи появятся во плоти и крови, поскольку, согласно египетскому догмату, на самом деле мертвых не существует. Этими гостями из другого мира, которых просили и ждали с трепетным нетерпением, были герцог де Шуазель, Вольтер, д'Аламбер, Дидро, аббат де Войзенон и Монтескье. Их имена произносились медленно, громким голосом и со всей сосредоточенной решимостью воли адепта; и после мгновения невыносимого сомнения вызванные гости появились очень незаметно и заняли свои места с той же спокойной вежливостью, которая отличала их при жизни.

Первый вопрос, который им задали, когда трепет перед их присутствием несколько улетучился, касался их положения в загробном мире.

«Загробного мира нет, — ответил д'Аламбер. — Смерть — это просто прекращение страданий, которые мучили нас. Не испытывается никакого удовольствия, но, с другой стороны, нет и страданий. Я не встречал мадемуазель Леспинасс, но я не видел Лоринье. Кроме того, здесь царит заметная искренность. Некоторые умершие, недавно присоединившиеся к нам, сообщают мне, что я почти забыт. Однако я утешен. Люди недостойны того, чтобы мы о них беспокоились. Я никогда их не любил, а теперь презираю».

«Что стало с вашей ученостью?» — спросил мсье де — у Дидро.

«Я не был ученым, как обычно полагали. Мой живой ум адаптировал все, что я читал, а в своих произведениях я заимствовал из всех источников. Отсюда и происходит бессистемный характер моих книг, о котором через полвека никто и не услышит. Энциклопедия, заслугой которой я удостоен, не принадлежит мне. Обязанность редактора заключается просто в том, чтобы упорядочить выбор тем. Человек, проявивший наибольший талант во всей работе, был составитель ее указателя, но никто и не подумал признать его заслуги».

«Я хвалил это предприятие, — сказал Вольтер, — потому что оно казалось мне подходящим для продвижения моих философских взглядов. Говоря о философии, я не совсем уверен, что был прав. После смерти я узнал странные вещи и пообщался с полдюжиной пап. Климент XIV и Бенедикт, прежде всего, — люди бесконечного интеллекта и здравого смысла».

«Что меня больше всего раздражает, — сказал герцог де Шуазель, — так это отсутствие секса там, где мы живем. Что бы ни говорили об этой плотской оболочке, она вовсе не была таким уж плохим изобретением».

«Что действительно доставляет мне удовольствие, — сказал аббат Войзенон, — так это то, что среди нас человек полностью излечивается от глупости интеллекта. Вы не можете себе представить, как меня дразнили из-за моих смешных романов. Я почти признался, что ценю эти детские шалости по их истинной стоимости, но то ли скромность академика не вызывает доверия, то ли такая легкомысленность не соответствует моему возрасту и профессии, я почти ежедневно искупаю ошибки своего смертного существования».

Среди этих чудес Калиостро продолжал реализовывать самый дорогой из всех своих проектов, а именно распространение своего египетско-масонского обряда, в который впоследствии были допущены дамы, для чего мадам Калиостро открыла курс магии. К этому курсу были допущены тридцать шесть кандидатов, причем все мужчины были исключены. Таким образом, Лоренца стала Великой Магистром египетского масонства, поскольку ее муж был великим и возвышенным коптом. Прекрасные неопиты должны были внести по сто луидоров в кассу « », воздерживаться от любых плотских связей с мужчинами и подчиняться всему, что им могло быть предписано. Был арендован огромный особняк на Rue Verte, Faubourg Saint Honoré, в то время одинокой части города. Здание было окружено садами и великолепными деревьями. Сеанс посвящения состоялся незадолго до полуночи 7 августа 1785 года.

По словам Фигье, при входе в первую комнату дамы были вынуждены раздеться и надеть белые одежды с поясами разных цветов. Их разделили на шесть групп, которые отличались оттенком поясов. Им также выдали большие вуали, и их провели в храм, освещенный с крыши и обставленный тридцатью шестью креслами, обтянутыми черным атласом. Лоренца, одетая в белое, сидела на чем-то вроде трона, поддерживаемого двумя высокими фигурами, одетыми так, что их пол было невозможно определить. Свет постепенно тускнел, пока окружающие предметы стали едва различимы, и тогда Великая Магистр приказала дамам обнажить левую ногу до бедра и поднять правую руку, чтобы положить ее на соседний столб. Затем вошли две молодые женщины с мечами в руках и связали всех дам шелковыми веревками за руки и ноги. После впечатляющей паузы Лоренца произнесла речь, которая приводится в полном объеме, но с сомнительной достоверностью, несколькими биографами и в которой она горячо проповедовала освобождение женщин от постыдных оков, наложенных на них господами творения.

Эти узы символизировали шелковые веревки, от которых прекрасные посвященные освобождались в конце речи, когда их проводили в отдельные апартаменты, каждый из которых выходил в сад, где они переживали самые невероятные приключения. Некоторых преследовали мужчины, которые безжалостно преследовали их с варварскими приставаниями; другие встречали менее ужасных поклонников, которые вздыхали в самых томных позах у их ног. Не одна обнаружила двойника своего возлюбленного, но клятва, которую все они дали, требовала самой неумолимой бесчеловечности, и все верно выполнили то, что от них требовалось. Новый дух, вселившийся в возрожденных женщин, торжествовал на всем протяжении шестидесяти шести посвященных, которые с неповрежденными и непорочными символами торжественно и с трепетом вернулись в сумерки сводчатого храма, чтобы принять поздравления верховной жрицы.

Когда они немного отдышались после испытаний, сводчатый потолок внезапно открылся, и на огромной золотой сфере спустился мужчина, обнаженный, как непадший Адам, держа в руке змею и имея на голове горящую звезду.

Великая Магистр объявила, что это был гений Истины, бессмертный, божественный Калиостро, рожденный без прокреации из лона нашего отца Авраама и хранитель всего, что было, есть и будет известно на вселенской земле. Он был там, чтобы посвятить их в тайны, которых они были обманчивым путем лишены. Великий Копт приказал им отказаться от нечестивой одежды, ибо, если они хотят принять истину, они должны быть такими же обнаженными, как она сама. Верховная жрица, подавая пример, развязала пояс и позволила своей одежде упасть на землю, и прекрасные посвященные, следуя ее примеру, обнажили все свои прелести перед магнетическим взором небесного гения, который затем приступил к своим откровениям.

Он сообщил своим дочерям, что столь злоупотребляемое магическое искусство было секретом творения добра для человечества. Это было посвящение в тайны Природы и способность использовать ее оккультные силы. Видения, которые они видели в Саду, где так многие видели и узнали тех, кто был им дорог, доказали реальность герметических операций. Они показали себя достойными познать истину; он взялся постепенно обучать их этому. Вначале было достаточно сообщить им, что возвышенная цель египетского масонства, которое он привез из самого сердца Востока, заключалась в счастье человечества. Это счастье было безграничным по своей природе и включало в себя как материальные удовольствия, так и душевный покой и радости разума.

Маркиз де Луше, которому мы обязаны этим рассказом, завершает туманную речь Калиостро тем, что адепт призывает своих слушателей отречься от обманчивого пола и позволить поцелую дружбы символизировать то, что происходило в их сердцах. Верховная жрица проинструктировала их о природе этого дружеского объятия.

После этого Гений Истины снова сел на золотую сферу и был унесен через крышу. В то же время пол открылся, вспыхнул свет, и из земли поднялся великолепно украшенный и роскошно накрытый стол. К дамам присоединились их возлюбленные *в собственной персоне*; после ужина последовали танцы и различные развлечения до трех часов утра.

Примерно в это время граф Калиостро был вынужден уступить постоянным просьбам бедняков и возобновить свою *врачебную деятельность*. Вскоре он был вознесен на вершину славы благодаря чудесному исцелению принца де Субиза, брата кардинала де Рохана, который страдал от сильной формы скарлатины. С этого момента портрет адепта можно было увидеть повсюду в Париже.

Тем временем туча над его семейным счастьем, о ко е уже было кратко упомянуто, начала сгущаться. Одна авантюристка по имени мадам де ла Мотт однажды застала Лоренцу *наедине* с шевалье д'Оиземоном. Граф в то время был далеко от Парижа, и авантюристка пообещала сохранить тайну при условии, что Лоренца, в свою очередь, сделает все, что в ее силах, чтобы стать близкой подругой в доме, имея свободный доступ в него, и убедит Калиостро предоставить ей свои знания и навыки, если она когда-нибудь в этом нуждается. Результатом этой договоренности стало соучастие Калиостро в необычном и скандальном деле о бриллиантовом ожерелье. Когда заговор был раскрыт, Калиостро был арестован вместе с другими предполагаемыми заговорщиками, в том числе главной жертвой, кардиналом де Роаном. Он был оправдан, хотя и не без потери чести, от обвинения, в котором он, несомненно, был виновен, но его жена бежала в Рим после его ареста и присоединилась к своей семье. Сам он начал бояться своей дурной славы и стал стремиться покинуть Францию. Он отложил до более благоприятного периода свой грандиозный проект, касающийся столичной ложи египетского обряда. [АО] Лицо, называвшее себя Томасом Сименесом и утверждавшее, что оно является потомком кардинала с таким же именем, пыталось возродить его прежний масонский энтузиазм, но видение Бастилии, казалось, всегда было перед его глазами, и ни это лицо, ни высокопоставленные члены парижских лож не смогли его убедить. Несмотря на оправдание, он питал месть к французскому двору и не раз признавался своим близким друзьям, что, перейдя границу, он заставит услышать свой голос. Он готовился к отъезду, и однажды его опечаленные последователи узнали, что он находится в пути в Англию.

Оказавшись в Лондоне, он вновь обрел энергию. Его приняли с большими почестями; многие из его учеников из Лиона и Парижа последовали за ним. Английские масоны пригласили его в ложу столицы и предоставили ему первое место, место Великого Востока. Его убедили созвать масонскую ложу египетского обряда, и он согласился с некоторой грустью, поскольку память о блестящей парижской ложе, которую он был на грани основания, не давала ему покоя. Он не мог утешиться по поводу краха этого прекрасного и долго лелеявшегося плана, который стоил ему столько изучения, усилий и проповедей.

Именно из этого дискретного расстояния Калиостро обратился со своим знаменитым «Письмом к народу Франции», которое было переведено на ряд языков и широко распространилось по Европе. В нем предсказывались Французская революция, разрушение Бастилии и восхождение великого принца, который отменит позорные *lettres de cachet*, созовет Генеральные штаты и восстановит истинную религию.

Публикация была резкой по своему языку и революционной по своим настроениям, и вскоре за ней последовала его известная ссора с *Courrier de l'Europe*, которая привела к разоблачению реальной жизни Калиостро от начала до конца.

Опасаясь ярости своих бесчисленных обманутых поклонников и крайних мер со стороны своих кредиторов, он поспешил покинуть Лондон, высадился в Голландии, пересек Германию и укрылся в Базеле, где патриархальное гостеприимство швейцарских кантонов в некоторой степени успокоило разоблаченного адепта. Однако с момента этого разоблачения падение Калиостро было просто стремительным. Тем не менее, за ним последовали некоторые из его посвященных, которые убеждали его вернуться во Францию, уверяя его в мощной защите со стороны высокопоставленных масонских сановников. В своем колебании он написал барону де Бретейю, министру королевского двора, но, как оказалось, личному врагу кардинала де Рохана. Считая Калиостро протеже принца, он ответил, что если тот будет иметь достаточно наглости, чтобы ступить на территорию королевства, его арестуют и перевезут в тюрьму в Париже, где он будет ждать суда как

обычный мошенник, который должен ответить перед королевским правосудием за свою преступную жизнь.

С этого момента Калиостро понял, что он навсегда изгнан из Франции, и, не чувствуя себя в безопасности даже в Швейцарии, он покинул Базель и отправился в Экс, в Савойю. Ему было приказано покинуть этот город в течение сорока восьми часов. В Ровередо, принадлежавшем Австрии, его ждала та же участь. Он переехал в Тренто и объявил себя практикующим законную медицину, но князь-епископ, правивший этой страной, разглядел под скромной одеждой доктора копыто колдуна и вскоре продемонстрировал ему свою враждебность к магическим практикам. Странствующий жрец египетского масонства, находясь в довольно тяжелом положении, отправился в Рим и после многих перипетий достиг Вечного города. Здесь, по словам Сен-Феликса и Фигье, к нему присоединилась его жена; согласно итальянскому биографу, Лоренца сопровождала его в его странствиях и убедила его искать убежища в Риме, будучи смертельно утомленной своей несчастной жизнью. Первое утверждение в целом является наиболее вероятным, так как трудно предположить, что она покинула Италию, чтобы присоединиться к Калиостро в Пасси, и, по-видимому, она вернулась к нему с явным отвращением. Она пыталась вернуть его к религии, которая никогда не была искоренена из ее сердца. Некоторое время он жил с необычайной осторожностью, и наконец согласился встретиться с бенедиктинским монахом, которому он исповедался. Святая Инквизиция, которая, несомненно, тщательно следила за всеми его передвижениями, по-видимому, была на время обманута, и он был благосклонно принят несколькими кардиналами. Он прожил год в полной свободе, занимаясь частным изучением медицины. В это время он пытался получить ссуды от посвященных в его египетский обряд, которые были разбросаны по Франции и Германии, но они не поступили, и возвышенный копт, просветленный владелец философского камня и лекарства, называемого металлическим, вновь оказался на грани нищеты, к вечному позору Осириса, Исиды и Анубиса.

Его крайняя необходимость побудила его возобновить отношения с масонскими обществами на территории Папской области. На посвященных высших степеней висела смертная казнь, и их ложи были в результате окружены большой тайной и собирались в подземных помещениях. Его убедили основать ложу египетского масонства в самом Риме, и с этого момента Лоренца обоснованно считал его потерянным. Один из его собственных адептов предал его; 27 сентября 1789 года он был арестован по приказу Святой Инквизиции и заключен в замок Святого Ангела. Был составлен опись его бумаг, и все его имущество было опечатано. Процесс против него был подготовлен с величайшей инквизиторской тщательностью в течение долгих восемнадцати месяцев. Когда начался суд, его защищал граф Гаэтано Бернардини, адвокат обвиняемого перед священным и августейшим трибуналом, и к этому обычному адвокату беспристрастная и благожелательная инквизиция по своей воле и милости щедро добавила в качестве советника монсеньора Луиса Константины, «чьи знания и честность», по словам неподкупного и неподкупного свидетеля (вдохновленного инквизицией), «были общепризнаны». Они не скрывали от него серьезности его положения, советовали ему воздерживаться от построения своей защиты на серии отрицаний, обещая спасти его от смертной казни, и таким образом его убедили во всем признаться, он снова примирился с церковью; и, почти благоухая подлинной святостью, 21 марта 1791 года он был доставлен перед общее собрание очистителей душ огнем, перед Папой 7 апреля следующего года, когда адвокаты умоляли с такой красноречивостью, что они удалились в агонии начинающегося удушья, Калиостро повторил свое признание, и как естественное следствие неподкупной красноречивости и купленного признания, был вынесен смертный приговор.

Однако, когда измученные адвокаты немного пришли в себя, Папе была направлена просьба о помиловании, приговор был заменен пожизненным заключением, и осужденный был отправлен в замок Святого Ангела. После двух лет заключения он умер, Бог знает как, еще в расцвете сил, в возрасте пятидесяти лет.

Лоренца, чьи признания в значительной степени способствовали осуждению ее мужа, была приговорена к пожизненному заключению в тюрьме. Документы Калиостро были сожжены Святой инквизицией, и призрак этой институции до сих пор хранит тайну точной даты смерти своей жертвы. Оно тщательно распространило сообщение о том, что однажды он пытался задушить священника, которого пригласил под предлогом исповеди, надеясь сбежать в его одежде, а затем обнародовало заявление о том, что впоследствии он задушил себя. Когда батальоны Французской революции вошли в Рим, командующие офицеры, стуча в двери Сант-Анджело, решили освободить погребенного адепта, но им сообщили, что Калиостро мертв, «узнав об этом, — говорит Фигье, — они ясно поняли, что бывший *Парламент Франции* не идет ни в какое сравнение с римской инквизицией, и, не сожалея о разрушенной Бастилии, они не могли не признать, что она избавлялась от своей добычи легче, чем замок Святого Ангела».

Личные достоинства Калиостро, по-видимому, были преувеличены некоторыми из его биографов. «Его великолепный рост и высокая осанка, подчеркнутые одеждой самой причудливой роскоши, обширная свита, которая неизменно сопровождала его в его странствиях, привлекали к нему всеобщее внимание и располагали умы простолюдинов к почти идолопоклонническому восхищению».

С этим мнением Фигье можно сравнить противоположное утверждение итальянского биографа: «Он был смуглым, с опухшим лицом и суровым выражением; он был лишен всех тех достоинств, которые так распространены в мире галантности, не обладал ни знаниями, ни способностями». Но итальянский биограф был ложным свидетелем, поскольку Калиостро был, без всяких сомнений и споров, человеком с исключительными способностями, тактом и талантом. Правда, по-видимому, лежит между этими противоположными крайностями. «Граф Калиостро, — говорится в английской биографии, опубликованной в 1787 году, — ниже среднего роста, склонен к полноте; его лицо овальное, кожа и глаза темные, последние необычайно пронзительные. В его манерах мы не ощущаем той неопишуемой грации, которая привлекает симпатию, прежде чем мы обращаемся к разуму. Напротив, в его манерах есть самодовольство, которое на первый взгляд скорее отталкивает, чем привлекает, и заставляет нас сдерживать свое уважение, пока, при более близком знакомстве, мы не отдаем ему дань нашего разума. Хотя он по натуре ученый и созерцательный человек, его беседа живая, полна разумных замечаний и приятных анекдотов, но, несмотря на высочайшую степень проницательности и широты ума, он всегда становится жертвой льстецов и подхалимов».

Убедительная и порой подавляющая красноречивость Калиостро также отмечается большинством его биографов, но, согласно показаниям его жены, полученным под давлением Инквизиции и приведенным в итальянской биографии: «Его речи, вместо того чтобы быть красноречивыми, были составлены в стиле крайне утомительной запутанности и изобиловали самыми непоследовательными идеями. Перед тем как подняться на трибуну, он всегда тщательно готовился к своей работе, выпивая несколько бутылок вина, и был настолько невежественен в предмете, о котором собирался говорить, что обычно обращался к своей жене за текстом, на основе которого он должен был проповедовать своим ученикам.

Если к этим обстоятельствам добавить сицилийский диалект, смешанный с жаргоном французского и итальянского языков, мы не можем ни на мгновение усомниться в степени достоверности утверждений, которые были сделаны относительно чудодейственного воздействия его красноречия».

Но Инквизиция располагала документами, которые несли неопровержимое свидетельство о необычайном влиянии, которое Калиостро оказывал на умы своих многочисленных последователей, и абсурдно предполагать, что им мог обладать человек, который был невежественен, неприглядным и плохо говорил. Кроме того, показания Лоренцы, данные в условиях, по крайней мере, сильнейшего морального давления, совершенно бесполезны во всех отношениях, а предвзятые мнения наших апологетов инквизиции не имеют значительной ценности.

Я уделил почти непропорционально много места истории Джозефа Бальзамо (), потому что она в полной мере отражает шарлатанскую сторону алхимии, которая за два века любопытства и легковёрности развилась до плачевных размеров. Несмотря на завесу тайны, окружавшую Альтуотаса, нет никаких оснований предполагать, что он был адептом чего-либо, кроме усовершенствования металлов, и его мастерство в алхимических уловках перешло к его ученику. То, что Бальзамо был сильным месмеристом, что он мог с лёгкостью вызывать ясновидение у подходящих субъектов, что он занимался арабским оккультизмом, что он обладал способностью исцелять магнетизмом, — все это факты, которые мы можем признать на основании имеющихся доказательств, и эти подлинные явления поддерживали его титанические обманы, дополняясь там, где они были слабыми или несовершенными, прямым и заранее подготовленным мошенничеством. Таким образом, его чудесные предсказания, описания отсутствующих лиц, раскрытие частных дел и т. д. в некоторой степени можно объяснить неумной любознательностью и усердием, с которыми он добывал знания о секретах любых семей, с которыми он вступал в общение. Лоренцо под присягой заявила во время допроса, что многие из учеников были заранее подготовлены ее мужем, но что некоторые были приведены к нему неожиданно, и что в отношении них она могла только предположить, что ему помогали чудеса магического искусства.

Его силы, какими бы они ни были, были переданы по крайней мере некоторым из его масонских посвященных, как можно видеть в подлинном письме, адресованном ему из Лиона, в котором восторженным языком описывается освящение в этом городе египетской ложи под названием «Триумф мудрости». Это письмо попало в руки Инквизиции. В нем рассказывается, что в тот момент, когда собрание умоляло Вечного дать явный знак своего одобрения их храма и их подношений, «и пока наш мастер находился в воздухе в позе « », первый философ Нового Завета появился без приглашения, благословил их после поклонения перед облаком, с помощью которого они получили это явление, и был унесен вверх на нем, причем великолепие было настолько велико, что молодой ученик или голубь не смог его вынести.

В том же письме утверждается, что два великих пророка и законодатель Израиля дали им явные знаки своей доброй воли и своего послушания повелениям августейшего основателя, сеньора Калиостро. Аналогичное сообщение свидетельствует, что великий копт, хотя и отсутствующий, явился в их ложе между Енохом и Илией. [AP]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Теперь, благодаря достоверным и многочисленным свидетельствам о жизни и трудах алхимиков, стало совершенно ясно, что они искали физический процесс для превращения так называемых неблагородных металлов в серебро и золото. Методы и процессы, с помощью которых они стремились достичь этой *желанной цели*, а также секреты, которые они, как предполагается, открыли, воплощены в аллегорических писаниях, и их любопытная символика в руках изобретательных толкователей допускает несколько объяснений, но факты их трудного и в целом пестрого жизненного пути не являются аллегорическими и не допускают никаких мистических интерпретаций; следовательно, попытка возвести их на высочайшие вершины достижений в психическом мире, какими бы привлекательными и ослепительными они ни были для романтического воображения и какими бы духовно вдохновляющими ни были, должна быть с сожалением оставлена. Их менее блестящая, но существенная и постоянная репутация основана на их физических открытиях и на их настойчивом провозглашении теории Вселенского Развития, которая, как хорошо понимали истинные и дальновидные адепты, в равной степени применима к триединому человеку и к тем металлам, которые в их представлении также имели триединую природу.

Как указано во введении к этой работе, после тщательной и беспристрастной оценки всех доказательств у меня лично нет сомнений в том, что *Великое Дело* было осуществлено, по крайней мере, в отдельных случаях в прошлом, и что, следовательно, алхимики, закладывая основы современной химии, уже превзошли ее высшие достижения в области металлов. Теперь герметическая доктрина соответствий, которая, в любом случае, заслуживает искреннего уважения всех эзотерических мыслителей, научит нас, что факт их успеха в физической сфере аналогично является существенной гарантией успешного результата параллельных методов при их применении в психическом мире с человеком как объектом. Но открытия месмеризма и явления, называемые спиритизмом, открыли для человечества чудодейственные возможности, которые совершенно независимым образом способствуют проверке алхимической гипотезы развития в ее расширении на плоскость интеллекта. Я считаю, что эти возможности реализуемы исключительно в соответствии с указаниями герметических притч. Я не готов объяснить, как алхимическая теория Вселенского развития возникла в научном и психологическом сумраке средневековья, но факт остается фактом. Я также не готов объяснить, как и почему метод дискредитированной науки, которая, как обычно считается, не достигла своей цели, должен быть не только последовательным в своей собственной сфере, но и иметь обширную область применения за ее пределами; однако факт остается фактом. Я привнес широкие знания по истории современного сверхъестественного в серьезное изучение алхимии и обнаружил, что старые теории иллюстрируются новыми фактами, а новые факты совпадают со старыми теориями. Поскольку все это произошло, по словам алхимиков, «естественным процессом, без спешки и насилия», я могу быть уверен, что это не иллюзорное открытие и что его будущее провозглашение может дать новый импульс изучению герметических писаний среди оккультистов Англии и Америки.

СНОСКИ:

[AJ] В мемуарах, написанных Джозефом Бальзамо во время его заключения в Бастилии, он окружает свое происхождение и детство романтической и гламурной тайной. «Я не знаю, — утверждает он, — не только места своего рождения, но даже родителей, которые меня родили. Все мои исследования по этим вопросам принесли мне только смутные и неопределенные, хотя, по правде говоря, возвышенные представления. Мое раннее детство прошло в городе Медина в Аравии, где я воспитывался под именем Ачарат — именем,

которое я впоследствии использовал во время своих путешествий по Азии и Африке — и жил во дворце муфтия. Я отчетливо помню, что вокруг меня постоянно находились четыре человека — наставник в возрасте от пятидесяти пяти до шестидесяти лет по имени Альтатос и три раба, один из которых был белым, а остальные — черными. Мой наставник неизменно говорил мне, что я остался сиротой в возрасте трех месяцев и что мои родители были знатными людьми и христианами, но он хранил абсолютное молчание относительно их имени и места, где я родился, хотя некоторые случайные слова заставили меня подозревать, что я впервые увидел свет на Мальте. Альтатос с удовольствием развивал мой природный интерес к наукам; он сам был сведущ во всех науках, от самых глубоких до самых тривиальных. Наибольших успехов я достиг в ботанике и физике. Как и мой наставник, я носил мусульманскую одежду, и внешне мы исповедовали мусульманский закон. Однако принципы истинной религии были запечатлены в наших сердцах. Меня часто навещал муфтий, который относился ко мне с большой добротой и испытывал большое уважение к моему учителю, благодаря которому я рано овладел большинством восточных языков».

[AK] «Жизнь графа Калиостро, составленная на основе оригинальных материалов, опубликованных в Риме по приказу Апостольской камеры. С гравюрой-портретом». Лондон, 1791.

[AL] *L'Histoire du Merveilleux dans les Temps Modernes*, т. IV.

[AM] «Позже, когда Калиостро, возвышенный славой и богатством, вернулся в Париж с помпой и роскошной свитой, он энергично отрицал свое первое пребывание в нашей столице и позорный эпизод в Сент-Пелажи. Он утверждал, что его жена, которую он теперь называл Серафиной, не имела никакого отношения к заключенной Лоренце Феличани, как и он, граф Калиостро, к шарлатану, которому в то время было запрещено продолжать свои мошенничества. Но некоторые юридические документы неопровержимой подлинности подтверждают противоположное утверждение его врагов. Интересно знать, что, по факту, во время заключения Лоренцы, перед полицейским трибуналом были сделаны показания г-ном Дюплезиром, который заявил, что, помимо того, что они содержали Бальзамо и его жену в течение трех месяцев, они задолжали двести крон, в основном за одежду, парикмахера и учителя танцев». Эти показания, наряду с другими, можно найти в брошюре под названием «*Ma Correspondence avec le Comte de Cagliostro. Figuier. Histoire du Merveilleux dans les Temps Modernes*, t. iv. pp. 83, 84.

[AN] «Его амбицией было открыть в Париже главную ложу, которой все остальные должны были быть полностью подчинены. Он провозгласил себя носителем тайн Исиды и Анубиса из Дальнего Востока. Хотя он угрожал обычному масонству радикальной реформой, его нововведения преодолели все препятствия. Он приобрел многочисленных и выдающихся последователей, которые однажды собрались в большом количестве, чтобы послушать, как Жозеф Бальзамо излагает им доктрины египетского масонства. Говорят, что на этом торжественном собрании он говорил с потрясающей красноречивостью, и его успех был настолько велик, что слушатели ушли в изумлении и полностью обратились в его возрожденное и очищенное масонство. Никто из них не сомневался, что он был посвященным в тайны Природы, хранящиеся в храме Аписа в эпоху, когда Камбиз избивал эту капризную божественность. С этого момента посвящения в новое масонство были многочисленными, хотя и ограничивались аристократией общества. Есть основания полагать, что вельможи, которые были сочтены достойными приема, платили за эту честь чрезвычайно дорого». — Фигье, *Hist. du Merveilleux*, т. IV, стр. 23, 24.

[АО] Эти проекты включали в себя решимость заставить королевское правительство признать новый орден и добиться его признания в Риме как учреждения, созданного на тех же основаниях и, следовательно, наделенного теми же великими привилегиями, которые принадлежали ордену Святого Иоанна Иерусалимского.

[АР] См. Приложение II.

АБВ-КАТАЛОГ РАБОТ ПО ГЕРМЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И АЛХИМИИ.

- Антоний де Аббатия — Epistolæ duæ. (Нем.) Гамбург, 1672.
- Абрахам из Порты Леонис — De Auro, dialogi tres. Венеция, 1514-1584-1586. (Неуважаемый.)
- Д'Аккевиль (Ле Сьер) — Les effets de la Pierre Divine. 12mo. Париж, 1681.
- Эгидий де Вадис — Диалог между Природой и Сыном Искусства. Франкфурт, 1595.
- — Tabula Diversorum Metallorum. (Напечатано в Theatrum Chymicum.)
- Ф. Аггравео — Sourano Medicina. 8vo. Венеция, 1682.
- Георгий Агрикола — De Re Metallica, libri xii. Fol. Basilæ, 1546-1621. (Любопытная, украшенная рисунками и диаграммами.)
- — De Ortu et Causis Subterraneorum, libri v. De Natura eorum quæ effluunt Terra, libri v. De Natura Fossilium, libri x. De Veteribus et Novis Metallis, libri ii. Bermannus, sive De Re Metallici. Fol. Базель, 1546.
- — Lapis Philosophorum. (Редкое издание.) 16mo. Кёльн, 1531.
- Иоганнес Агрикола — О сурьме. (Нем.) 4to. Лейпциг, 1639.
- Луиджи Аламани — Жироне иль Кортезе, Поэма. 4to. В Париже, 1548. (Редкий химический роман.)
- Алани Философи Германи, Дикта де Лапиде Философорум. Люгдуни Батаворум. 8vo. 1599.
- Альберт Великий — Opera Omnia, 21 т. Фолио. Люгдуни, 1653.
- — Libellus de Alchymia. (Theatrum Chemicum, т. 2.)
- — De Rebus Metallicis et Mineralibus, libri v. 4to. Августа Винделикор, 1519.
- Alchimia Denudata, адепт Наксагорас (псевдоним). (На немецком языке.) 8vo. Бреслав, 1708.
-
- Alchemia Opuscula, девять редких трактатов. 4to. Франко, 1550.
- Alchymia vera lapidis philos. (На немецком языке.) 8vo. Магдебург, 1619.
- Откровение тайного духа алхимии. Аноним. 8vo. Лондон, 1523.
- Alchemia—Volumen Tractatum, 10. (Уважаемый.) 4to. Норим., 1541.
- Oder Alchymischer particular Zeiger: id est. Unterricht von Gold, und Silbermachen. 8vo. Росток, 1707.
- Алкахест (Bedencken von). 8vo. Франк., 1708.
- Alcaest — Merveilles de l'Art et de la Nature. 12mo. Париж, 1678.
- Альстедии (Йохан Генрих) — Философия, достойно восстановленная. 8vo. Херборн, 1612.
- — Panacæa Philosophica cum critico de infinito Harmonico Philosophiæ Lullianæ. 8vo. Герб., 1610.

- La Ruine des Alchimistes. 16mo. Париж, 1612.
- Альветанно (Корнелиус) — De Conficiendo Divino Elixire sive Lapide Philosophico. *Theatri Chimici*, т. 5.
- Амелунгии (Д. Петри) — Tractatus Nobilis, in quo de Alchimiae Inventione, necessitate et utilitate agitur. 8vo. Липси, 1607.
- — Apologia, seu Tractatus Nobilis Secundus pro defensione Alchimiae. 8vo. Липсь, 1601.
- Амелунгс (J. С.) — Stein Tinctur. 4to. 1664.
- Анторис (Каспар) — Chrysoscopion, sive Aurilogium. (*Трактат о продлении жизни с помощью золотосодержащих препаратов.*) 4to. Йенал, 1632.
- Андалоро (Андреа) — La Miniera dell' Argento Vivo. Мессина, 1672.
- Анжелик (Ле Сьер д') — La Vraye Pierre Philosophale de Médecine. 12 mo. Париж, 1622.
- Altus Mutus Liber, in quo tota Philosophia Hermetica figuris Hieroglyphicis depingitur. Fol. Рупелла, 1677.
- Apocalypses Hermeticorum. 4to. Гедани, 1683.
- Apologie du Grand Œuvre, ou Elixir des Philosophes. 12 mo. Париж, 1657.
- Aventures du Philosophe Inconnu en la recherche et Invention du Pierre Philosophale, divisées en quatre livres, au dernier desquels il est parlé si clairement de la façon de la faire, que jamais on n'en a parlé avec tant de candeur. 12mo. Париж, 1646. (*Приписывается знаменитому аббату Бебрусу.*)
- Aurifontana Chimiae incomparabilis. 4to. Lugd. Batav., 1696.
-
- Vier Ausserlesene Chymische Buchlein. 8vo. Ham., 1697.
- Aureum Seculum Patefactum, oder Entdeckung dess Menstrivi Universal. 8vo. Нюрнберг, 1706.
- L'Ayman Mystique. 12mo. Paris, 1659.
- Arludes—Mystères de la Grace et de la Nature. 1646.
- Arca—Artificiosissimi Arcani Arca. (*Нем.*) 18mo. Франкфурт, 1617.
- Arcana — Antiquorum Philosophorum Arcana, 8vo. Лейпциг, 1610.
- — Magni Philosophi Arcani Revelator. 12mo. Гамбург, 1672. (*Редкое издание.*)
- Странное письмо о сокровище адепта. 24mo. Лондон, 1680.
- Ars Transmutationis Metallicæ. 8vo. 1550.
- Аристотель — De Perfecto Magisterio. В Theatrum Chymicum. т. 3.
- Арно, см. Вильнёв.
- Древняя война рыцарей, автор — адепт. 12mo. Лондон, 1723.
- Афоризмы. 153 химических афоризма. (*Уважаемый.*) Лондон, 1680.
- Артефиус (*адепт, XII век*) — Секретная книга оккультного искусства и металлической трансмутации. 24mo. Лондон, 1657.
- — La Clef majeure de Sapience et Science des Secrets de la Nature. 8vo. (*Без даты и места печати.*)
- — De Vita Proroganda, aitque se anno 1025 ætatis suae scripsisse libum suum.
- Альфонсо (король) — О философском камне. 4to. Лондон, 1657.
- Псевдо-Афинагор — «О настоящей и совершенной любви». 12mo. Париж, 1599. *Очень любопытно.*
- Artis Auriferæ, 47 трактатов. 3 тома. 8vo. Базилис, 1610.

- Альцията, Андреа, Emblemata. Падуя, 1618.
- Аурифонтина, химия, 14 трактатов о философском ртути.
- Арраис (Г. М.) — Древо жизни. 8vo. Лондон, 1683.
- Эшмол (Элиас) — Theatrum Chemicum Britannicum. (*Уважаемый.*) 25 трактатов. Английские адепты.
- Авиценна — De Tinctura Metallorum. 4to. Франкфурт, 1530.
- — Porta Elementorum. 8vo. Базилиа, 1572.
- — Epistola ad Regem Hasen. Theatrum Chymicum, т. 4.
- — De Mineralibus. Данциг, 1687. Напечатано вместе с Гебером.
- (*Все эти трактаты Авиценны вызывают сомнения.*)
-
- Бэкон (Роджер) — Искусство химии, 16то. Лондон.
- — Зеркало алхимии. 4to. 1597.
- — Удивительная сила искусства и природы. (Алхимическое.)
- — Opus Majus, ad Clementum IV. Fol. Дублин, 1733.
- — Забота о старости и сохранение молодости. 8vo. Лондон, 1683.
- — Radix Mundi (алхимический, английский). 12то. 1692.
- — Opus Minus. М.С. Ламбетская библиотека.
- — Thesaurus Chemicus. De Utilitate Scientiarum. Alchimia Major. Breviarum de Dono Dei. Verbum abbreviarum de Leone Viridi. Secretum Secretorum. Trium Verborum. Speculum Secretorum. Семь трактатов. 8vo. Франкоф., 1603.
- — De Secretis Operibus Artis et Naturæ. 8vo. Hamb., 1598.
- — (Фр. Лорд Верулам) — История металлов. Fol. Лондон, 1670.
- Бейкер (Джордж) — Новое сокровище здоровья. 4то. Лондон, 1576.
- Бальбиан (Дж.) — Tractatus Septem de Lapide Philosophico. (*Ред.*) 8vo. Луг., 1599.
- — Specchio Chimico. 8vo. Рим, 1624.
- Бальдуини (К. А.) — Aurum Superius et Inferius. 12то. Липси, 1674.
- — Phosphorus Hermeticus, sive magnes luminaris. Липси, 1674.
- — Hermes Curiosus. 12то. Lips., 1680.
- — De Auro Auræ et ipsum hoc Aurum Auræ. 12то. 1674.
- — Venus Auræ — См. Miscellanea Curiosa. 4to. Lips., 1678.
- Бархузен (J. C.) — Elementa Chemiæ. (*Содержит семьдесят восемь алхимических эмблем.*) Lug. Bat., 1718.
- Барле (А.) — L'Ouvrage de l'Univers. 12то. Париж, 1653.
- Барнауди (Н.) — Triga Chimica. 8vo. Луг. Бат., 1600.
- — Brevis Elucidatio Arcani Philosophorum. 8vo. Lugd. Batav., 1599.
- Бартолетти (Фабр.) — Энциклопедия герметико-медицинская. 4то. Болонья, 1619.
- Батфорф (Генрик а)—Filum Ariadnes. 8vo. 1636.
- Бацио (Антония) — Florida Corona. Луг., 1534.
- Беато (Г.) — Azoth, seu Aureliæ Occultæ Philosophorum, materiam primam et decantatum illum Lapidem Philosophorum, filiis Hermetis solide explicantes. 4то. Франкфурт, 1613.
- Босолей (барон) — De Materia Lapidis. (*Уважаемый.*) 8vo. 1627.
- — De Sulphure Philosophorum Libellus.

- Бехер (J. J.) — Трансмутации в Вене. Лондон, 1681.
- — Physica Subterranea. (*Уважаемый.*) 8vo. Франция, 1669.
- — Institutiones Chemicæ. 4to. Могильфен, 1662.
- — Oedipus Chemicus. Франкфурт, 1664.
- — Laboratium Chemicum. 8vo. Франкфурт, 1680.
- — Opera Omnia. 2 т. fol. (*На немецком языке.*)
- Бегинус — Tyrocinium Chemicum. (*На английском языке.*) Лондон, 1669.
- Бенедиктус — Liber Benedictus, Nucleus Sophicus. (*Аллегорический.*) 8vo. Франкфурт, 1623.
- Бензиус (А. С.) — Philosophische Schaubuhne nebst einen, Anhaug der Weisen. 8vo. Гамбург, 1690.
- — Tractatlein von Menstruo Universali. 8vo. Нюрнберг, 1709.
- — Lapis Philosophorum, seu Medicina Universalis. 8vo. Франкфурт, 1714.
- — Thesaurus Processuum Chemicorum. 4to. Нюрнберг, 1715.
- Bergeri—Catalogus Medicamentorum Spagirice præparatorum. 4to. 1607.
- Берхит — Von Universal Arts Neyen. 8vo. 1709.
- Берле (Джон де) — Опускуле де Философии.
- Берлихиус — De Medicina Universali. 4to. Йена, 1679.
- Бернарди (Комит, *адепт*) — Libèr de Chimia. 12mo. Гейсмария, 1647.
- — De Chimico Miraculo. 8vo. Базили, 1600.
- — La Turbe des Philosophes. 8vo. Париж, 1618.
- — Opus de Chimia. (*Любопытно.*) 8vo. Аргент, 1567.
- — Traité de l'Œuf des Philosophes. 8vo. Париж, 1659.
- — La Parole Delaissée. 12mo. 1672.
- — Epistle to Thomas of Bononia. 24mo. Лондон, 1680.
- — Тревизанский фонтан. Лондон.
- Бернард — Ле Бернард д'Alemagne, cum Bernardo Trevero. 8vo. 1643.
- Бероальде (П.) — Histoire des Trois Princes. 2 т. 8vo. 1610. (*Неуважаемый.*)
-
- Бероальде (П.) — Дворец любопытных. (*Стихотворение.*) 12mo. Париж, 1584.
- — Le Cabinet de Minerva. Руан, 1601.
- Бертеман (М.) — Dame de Beau Soliel — Restitution de Pluton. 8vo. Париж, 1640.
- Бесарди (Ж. Б.) — Antrum Philosophicum, De Lapide Physico, &c. 4to. Август, 1617.
- Бойтер (Д.) — «Универсале эт Партикулярия». 8vo. Гамбург, 1718.
- Биккери (О.) — Hermes Redivivus. 8vo. Ганновер, 1620.
- Билликиус (А. Г.) — De Tribus Principiis. 8vo. Бремен, 1621.
- — Deliria Chimica Laurenbergii. 8vo. Бремен, 1625.
- — Assertionem Chymicarum Sylloge Opposita Laurenbergio. 8vo. Хельмстади, 1624.
- Бирелли (Г. Б.) — De Alchimia. 4to. Флоренция, 1602.
- Бирриус (Мартинус) — Tres Tractatus de Metallorum Transmutatione. 8vo. Амстердам, 1668.
- Бларвенштайн (Сол.) — Contra Kircherum. 4to. Вена, 1667.
- Боэрхаве (Х.) — De Chimia Expurgante suos errores. 4to. Люгдуни Батаворум, 1718.

- Бёме (Якоб) — «Teutonicus Theosophus». Сочинения. Содержит «Аврору», «Три принципа», «Тройную жизнь человека», «Ответы на сорок вопросов о душе», «Трактат о воплощении», «Clavis Mysteriorum Magnum», «Четыре таблицы божественного откровения», «Signatura Rerum», «Предназначение», «Путь к Христу», «Беседа между душами», «Четыре темперамента», «Завещания Христа» и др. Fol. Лондон, 1764-81.
- ——— Произведения, Эллистон и Спарроу. 10 томов. 4to. Лондон, 1659.
- ——— Miroir Temporel de l'Éternité. 8vo. Франция, 1669.
- ——— Idæa Chimiæ Adeptæ Bohmianæ. 12mo. Амстердам, 1690.
- Болнести (Эд.) — Aurora Chimica. Лондон, 1672.
- Болтон (Сэмюэл) — Magical but Natural Physic. 8vo. Лондон, 1656.
- Бонардо (Г. М.) — Minera del Mondo. 8vo. Мантуя, 1591.
- Боно (П., *адепт*) — «Маргарита Новелла». 4to. Базилио, 1572.
- ——— Introductio in Divinam Artem Alchemiæ. 8vo. 1692.
- ——— De Secreto Omnium Secretorum. 8vo. Венеция, 1546.
- Бонво (Ж. Д.) — De l'Astronomie Inférieure. 4to. Париж, 1636.
- Баде (——— де ла) — De l'Énigme trouvé à Pillier. 4to. Париж, 1636.
-
- Борелли (Петри) — Герметический каталог. 12mo. Париж, 1654.
- Борнетти (Д.) — Jatrochimicus. Франция, 1621.
- Борри (Г. Ф.) — La Chiave del Gabinetto. 12mo. Колон., 1681.
- Боррихиус (О.) — De Ortu et Progressu Chemiæ. 4to. Гафния, 1668.
- Борро (Томазо) — Ze Fieriele Tomaso Borro Opere. Венеция, 1624.
- Бойл (Роберт) — Works, *useful*, много изданий.
- Брачески (Дж.) — Gebri Explicatio. 4to. Люгн., 1548.
- Брэдли (Ричард) — «Творение природы». (*Редкое издание.*) 8vo. Дублин, 1721.
- Брачел (П.) — О поддельном питьевом золоте. (*Нем.*) 8vo. Кол., 1607.
- Брандау (М. Эрбинеус) — 12 Columnæ Naturæ et Artis. 8vo. Лип., 1689.
- Бребил (Дж. Ф.) — «Конкурс философов». 8vo. Йена, 1726.
- Бренделиус (Зак.) — De Chimia in Artis Formam Redacta, ubi de Auro Potabile Agit. 8vo. Йена, 1630.
- Бренциус (Эндрю) — Farrago Philos. 8vo. Амберг, 1611.
- Бретон (Л.) — Clefs de la Philosophie Spagirique. 12mo. Париж, 1726.
- Броо (Т. Д.) — Абреге де л'Астрономи Инфериуре... Дес Планеты Эрмитик. 4to. Париж, 1644.
- Браун (Томас) — Кабинет природы. 12mo. Лондон, 1657.
- Бухляйн (———) — Von Farben, und Künsten, auch der Alchimisten. 8vo. 1549.
- Бурчелати (Б.) — «Диалогикум септем философум». 4to. Тревизо, 1603.
- Бургавий (Дж. Эрнест) — Balneum Dianæ. Люд., 1600-1612.
- ——— Introductio in Philosophiam Vitalem. 4to. Франкфурт, 1623.
- Цезарь (Т.) — Alchemiæ Speculum. (*Нем.*) 8vo. Франкфурт, 1613.
- Цезий (Б.) — «Минералогия». (*Ред.*) Фолиант. Луга, 1636.
- Калид — Regis Calid Liber Secretorum. 8vo. Франк., 1615.
- Кампеги (М.) — De Transmutatione Metallorum. 4to. Люд., 1503.
- Carellis (J. de) — De Auri Essentia ejusque Facultate in Medendis Morbis. 8vo. Venet., 1646.

- Карериус (А.) — Quæstio an Metalla Artis Beneficio permutari possint. 4to. Падуя, 1579.
- Каси (Джо.) — Lapis Philosophicus. 4to. Оксфорд, 1599.
- Кастань (Габриэль де) — Œuvres Medicinales et Chimiques — 1. Le Paradis Terrestre. 2. Le Miracle de la Nature Métallique. 3. L'Or Potable. 4. La Médecine Métallique. 8vo. Париж, 1661.
- Катон — Chemicus. 12mo. Липсия, 1690.
- Цефали (Ар.) — «Меркурий триумфальный». 4to. Магдебург, 1600.
- Карл VI — Trésor de Philosophie. 8vo. Париж.
- Шартье (Ж.) — Антимон, священный свинец. 4to. Париж, 1651.
- Шезн (Ж.) — De Plus Curieuses Etrares. Париж, 1648.
- Chevalier Impérial — Miroir des Alchimistes. 16mo. 1609.
- Кьярамонте (Г.) — Эликсир жизни. 4to. Генуя, 1590.
- Кристоп — Париж. (*Адепт*, 13 век.) Chimica. 8vo. Париж, 1649.
- Chymia Philosophica. 8vo. Нюрнберг, 1689.
- Чиколлини (Бараб.) — Via Brevis. Рим, 1696.
- Клаф (Э. Луций) — De Lapide Christo Sophico. 4to. Ингольс, 1582.
- Клавес (Э. де) — Des Principes de la Nature. 8vo. Париж, 1633.
- Клавей (Гас., *адепт*) — Apologia Argyropœiæ. 8vo. Нивер, 1590.
- — De Ratione Proginendi Lap. Philosophorum. 8vo. Нивер, 1592.
- — Philosophia Chimica, Prep. Auri. 8vo. Франк., 1602-1612.
- Клинг (Ф.) — Philosophia Hermetica. (*нем.*) 4to. 1712.
- Cogitationes Circa Alchæst. (*Нем.*) 8vo. Франкфурт, 1708.
- Collectanea Chimica. *Десять трактатов*. 16mo. Лондон, 1684.
- Коллессон (Ж.) — De la Philosophie Hermétique. (*Неуважаемый.*) 8vo. Париж, 1630.
- Коллетель (Г.) — Clavicule et Vie de Raymond Lulle. 8vo. Париж, 1642.
- Колсон (Л.) — Philosophia Maturata. (*Нем.*) 8vo. Гамбург, 1696.
- Комбахиус (Л.) — Соль и секрет философии. 16mo. Лондон, 1657.
- Коменский (Я. А.) — Реформированная естественная философия. 16mo. Лондон, 1651.
- Commentatio — De Lapide Philosoph. 8vo. Кельн, 1595.
- Куринг (Герм.) — De Hermetica Ægyptiorum vetere et Paracelsicorum nova Medecina. 4to. Хельмштадт, 1648.
- Купер (Н.) — Каталог алхимических книг. 8vo. Лондон, 1675.
- Космополита — Новое Свечение. (*Адепт.*) Двенадцать трактатов, Загадка, Диалог и др. Александр Сетон. 8vo. Прага, 1604.
- — Ses Lettres. (*Подделка.*) 2 т. 12mo. Париж, 1691.
- Коццанди (Л.) — De Magisterio Antiq. Колон., 1684.
- Крамери (J. А.) — Fossilium. 2 т. 8vo. Луга. Батавия, 1730.
- Крейлигиус (J. С.) — De Transmutatione Metallorum. 4to. Тубинг.
- Кремери (Гаспар) — De Transmutatione Metallorum. 8vo.
- Кролли (Осв.) — Реформированная философия. 12mo. Лондон, 1657.
- — Basilica Chimica. (*Английский.*) Fol. Лондон, 1670.

- Кроллиус Редививус. Штайн Тинктур. 4to. Франкфурт, 1635.
- Кулпепер (Ник.) — Трехкратный мир. 8vo. Лондон, 1656.
- Курьезы химии. Лондон, 1691.
- Дамми (Матье) — Наблюдения над химией. 8vo. Амстердам, 1739.
- Дастинии (Йохан) — Визио, сеу де Лапиде Философико. (*Английский адепт.*) 8vo. Франк., 1625.
- — Rosarium Correctius. 8vo. Гейсмар, 1647.
- Деани (Э.) — Трактат о различных видах алхимии. (*Редкое издание.*) 4to. Франкфурт, 1630.
- Ди (д-р Артур) — Fasciculus Chemicus. 12mo. Лондон, 1650.
- — (Д-р Джоаннес) — Monas Hieroglyphica. 1564.
- — Propædemnata Aphoristica de Naturæ Virtutibus. 4to. Лондон, 1568.
- Демокрит — De Arte Sacra. (*Адепт.*) 8vo. Падуя, 1573.
- Деодато (К.) — Pantheum Hygiasticum. Брунструти, 1628.
- Dichiaratione, di Enimoni de gl' Antichi Filosifi Alchimisti. 4to. Рим, 1587.
- Дикинсон (Э.) — De Chrysopœia. 8vo. Оксфорд, 1686.
- Disputatio Solis et Mercurii cum Lapide Philos. (*Древняя война рыцарей.*) 8vo. Толио, 1646.
- Донато (Фра., Эремита). (*Адепт.*) Эликсир жизни. Неаполь, 1624.
- Дорнеус (Герард) — Clavis Philosophiæ. 12mo. Люгн., 1567.
- Doux (Gaston le) — Dictionnaire Hermétique. 12mo. Paris, 1695.
-
- Дребеллиус (К.) — Квинта Эссенция. (*Не адепт.*) 8vo. Гамбург, 1621.
- Дюбург (Жак) — Saint Saturne de la Chimie.
- Дюшен — Les Œuvres diverses de M. Duchesne sieur de la Violette. 6 тт. 8vo. Париж, 1635.
- Думбелей (Дж.) — Hortus Amoris Arboris Philosophicæ. 8vo. Франция, 1625.
- Данстан (Святой) — О философском камне. Лондон.
- Eclaircissement de la Pierre Philosophale. 8vo. Париж, 1628.
- Эфферариус (*адепт*) — De Lapide Philos. 8vo. Аргентина, 1659.
- — Thesaurus Philosophicus. (*Уважаемый и редкий.*) 8vo. Аргентина, 1659.
- Эльмуллери (М.) — Opera Omnia. Венеция, 1727.
- Emblemata de Secretis Naturæ Chemicæ. 4to. Оппен., 1618.
- Epistola, cujusdam Patris ad Filium. 8vo. Lugd. Lyons, 1601.
- Epistolarum philos. Chemicarum. Fol. Франкфурт, 1598.
- Эрасти (Томас) — De Auro Potabili. 8vo. Базилиа, 1578-1584.
- Эркен (Лаз.) — De Re Metallica. (*На английском языке, превосходное издание.*) Fol. Франкфурт, 1629.
- L'Escalier des Sages, avec figures. (*Любопытно и редко.*) Fol. Gronigen, 1689.
- Эспанье (Джон) — Enchyridion Physicæ Restitutæ. Париж, 1601.
- — Enchyridion Philosophiæ Hermeticæ. (*Анонимные работы этого уважаемого адепта на английском языке.*) 16mo. Лондон, 1651.
- Эухионтис (А.) — De Aquis, Oleis, et Salibus Philos. 8vo. Франкфурт, 1567.
- Examen des Principes des Alchimistes. 12mo. Париж, 1711.
- L'Expositione de Geber Filosofo. (*Неуважаемый.*) 12mo. Венеция, 1544.

- Эйгеум (М.) — Le Pilote de l'Onde vive, ou le Secret du Flux et Reflux de la Mer et du Point Fixe. (*Редкая книга.*) 12мо. Париж, 1678.
- Фабри (П. Дж., *не адепт*) — Alchimista Christianus. 8vo. Тольдо, 1632.
- Фабриций (Г.) — De Rebus Metallicis. 8vo. Тигури, 1565.
- Фаллопиус (Г.) — «Различные секреты, собранные Г. Ф.». 8vo. Венеция, 1578.
- Фаниани (J. C.) — De Arte Alchimiae. 8vo. Базилио, 1576.
-
- Фаниани (J. C.) — Metamorphosis Metallica. 8vo. Базилио, 1660.
- Фаустиа (J. M.) — Philalethæ Illustratus. 8vo. Франкфурт, 1706.
- — Pandora Chemica. (*Герметические выдержки.*) 1706.
- Фентон (ред.) — Секреты и чудеса природы. Лондон, 1659.
- Фернелиус (J.) — De Abditis Rerum Causis. (*Сомнительно.*) 8vo. Париж, 1560.
- Фернель (Фил.) — Soliloquium Salium. Неаполь, 1649.
- Ферариус — Fratrī Ferarii — Tractatus Integer. 12мо. 1647.
- Ферро (Иошуа) — Trattato de Meravigliosi Secreti. 8vo. Венеция, 1606.
- Фигули (Б.) — Paradisus Aureolus Hermeticus. 4to. Франция, 1600.
- — Auriga Benedictus Spagiricus. 12мо. Norimbergæ, 1609.
- — (G.)—Medicina Universalis. 12мо. Брюссель, 1660.
- Филарето Раколто ди Секрети. 8vo. Флоренция, 1573.
- Le Filet d'Ariadne. (*Герметический.*) 8vo. Париж, 1693.
- Финцки (Т. В.) — Энхиридион Герметико. 16мо. Лип., 1626.
- Фламель (Николас, *адепт*)—Объяснение его иероглифов. 8vo. Лондон, 1624.
- — Le Grand Eclaircissement. 8vo. Париж, 1628.
- — Краткое изложение. 24мо. Лондон, 1680.
- — Le Désir Désiré, ou Trésor de Philosophie. 8vo. Париж, 1629.
- — La Musique Chimique.
- — Annotationes in D. Zacharia. (*Подделка.*) См. Theatrum Chemicum.
- Фладд (Роберт) — Clavis Philosophiæ et Alchimiae. 2 т. Fol. Франкфурт.
- La Fontaine des Amoureux de Science. 16мо. Париж, 1561.
- La Fontaine Perilleuse. (*Предполагается.*) 8vo. Париж, 1572.
- Фрадин (П.) — Histoire Fabuleuse. (*Редкая.*) 8vo. Лион, 1560.
- Франкенберг (Фон) — Gemma Magica. 8vo. Амстелдама.
- Freind (J.)—Prelectiones Chemicæ. 8vo. Амстердам, 1710.
- Фрикиус (J.) — De Auro Potabile Sophorum et Sophistarum. 4to. Гамбург, 1702.
- Фриши (Д. Г.) — Анатомия алхимии. 8vo. Парма, 1696.
- Фрундек (Л.) — De Elixire Arboris Vitæ. 8vo. Гаага, 1660.
- Фурихиус (J. N.) — De Lapide Philosophico. 4to. Аргенторати, 1631.
-
- Габелла (Фил. а)—De Lapide Philos. 4to. Кассель, 1615.
- — Secretioris Philosophiæ Consideratio. 4to. Кассель, 1616.
- Гамон (С.) — Trésor des Trésors. 2 т. 12мо. Лион, 1610.
- Гарландии (J.) — Dictionarium Alchimiae. 8vo. Базили, 1571.

- Gault — Les Erreurs de l'Art Refutées. 4to. Париж, 1588.
- Гебер, Сочинения (*Адепт Хорасана в восьмом веке*). 1. Сумма совершенства. 2. Исследование совершенства. 3. Изобретение истины. 4. Печи. 8vo. Гедани, 1682.
- Герхарди (J. C.) — Panacea Hermetica. 8vo. Ульм, 1640.
- — In Apertorium Lullii. 8vo. Табинг., 1641.
- Германни (Д.) — Judicium Philosophicum. 8vo. 1682.
- Герзан (Франсуа де Суси сеньор де Герзан) — Le Vrai Trésor de la Vie Humaine. 8vo. Париж, 1653.
- — L'Histoire Africaine. (*Химическая*.) 8vo. Париж, 1634.
- — Historie Asiatique Mystique. 8vo. Париж, 1634.
- Джанги (Ринальдо) — Istruzione Speziele. Рим, 1715.
- Джиролани (Флавио) — La Pietro Philosophica. 4to. Венеция, 1590.
- Живри (П.) — Arcanum Acidularum. 12mo. Амстердам, 1682.
- Глаубер (J. R.) — Works. (*Химия*.) Fol. Лондон, 1689.
- Глиссенти (Фабио) — Della Pietra de Filosofi. 4to. Венеция, 1596.
- Глория Мунди. Гамбург, 1692.
- Глюттен — Minerale de Mercurio Philos. 8vo. Липс., 1705.
- Годфри (Б.) — Разнообразные эксперименты. 8vo. Лондон.
- Гонелли (Джозеф) — Thesaurus Philos. Неаполь, 1702.
- Гохори (Ж.) — Ancien Poeme, science minerale. 8vo. Париж, 1572.
- Grand Œuvre — Apologie pour le G. O. par D. B. 12mo. Париж, 1659.
- Грейнджер (Г.) — Парадокс о металлах и жизни. 8vo. Париж, 1640.
- Гратороль (Уильям) — Vera Alchimia. Двадцать три трактата. 2 т. 8vo. Базель, 1572.
- — О философском камне. 4to. Лондон, 1652.
- Гревери (Йод.) — Secretum Magnum. 8vo. Люг., 1588.
- Гревин (Жак) — De L'Antimoine Contre Launay. 4to. Париж, 1567.
- Грошедели (J. B.) — Proteus Mercurialis. 4to. Франкфурт, 1629.
- — Hermetisches Kleeblatt, weisheit. 8vo. Франкфурт, 1629.
-
- Грошедели (J. B.) — Mineralis, seu Physici Metallorum Lapidis Descriptio. 8vo. Гамбург, 1706.
- Guiberto (Mi.) — De Alchimiae Ratione et Experientia. 8vo. Arg., 1603.
- — De Interitu Alchymiae. Тулл, 1614.
- Руководство по алхимии. Лондон.
- Гвиди (J.) — De Mineralibus, De Alchymisticis, De Thesauris. 4to. Венеция, 1625.
- Гиссониус (П.) — De Tribus Principiis. 8vo. Фран., 1686.
- Gulielmi (Dom) — De Salibus. 8vo. Lugd. Batav., 1707.
- Гуиналди (Дж.) — Dell' Alchimia Opera. 4to. Палермо, 1645.
- Адрианеум — De Aureo Philosophorum Lapide. 8vo. Ротомаги, 1651.
- Haffeurefferi (J.) — Officina Hermetico Paracelsica, 8vo. Ulmmæ, N.D.
- Хагедон (Э.) — Secreta Spagirica. Йена, 1676.
- Hannemanni (J. L.) — Ovum Hermetico Trismegistum. Франкфурт, 1694.
- Хапелиус (Н. Н.) — Chieragogia Heliana. 8vo. Марпурги, 1612.

- Хартман (J.) — Opera omnia Medico-Chimica. Fol. Франкфурт, 1684.
 - Haumerie (C.) — Les Secrets les Plus Cachés. Париж, 1722.
 - Хельбеги (J. O.) — Introitus in veram, atque Inauditam Phisicam. 8vo. Гамбург, 1680.
 - — Centrum Naturæ Concentratum. 12mo. Гедань, 1682.
 - — Judicium de Viribus Hermetecis. 12mo. Амстердам, 1683.
 - — Salt of Nature, автор Алипили. 16mo. Лондон, 1696.
 - Helix (францисканец) — Speculum Alchemiæ. 8vo. Fra., 1614.
 - Helmont (J. B.) — Works, перевод. Fol. Лондон, 1664.
 - Хельвеций (Ж. Э.) — О трансмутации. 8vo. Лондон, 1670.
 - Хельвиг (J. O.) — «Curiositates Alchemiæ». 8vo. Лейпциг, 1710.
 - Hermetis Trismegisti, 7 capitula. (Adept.) 8vo. Lips., 1600.
 - — Семь глав, табличка и вторая книга. 8vo. Лондон, 1692.
 - Герметический банкет. 8vo. Лондон, 1652.
 - Гермофил — Canones Hermetici. 8vo. Марбург, 1608.
 - Хейдон (Джон) — Теомагия, или Храм мудрости. В трех частях — духовной, небесной и элементарной. 8vo. Лондон, 1262-3-4.
-
- Хейдон (Джон) — «Венец мудреца... С полным открытием истинного Cœlum Terræ, или Первоматерии философов, с Regio Lucis». 8vo. Лондон, 1664.
 - — Сафирическая медицина. Fol. Лондон, 1665.
 - Hieroglyphica Egyptio-Græca (de Lapide). 4to. Базилиа, 1571.
 - Хоффман (Ф.) — Диссертации по физике, медицине и химии. 4to. Хаф., 1726.
 - Хогеланде (Эвальд) — Historia Transmutat. 8vo. Колония, 1604.
 - — (Тео.) — De Alchimie Difficultatibus. 8vo. Колония, 1594.
 - Холланд (Исаак, *адепт*) — Mineralia Opera de Lapide Phil. Мидл., 1600.
 - — De Triplici Ordine Elixir et Lapidis Theoria. 8vo. Берн, 1608.
 - — Opera Universalis et Vegetabilia. Амх., 1617.
 - — Работа по растениям. 4to. Лондон, 1659.
 - — Универсальные работы. (*Sicut filio suo M. Johanni, Isaaco Hollando e Flandria Paterno animo.*) 8vo. Франкфурт, 1669.
 - Хорней (С.) — De Metallis Medecis. 8vo. Хельм., 1624.
 - Hortulanus Hemeticus. (*Cum fig.*) 8vo. Франкфурт, 1627.
 - — Возрождение царства Сатурна. Лондон, 1698.
 - Hydroyrographum, истинная Огненная Вода. 24mo. Лондон, 1680.
 - Hylealischen, Природный хаос. 8vo. Франкфурт, 1708.
 - Icon Phil. Occultæ. (*Уважаемый.*) 8vo. Париж, 1672.
 - Имперский — Chevalier Impérial. Le Miroir d'Alchimie. 16mo. Париж, 1607.
 - Inconnu — Chevalier Inconnu. La Nature au Découvert. 8vo. Экс-ан-Прованс, 1669.
 - Изабелла — Secreti della Isabella. Венеция, 1665.

- Исагоре — Triunus Dei et Naturæ. 8vo. Гамбург, 1674.
- Иснар (Абель) — La Médecine Universelle. 4to. Париж, 1655.
- Жан — Папа Иоанн XXII. L'Art Transmutatoire. 8vo. Лион, 1557.
- Йебсени (J.) — De Lapide Philosophorum Discursus. 4to. Росточь, 1645.
- Джонсони (Гил.) — Lexicon Hemeticarum. 8vo. Лондон, 1652.
- Йонстони (Дж.) — Notilia Regni Mineralis. 12mo. Лейпциг, 1661.
- Юнгинк (J. H.) Chimia Experimentalis Curiosa. 8vo. Франкфурт, 1687.
-
- Калид (*арабский адепт*). Secreta Alchimiae. 8vo. Лондон, 1692.
- Келлеус (Эд.) — De Lapide Philos. 8vo. Гамбург, 1673.
- Кергери (М.) — De Fermentatione. Виттенберг, 1663.
- Кернери (А.) — De Auro Mercurio Antimonio. 12mo. Эрфурт, 1618.
- Хунрат (Х. Конрад) — Symbolum. (*Уважаемый.*) 8vo. Магдебург, 1599.
- — Magnesia Catholica. 12mo. Арген., 1599.
- — Amphitheatrum Sapientiae Aeternae. 4to. Мар., 1608.
- Кизери (Ф.) — Azoth Solificatum. Мюльхузит, 1666.
- Кирхер (Атан.) — Mundus Subterraneus. 2 т. Fol. Амстердам, 1678.
- Киркмайер (Г.) — De Natura Lucis, de Igne Philos. 4to. Виттеберг, 1680.
- Кейкринги (Т.) — Commentarius in Currum Triumphalem Antimonii. 8vo. Амстердам, 1671.
- Кляйнольд — Oder Schatz der Philosophen, &c. 8vo. Франкфурт, 1714.
- Кнорр (Л. Г.) — Basil Redivivus. (*Нем.*) 8vo. Лип. 1716.
- Кофски (В.) — Vonder Ehrste Tinctur Burtzel. 4to. Дан., 1687.
- Кригсманни (Г. К.) — Commentariolus interpretes Tabulae Hermetis. (*Без указания места издания*).
- Кругер (А. А.) — De Sol. Chemicorum. Brunswici, 1713.
- Кункель (J.) — Эксперименты. 8vo. Лондон, 1705.
- Кунст (J. C.) — De Menstruo Universali. 4to. Hal., 1737.
- Лациниум (J.) — Pretiosa Margarita. 8vo. Венеция, 1546.
- Ланье (Д.) — Consensus Philosophorum. 8vo. Париж, 1601.
- — Harmonie Mystique, ou Accord des Philosophes Chimiques. 8vo. Париж, 1636.
- Ламби (С. Б.) — Откровение тайного духа. 8vo. Лондон, 1623.
- — Итальянский комментарий к вышеуказанной работе, автор Аньелли. 1665.
- Лами (Гийом) — Sur L'Antimoine. 12mo. Париж.
- Лансилотти (С.) — Guida alla Chimia. 12mo. Модена, 1672.
- — Triumfo del Mercurio. 16mo. Модена, 1677.
- — Triumfo D'ell Antimonio. 12mo. Модена, 1683.
- Лангле дю Фреснуа — Histoire de la Philosophie Hermétique, avec Catalogue des Livres Hermétiques. 3 т. 8vo. Хей, 1742.
- — Герметический каталог отдельно. 8vo. Париж, 1762.
-
- Ланис (Франциск Тертый де) — Магистериум. 3 т. Fol. Brix., 1684.
- Lampas Vitae et Mortis. 12mo. Людг. Бат., 1678.

- Lapis Philosophicus—Lapis Metaphisicus. (*Редкое издание.*) 8vo. Париж, 1570.
- — De Lapidis Physici Conditionibus. 8vo. Колон., 1595.
- — De Lapide Philosophico. — 1618.
- — Disceptatio de Lapide Philos. 8vo. Col., 1671.
- Ласниоро (J.) — Tractatus Aureus. 8vo. 1612.
- Лавини (Вен.) — De Cœlo Terrestris. 8vo. Марп., 1612.
- Лазарель (Луи) — Le Basin D’Hermes. 8vo. Париж, 1577.
- Ли (Томас) — «О великолепном бальзаме». Лондон, 1665.
- Лемэри (Ник.) — De L’Antimoine. 12mo. Париж, 1707.
- Лемниус (Лав.) — «Тайные чудеса природы». Фолиант. Лондон, 1658.
- Письмо о секрете Великого Дела. 12mo. Хей, 1606.
- Леонарди (Камилла) — Speculum Lapidem. Париж, 1610.
- Либавий (Анд.) из Галле в Саксонии — 44 работы по различным отраслям алхимии. Fol. Франкфурт, 1595.
- Либери (Б.) — Explanatio in Tincturam Physicorum. 8vo. Франкфурт, 1623.
- Локателли (Люд.) — Theatro D’Arcani Chimici. 8vo. Венеция, 1648.
- Лок (Ж.) — «Philosophie Naturelle». (*Редкая книга.*) 8vo. Париж, 1665.
- Лонгино (К.) — Trinum Magicum. (*Редкая книга.*) 12mo. Франция, 1616.
- Long Livers. Folio. Лондон, 1722.
- Лоссии (Ф.) — De Martis Curationibus. Лип., 1685.
- Lucerna Salis Philos. (*Любопытно. Автор — Джон Харпрехт из Тюбингена, признанный адепт.*) 8vo. Амстердам, 1658.
- Луций (К.) — De Lapide Christo Sophico. 4to. Ингольд., 1582.
- Людовикус Комитус — Практика Мануалис. Франкфурт.
- Лулли (Раймунди, адепт) — Opera Alchemia. 2 т. Лондон, 1673.
- — Opera Omnia. 8vo. Аргентина, 1677.
- — Practica Artis. Fol. Луг., 1523.
- — De Secretis. 8vo. Авг., 1541.
- — De Aquis Super Accurtationes. 8vo. Авг., 1541.
- — Alchimia Magia Naturalis. 8vo. Нюрнберг, 1546.
- — Tertia Distinctio Transmutatione. 4to. Norimb., 1546.
- — Cantilena ad Regem Anglorum. 8vo. Колон., 1553.
- — Summaria Lapidis Abbreviationes. Fol. Базель, 1561.
- — Mercuriorum Repertorium Apertorium. 8vo. Колония, 1566.
- — De Aquis Mineral Epist. Rupert. 8vo. Колония, 1567.
- — Testamentum Novissimum. 8vo. Базель, 1572.
- — De Secretis Medicina Magna. Базель, 1600.
- — Secreta Magnalia Alchimia. Люгн. Бат., 1602.
- — Le Vade Mecum. Abrège de l’Art. 8vo. Париж, 1613.
- — De Conservatione Vitæ. 8vo. Аргентина, 1616.
- — Завещание и кодицилл. 8vo. Лондон, 1680.

- — Clavicule, или Маленький ключ. 24mo. Лондон, 1680.
- — Blaquerna in Lullium—De Amico et Amate. 32mo. Париж.
- — Lullius Redivivus. 8vo. Нюрнберг, 1703.
- — Histoire R. L. par Vernon. 12mo. Париж, 1668.
- Lumière—La Lumière sortant des Tenébres. 12mo. Париж, 1687.
- Маффеи (Г. Э.) — Scala Naturale. 8vo. Венеция, 1564.
- Магнi Философорум Аркани Ревелатор. 12mo. Женева, 1688.
- Маджери (М.) — Lusus Serius. 50 илл. 4to. Франция, 1617.
- — Simbola Aureæ Mensæ. 4to. Франкфурт, 1617.
- — Tripus Aureus. 4to. Франкфурт, 16—.
- — Septimana Philosophica. 4to. Франкфурт, 1620.
- — De Circuito Physico Quadrato. 4to. Франция, 1616.
- — Arcana Arcanissima. 4to. Лондони, 1614.
- — Atalanta Fugiens. 4to. Оппенгейм, 1618.
- — Silentium Post Clamores. 8vo. Франция, 1617.
- — Themis Aurea. 8vo. Франкфурт, 1618.
- — Locus Severus. 4to. Франкфурт, 1617.
- — Maieri Viatorium. 4to. Франкфурт, 1618.
- — De Rosea Cruce. 4to. Франкфурт, 1618.
- — Cantilenæ Intellectuales. 16mo. Рим, 1622.
- — Quatuor Anguli Mundi.
- — Ulyssus. 8vo. Франция, 1628.
- — Verum Inventum. 8vo. Франция, 1619.
- — Civitas Corporis Humani. 8vo. Франция, 1621.
- — Museum Chemicum. 4to. Франция, 1708.
- *(Некоторые из этих редких произведений украшены любопытными и красивыми медными гравюрами).*
-
- Мангети (J. J.) — Bibliotheca Chemica Curiosa. 2 т. Fol. Содержит 133 алхимических трактата, из которых 33 перепечатаны из Theatrum Chemicum, а именно: Арислеус, Артефиус, Аристотель, Авиценна, Арнольд, Альтус Либер Мутус, Анженелли, Альбинус, Бэкон, Бехер, Блавенштайн, Боррихиус, Брачески, Боно, Бернард, Василий, Берно, Балдуин, Катон, Клаудер, Хорталассуса, Куоффелиуса, Дорнеа, Дастина, Эспанье, Фабера, Фаниануса, Фицинуса, Фрибена, Гебера, Джерарда, Гвидо, Гермеса, Хогеланда, Гельвеция, Икона, Джонсона, Калида, Кирхера, Куигмана, Либавиуса, Льюиса, Люлли, Масса Солиса, Мерлина, Морхоффа, Мориена, Мальвизия, Ф. Мирандола, Т. Нортон, Ортилиус, Парацельс, Филалеф, Панталеон, Риппи, Ричард, Рупессисса, Сакс, Сендивогиус, Столейус, Тоденфельд, Задит, Захария. Кол, 1702.
- Манна — О благословенной манне философов. Лондон, 1680.
- Маргарита Философская. 4to. Василий, 1583.
- Диалоги Марии Египетской. (Адепт.) А.М. 3630. 8vo. Лейпциг, 1708.
- Марк (Б.) — Герметическая философия господ. 8vo. Страсбург, 1701.
- Марс Философский, вел Азот. 8vo. Франция, 1656.

- Мартиньер (Ла) — Le Tombeau de la Folie. 12mo. Париж.
- Массин (П.) — De la Pierre Philosophale.
- Мазотта (Б.) — De Triplici Philosophia. 4to. Банония, 1653.
- Медичи (К. де) — Конкурс философов. 8vo. 1706.
- Медицина металлов, или Трансмутация. 4to. Лип., 1723.
- Медицинская, Универсальная солнечная. 8vo. Гамбург, 1706.
- Меерхайм (Т. Г.) — Discours Curieuser Sachen, &c. 8vo. Лейпциг, 1708.
- Мельцери (Н.) — Lapis Philosophorum. Fol. 1449.
- Меннеус (Г.) — Sacrae Philosophiæ. 4to. Антверпен, 1604.
- Меркурий Трисмегист — Sapientia Dei. Базиль, 1532.
- Mercurius Redivivus. (*Редкое издание.*) 4to. Франция, 1630.
- Mercurius Triumphans. (*Редкое издание.*) 4to. Магдален, 1600.
- Mercury's Caducean Rod, автор Клейдофор. 16mo. Лондон, 1704.
- Мerezини (Ти.) — Металлическая транссубстанция. 8vo. Ган., 1593.
- Мен (Жан де) — Ses Œuvres. 3 тома. 12mo. Париж, 1735.
- — Le Miroir d'Alchimie. 18mo. Париж, 1613.
- Мердрак (Мария) — Свет химии. (*Нем.*) 12mo. Фран., 1712.
- Мейсоннье (Л.) — La Belle Magie. Лион, 1669.
- Милий (Ж. Д.) — «Медико-химическое сочинение с иллюстрациями» (*Неуважаемый*). 4-й формат. Франция, 1620.
-
- Милий (Ж. Д.) — «Philosophia Reformata». (*Любопытно.*) 4to. Франция, 1622.
- Minderii (R.) — Disquisido Jatrochimica. Август, 1618.
- Minera del Mondo, Secreti di Natura. 12mo. Венеция, 1659.
- Minzicht (H.) — Thesaurus Medico-Chimicus. 8vo. Гамбург, 1638.
- Мизальди (А.) — Memorabilium IX. Centuriæ. 16mo. Кёльн, 1572.
- — De Lapide Aureo Philosophico. 4to. Гамбург, 1631.
- Молли (Н.) — Physica Hermetica. 8vo. Франкфурт, 1619.
- Монтани (J. B.) — De Arte Alchemia, libri xviii.
- Монте (J.) — De Medicina Universali. 8vo. Франкфурт, 1678.
- — Hermetis, Erlauterung dess Hermetischen Guldenen Fluss. 8vo. Ульм, 1680.
- Морестель (П.) — De La Pierre Naturelle. 12mo. Руан, 1667.
- Морхоффи (Д. Г.) — De Metal Transmut. 8vo. Гамбург, 1673.
- Мориенус (*адепт*) — De Transfiguratione Metallorum. 4to. Ган., 1565.
- Морлей (К. Л.) — «Collectanea Chemica» (*Уважаемый*). 8vo. Амстердам, 1702.
- Мормии (П.) — «Arcana Naturæ». Люгн, 1630.
- Мортии (J.) — Opera Varia. Люг. Бат., 1696.
- Мозе (Дер фон) — Urtheilende Alchymist. 8vo. Черн., 1706.
- Motren (M.) — Amadis de Gaule Livre. 14me. (*Различные издания.*)
- Муйе (П.) — La Vie de P. M. de Carcassonne, avec figs. 8vo. Париж, 1613.
- Мюллер (А.) — Paradiess-Spiegel. 8vo. Лейпциг, 1704.
- — (J. E.) — Des Steins der Weisen. 8vo. Франкфурт, 1707.

- Мюллери (П.) — *Miracula Chemica*. 12мо. Реджо, 1614.
- Мутус Либер (*Альтус*) — Процесс в пятнадцати взглядах. Фолиант. Руп., 1677.
- *Museum Hermeticum* — 21 трактат следующих авторов: Альце, Кремер, Фламель, Гидролитус, Гельвеций, Лампспринг, Де Мён, Минсхт, Майерус, Т. Нортон, Филалеф, Пансоф, Сендивогус. Франкфурт, 1677.
- Милий (J. D.) — *Philosophia Reformata*. Франция, 1622.
- Мисии (Ф.) — *De Secretis Antimonii*. 8vo. Василий, 1575.
- Набре (Г. Б.) — *Il Metamorfosi Metallico Humano*. 4to. Брешия, 1564.
- Надасти (Теодо.) — *Teorica Prattica*. Космополит, 1718.
- Насари (Дж. Б.) — *Della Transmutat*. 4to. Брешия, 1599.
-
- Насари (J. B.) — *Concordanza dei Filosofi*. 4to. Брешия, 1599.
- Природа — История природы, подтвержденная опытом. 8vo. Лондон, 1678.
- Наксагорас (Й. Эквитис фон) — *Veritas Hermetica*. 8vo. Вратислав, 1712.
- — *Alchimia Denudata*. (*Нем.*) 8vo. Вратислав, 1716.
- — *Aurea Catena Homeri*. 12мо. Липси, 1728.
- — Конкорда Философская.
- Неандер (Теоп.) — *Heptas Alchimica*. 8vo. Галле, 1621.
- Нехуси (Генр.) — *Tres Tractatu de Lapide*. (*Любопытно.*) 16мо. Ханов, 1618.
- Ноллиус (Г.) — Теория герметической философии. 8vo. Ганновер, 1617.
- — *Corruption and Generation*. 8vo. Лондон, 1657.
- Нортони (Самуэлис) — *Septem Tractatus Chimici, cum Figuris*. 1. Католическая физика. 2. Эликсир витриол. 3. Возрожденная ртуть. 4. Лекарство жизни. 5. Насыщенный Сатурн. 6. Драгоценные камни из гальки. 7. Алхимия. 4to. Фран., 1630.
- Нортон (Томас) — «Ординал алхимии». 4to. Лондон, 1652.
- Нуйсмент (Дом) — Истинная соль философов. 8vo. Лондон, 1657.
- Оакан (Д. А., испанец) — Комментарий к притчам Арнольда. Фолиант. Испания, 1514.
- Олимп — *Le Grand Olympe, ou Explication de 79 Metamorphoses*. (*Автор этого трактата, по ложным сведениям, был другом Фламеля.*) 8vo. Франция, 1614.
- *Opuscula Diversorum Authorum*. 8vo. Франция, 1614.
- *Opus Tripartitum de Philosophorum Arcanis*. 8vo. Лондон, 1678.
- Оронтий (Финей) — *De Philosophorum Lapide*. 4to. Париж, 1542.
- *Or Potable* — *Discours des Vertus de l'Or Potable*. 12 мо. Париж, 1575.
- Ортоланус — *Practica Vera Alkimik*. Париж, 1358.
- Падуа (J.) — *Sapientia Consummata*.
- Паже (Ж.) — Чудеса творения. 8vo. Париж, 1632.
- Палисси (Б.) — *Les Moyens de devenir Riche*. 12мо. Париж, 1636.
- — *Du Jardinage et de la Chimie*. 8vo. Париж, 1580.
- *Palladis Chemicæ Arcana Detecta*, J. B. Marnigue. (*Редкое издание.*) 8vo. Женева, 1674.
-
- *Palladium Spagiricum*. 8vo. Париж, 1624.
- *Palmarii* (Petri, M.D., Париж) — *Lapis Philosophicus*. 8vo. Париж, 1609.
- Памфилус (Луцидас) — *Theatri Alchymistico-Medici breve et jucundum spectaculum*. 8vo. 1681.

- Панса (Март.) — Libellus Aureus. 8vo. Лейпциг, 1615.
- Панталеонис — Bifolium Metallicum. 8vo. Нюрнберг, 1676.
- Панфей (J. A.) — Sacerdos Venetus, de Arte et Theoria Transmutationis Metallicis. 8vo. Париж, 1550.
- Paracelsi Theophrasti Opera Omnia. 3 т. Fol. Gen., 1662.
- — Compendium Vitæ et Catalogus. Базель, 1568.
- — Pyrophilia Vexationem. 8vo. Базилис, 1568.
- — Septem Libri de Gradibus Philosophiæ Magnæ.
- — De Tartaro. 8vo. Базилис, 1570.
- — Archidoxorum, lib. x. 8vo. Колон., 1570.
- — Aurora. 8vo. Василий, 1577.
- — Ключ к философии. 8vo. Лондон, 1580.
- — De Mercuriis Metallorum. 8vo. Колония, 1582.
- — Medico-Chimico Chirurgica. 12 т. 4to. Франкфурт, 1603.
- — Симпатия. 8vo. Лондон, 1656.
- — Химическая трансмутация. 8vo. Лондон, 1657.
- — Философия для афинян. 12мо. Лондон, 1657.
- — Рецепт 114 лекарств. 4to. 1659.
- — Архидоксис тайных знаний и эликсиров. 8vo. Лондон, 1663.
- — Философия адептов. 8vo. Базилис.
- Симпатическая мумия Паркхерста. Лондон, 1653.
- Партриций (Ф.) — Магия Филоса. Зороастр. 8vo. Гамбург, 1593.
- Партридж (Джон) — Сокровищница секретов. 8vo. Лондон, 1591.
- Пайзан — Le Petit Paysan. Алхимический. (*Немецкий, редкий.*) 8vo. Страсбург, 1619.
- Пеллагии Греци, In Democritum Abderitam, de Arte Sacra, sive de Rebus Mysticis, et Naturalibus comment. 8vo. Кёльн, 1574.
- Пеллетье, L'Alcæst de Helmont. (*Уважаемый.*) 12мо. Руан, 1704.
- Penotus (B.)—Alchemist's Enchiridion. 12мо. Лондон, 1692.
- — De Materia Lapidis Philosophorum. 8vo. Берн, 1608.
- Персонс (Дэвид) — Саламандра. 4to. Лондон, 1636.
- Петрей (Х.) — Нозология Герметическая. 4to. Марбург, 1614.
-
- Петти (Джон) — «Законы о шахтах Англии». Фолиант. Лондон, 1610.
- Фармунди (Дж. П.) — Compendium Hermeticum. 12мо. Франкфурт, 1635.
- Филадельфия, или Братская любовь. Лондон.
- Филалеф (Ириней) — Introitus Apertus ad Occlusum Regis Palatium, edente Joanne Langio. 8vo. Амстелдама, 1667.
- — Medulla Alchymiae. 8vo. Лондон, 1664. (*В стихах и на английском языке.*)
- — Рипли, переработанное издание. С комментариями Филалетеса. 8vo. Лондон, 1678.
- — Experimenta de Præparatione Mercurii Sophici. 8vo. Амстел., 1668.
- — Enarratio Methodica trium Gebri Medicinarum. 8vo. Амстел., 1668.
- — Tractatus Tres ... edente Martino Birrio. 8vo. Амстердам, 1668.

- — Vera Confectio Lapidis Philosophici. 8vo. Амстердам, 1678.
- — (Eugenius) — Anthroposophia Theomagica. Anima Magica Abscondita. 8vo. Лондон, 1650.
- — Magia Adamica. К которому добавлено совершенное и полное Открытие *Cœlum Terræ*. 8vo. Лондон, 1650.
- — Lumen de Lumine. 8vo. Лондон, 1651.
- — Aula Lucis. 1652.
- — Euphrates; or, The Waters of the East. 8vo. Лондон, 1655.
- — Слава и исповедь братства Р. К. с заявлением об их физической работе. 8vo. Лондон, 1659.
- — (Ириней Филопонос, т. е. Джордж Старки) — Суть алхимии. 12мо. Лондон, 1709.
- — (Б. П.) — Энхиридион алхимии. Лондон, 1692.
- Филалеты — Трактат о превращении металлов и т. д. 12мо. Гамбург, 1675.
- Филалета (Т.) — Теософический зал чудес. 8vo. 1709.
- Philosophus Gallus — De Arbore Solari. 8vo. Аргентина, 1659.
- Пикус де Мирандола (J. F.) — De Auro. 4to. Венеция, 1586.
- Пьетра де Философа Катала. Асколи, 1737.
- Пинаус (В.) — De Concordia Hipoc et Parcels. 8vo. Арг., 1569.
- Питторе (М. Г.) — Диалоги. Венеция, 1550.
- Plan — Projet du Plan de la Création. 8vo. Париж, 1653.
-
- Планис Кампи (Д.) — L'École Transmutatoire. 8vo. Париж, 1633.
- — De la Médecine Universelle. 8vo. Париж, 1633.
- Платт (Х.) — Дом искусства драгоценных камней. 4to. Лондон, 1594.
- Полити (А.) — Libri duo de Quinta Essentia Solutiva. 4to. Палермо, 1613.
- Понтанус (Джон, *адепт*) — Софический огонь. 24мо. Лондон, 1624.
- — De Rebus Celestibus. Флоренция, 1520.
- Поппии (И.) — «Ходогетикус Хемикус». (Нем.) 1627.
- Поппиус (Г.) — Basilica Antimonii. 4to. Франция, 1618.
- Порта (Дж. Б.) — De Æris Transmutationibus. 4to. Рим, 1610.
- — Magia Naturale. Наполи, 1611.
- Потье (М.) — Apologia Hermetico-Philosophica. 4to. Франция, 1630.
- — De Vera Materia et Processu Lapidis. 8vo. Франц., 1617.
- — Philosophia Pura. 8vo. Франкоф., 1617.
- — Fons Chemicus, *id est*, Vera Auri Conficienda. 4to. Col., 1637.
- — (Р.)—Opera Omnia. (Неуважаемый.) 4to. Франк., 1692.
- Тайная печать секретов, или Первая материя. Лондон, 1680.
- Процессы для создания философского камня. (Нем.) 8vo. Йена, 1704.
- Прудом (Р.)—Deux Merveilles. 12мо. Париж, 1669.
- Пругмайр (М.) — De Vero Elixire Vitæ. 8vo. Зальцбург, 1687.
- Кверцетан (Ж.) — Герметическая физика. 4to. Лондон, 1605.
- Книга алхимии Раббарда (Рафаэля). 4to. Лондон, 1591.
- Рамсайя (К. А.) — Observationes, J. Kunkell. Ротт., 1678.

- Ранта (Мариани), *английская* пророчица — Apocaliptica Clavis Auri Facturum Brevi Promittens. (*Редкое издание.*) 8vo. Толуз.
- Рафаэлис (С.) — De Sale, Sulphure, et Mercurio. 12mo.
- Раттри (Сильв.) — Theatrum Sympatheticum. Нюрнберг, 1658.
- Reconditorum Opulentiae, sapientaeque mundi magni, &c. (*Уважаемый.*) Amst., 1666.
- Regio Salutifera — Prima Materia. 8vo. Fran., 1708.
- Reinecerri Thesaurus Chemicus. 8vo. Lipsiae, 1609.
- Renaudot (E.)—De L'Antimoine Justifié. 4to. Париж, 1653.
- Respom — Sur L'Esprit Minérale. 12mo. Париж, 1668.
- Рейхери (С.) — De Juridice Philosophica. 4to. Кибия, 1692.
-
- Ренэни (Ж.) — «Aureus Tractatus». 4to. Франкфурт, 1612.
- — Decades Duæ, seu Syntagma harmoniæ Chemicorum—Rhasis, Merlin, Guido, Saure, Wittich, Dumbel, Gratian, Antonio, Aquinas, Dastin, Salamon, Small Rosary. 8vo. Франция, 1625.
- — De Solutione Materiæ. 8vo. Франция, 1635.
- Родагири (Л.) — De Solutione Philosophica. 8vo. Люгн., 1566.
- Ришбур (Ж. М.) — Bibliothèque. Восемнадцать трактатов. Артефиус, Азот, Древняя война, Бернард, Василий, Фламель, Гебер, Гермес, Ортулайн, Мориен, Мария, Турба, Захария. 3 тома. 12mo. Париж, 1741.
- Риплей (Георгий, *адепт*) — Opera Omnia. 8vo. Касселис, 1649.
- — Трактат о ртути. Лондон, 1680.
- — Книга сердца, Accurtations. 8vo. Лондон, 1680.
- Ривьер (Чезаре делла) — Il Mondo Magico. Милан, 1605.
- Робертус (Валенсис) — De Antiquitate Artis Chemiæ. 8vo. Люгн, 1602.
- Роша (Н.) — Демонстративная физика. 8vo. Париж, 1643.
- Rodostanticum Speculum. (*Нем.*) 4to. 1618.
- Родоканацис (К.) — О сурьме. 4to. Лондон, 1664.
- Рольфинциус (Г.) — «Меркурий металлов и минералов». 4to. Йена, 1670.
- Розариум Новум — De Lapide Benedicto. 4to. Германия, 1668.

Розенкрейцеры.

- Communis et Generalis Reformatio Totius Mundi. (*Нем.*) 8vo. Кассель, 1614.
- Fama Fraternitatis заслуженного ордена R. C. (*нем.*) 8vo. Кассель, 1614.
- Secretioris Philosophiæ Consideratio Brevis à Philippo à Gabella, Philosophiæ studioso, conscripta; et nunc primum unà cum Confessione Fraternitatis R. C., in lucem edita. 4to. Касселис, 1615.
- Exercitatio Paracelsica Nova de Notandis ex Scripto Fraternitatis de Rosea Cruce. (*См. Andreas Libavius' Examen Philosophiæ Novæ, quæ veteri abrogandæ opponitur.*) Fol. 1615.
- Анализ Исповеди Братства Розового Креста для наставления и обучения тех, кто желает узнать, как следует судить об этой новой фракции. Фолиант 1615.
- Chymische Hochzeit: Christiani Rosencreutz. Anno 1459. 8vo. Страсбург, 1616.
-

- Эхо озаренного Богом Братства Достойного Ордена R. C. (? Юлиус Спербер). 8vo. Данциг, 1615.
- Юлиан де Кампис — Открытое письмо или отчет, адресованный всем, кто читал что-либо о новом Братстве R. C. (нем.) 8vo. 1616.
- Андреас Либавий — Доброжелательные возражения относительно славы и исповеданий Братства R. C. (нем.) 8vo. Франкфурт, 1616.
- Fama Remissa ad Fratres Roseæ Crucis. (Нем.) 8vo. 1616.
- Радтихс Бротоффер — Элюцидариус Майор, или Эклеухтерунге убер ди Реформацио дер Ганзен Вайтен Вельт. 8vo. 1617.
- Fraternitatis Rosatæ Crucis Confessio Recepta. (Автор: A. O. M. T. W.) 8vo. 1617.
- Fredericus G. Menapius (м. е. Иоганн Валентин Альберти) — Epitimia F. R. C. Окончательное проявление или открытие достойного и почитаемого Ордена R. C.... Написано по приказу вышеупомянутого Общества Иринеем Агностом (Менапиусом). *Нападки на Общество.* (Нем.) 8vo. 1619.
- — I. Менапиус Розае Круцис, а именно: возражения со стороны единогодушного братства против малоизвестного и неизвестного писателя Ф. Г. Менапиуса. (*С другими вопросами. Также является скрытой атакой, написанной Менапиусом.*) 8vo. 1619. (Немецкий.)
- Флорентинус де Валентия — Rosa Florescens contra F. G. Menapii Calumniis. 8vo. 1617.
- Judicia de Statu Fraternitatis de Rosea Cruce. 12mo. 1617.
- Responsum ad Fratres Rosaceæ Crucis Illustres. 12mo. 1618.
- F. R. C.—Fama e Scanzia Redux. 12mo. 1618.
- φλενοθιονρεδας.—Noc est Redintegratio. (Адресовано Братству Розового Креста.) 8vo. 1619.
- Иоганн Валентин Андреас — Turris Babel, sive Judicium de Fraternitatis Roseæ Crucis Chaos. 24mo. Argentorati, 1619.
- С. Р. (м. е. Синкерус Ренатус, псевдоним Зигмунда Рихтера) — Совершенное и истинное приготовление философского камня, согласно секрету Братства Золотого и Розового Креста. С правилами вышеупомянутого ордена для посвящения новых членов. 8vo. Бреслау, 1710.
- Тайные символы розенкрейцеров XVI и XVII веков. Fol. Альтона, 1785-88.
- Иоахим Фриц (? Роберт Фладд) — Summum Bonum, quod est verum subjectum veræ magicæ, cabalæ, alchymię Fratrum Roseæ Crucis verorum in dictarum scientiarum laudem, et insignis calumniatoris ... M. Mersenni dedecus publicatum. Fol. Франкфурт, 1629.
- Томас Воган (Эвгений Филалев) — «Слава и исповедь братства R. C. с приложением предисловия и кратким описанием их физической работы». 8vo. Лондон, 1652.
- Джон Хейдон — Непогрешимые аксиомы розенкрейцеров. 12mo. Лондон, 1660.
- — Святой путеводитель, ведущий к чуду мира. 8vo. Лондон, 1662.
- — Теомагия, или Храм мудрости. В трех частях — духовной, небесной и элементарной. 8vo. Лондон, 1662-3-4.
- — Корона мудреца, или Слава Розового Креста. 8vo. Лондон, 1664.
- — Эль-Хаваревна, или Английский учитель врача в астроболлизме металлов Розового Креста. 8vo. Лондон, 1665.
- Харгрейв Дженнингс — Розикруцианцы: их обряды и тайны. С главами о древних поклонниках огня и змеи, а также объяснениями мистических символов, изображенных на памятниках и талисманах древних философов. 8vo. Лондон, 1870.

- Артур Эдвард Уэйт — «Настоящая история розенкрейцеров. Основанная на их собственных манифестах, фактах и документах, собранных из писаний посвященных братьев». 8vo. Лондон, 1887.
-

- Рознель (П.) — Le Mercure Indien. (*Любопытно.*) 4to. Париж, 1672.
- Росселло (Т.) — «Secreti Universali». 8vo. Венеция, 1574.
- Россинус (Х.) — De Opera Dei Creationis. 4to. Франция, 1597.
- Ротшкольци (Ф.) — Bibliotheca Chimica. 4to. 1719.
- ——— Bibliotheca Chemia Curiosa Adornata. 12mo. Норвегия, 1720.
- Руйяк (П.) — Practica Operis Magni. 8vo. Люгн., 1582.
- Русселе — La Chrysospagirie. 8vo. Лион, 1582.
- Рудениус (М.) — Bendencten Von der Alchimistischen Artzen Kunst. 8vo. Лип., 1605.
- Руэлли (Ж.) — De Natura Stribium. 2 тома. 8vo. Венеция, 1538.
- Рулланди (М.) — Прогимнасматы алхимии. 8vo. Франкфурт, 1607.
-
- Рулланди (М.) — Lexicon Alchimiae. 4to. Франкфурт, 1612.
- Рупецисса (Йохан, *адепт*) — Coelum Philosophorum. 8vo. Париж, 1543.
- ——— De Quinta Essentia Rerum Omnium. 8vo. Базилис, 1561.
- ——— De Secretis Alchemiae. 4to. Колумб Аги, 1579.
- ——— Livre de Lumière. 16mo. Париж.
- Сабор (Кр. Фер.) — Practica Naturæ vera Preparatio Lapidis Mineralis de Antimonio. (*Нем.*) 8vo. 1721.
- Сенье (Ж.) — Magni Lapidis Naturalis Philosophia. 4to. Бремен, 1664.
- Сен-Ромен — Эффекты божественного камня. 12mo. Париж, 1679.
- Салаэ (Ангели) — Opera Medico-Chymica Omnia. 4to. Ротомаги, 1650.
- Сейл (Де) — De Secreto Philosophorum. 8vo. Кассель, 1651.
- Сэлмон (Уильям, доктор медицины) — Hermes, Kalid, Pontanus, Artephius, Geber, Flamel, Bacon, Ripley. 8vo. Лондон, 1692.
- ——— Bibliothèque. Содержит двенадцать трактатов известных адептов. 12mo. Париж, 1672.
- Saltzhal (S.) — De Potentissima Medicina Univali. 8vo. Аргентина, 1659.
- Сапиентия — Clavis Majoris Sapientiae (Артефиус). 8vo. Париж, 1609.
- Соутри (Джон) — О философском камне. 4to. Лондон, 1652.
- Шеннеманнус (Х.) — De Medecina Reformata seu denario Hermetico-Chemico. 8vo. Франция, 1617.
- Шлерон (Х.) — De Lapide Philosophorum. 8vo. Марпус, 1612.
- Шлюссель — «Zur Findung dess Steins der Weissen». 8vo. Лейпциг, 1706.
- Шольций (Л.) — Summum Philosophiae. Fol. Ганау, 1610.
- Шотти (К.) — Physica Curiosa cum Figuris. 4to. Герб., 1667.
- ——— Mirabilia Artis. 2 т. 4to. Норим., 1664.
- Шулеры (С.) — De Miraculo Chemico. 1616.
- Шверцер (Сибальд) — Chrysopoeiae. (*Уважаемый.*) 8vo. Гамбург, 1618.
- Scientia Exemplar (ex *Lagneo*). 4to. Ульм, 1641.

- Скот (Патрик) — Tilling of Light. 8vo. Лондон, 1623.
-
- Скоти (Майкл) — De Secretis Naturæ. 12mo. Франкфурт, 1614.
- Себилиста (В.) — Manuale Hermeticum. 4to. Вольф., 1655.
- Secrets Disclosed of the Philosopher's Stone. 24mo. 1680.
- Сейлерус — Об обнаруженном трансмутирующем порошке. 4to. Лондон, 1633.
- Сель — Du Sel de Sapience. (*Неуважаемый*). 8vo. Париж, 1619.
- Semita Rectitudinis de Alchemia. 8vo. Гратианополи, 1614.
- Сендивогиус (Мих.) — De Vero Sale. (*Поддельное.*) Франция, 1651.
- — Новый свет алхимии.
- Сенфрид (J. Н.) — Medulla Naturæ. 8vo. Тальцлах, 1679.
- Сеннерт (Д.) — «Основы химии». 8vo. Лондон.
- Северини (Петри) — Totius Philos. Adeptæ. 8vo. Базилиа, 1572.
- Северино (Сципионе) — Triomfo d'Ell Alchimia. 8vo. Венеция, 1691.
- — Filosofia Alchemia. Венеция, 1695.
- — Комментарий к Люлли. (*Итальянский.*) 1684.
- Сейфарт (А.) — Klar und Deutliche Luortering. 8vo. Лейпциг, 1723.
- Сферца (Ла) — De Gli Alchemisti. Лион, 1665.
- Сидрах — Le Grand Fontaine de Science. 4to. Париж, 1514.
- Симпсон — О ферментации. Лондон, 1675.
- Снойус (Р.) — De Arte Alchimicæ. Fol. Франкфурт, 1620.
- Сол Сине Веста (*анонимный адепт*). Амстердам, 1684.
- Спачери (С.) — Alchimia, cum Figuris. 4to. 1616.
- Спербери (J.) — Argumentum in Veram Triunius Dei et Naturæ. 8vo. Гамбург, 1672.
- — De Materia Lapidis. 8vo. Гамбург, 1674.
- Шталы (Г. Э.) — Fundamenta Chimicæ. 4to. Нюрн., 1723.
- Старки (Г.) — Pyrotechny Asserted. 12mo. Лондон, 1658.
- — Nature's Explication. 1658.
- — Marrow of Chemical Physic. 12mo. 1661.
- Стиб (И. С.) — Эликсир Солис. 12mo. Франкфурт, 1672.
- — Cœlum Sephiroticum. Fol. Moguntia, 1679.
- Стиссер (J. А.) — «Акта Лабораторие Джесие». 4to. Хелен., 1701.
- Стольций (Д.) — «Виридиариум Химикум, кум Фигурис». Франк., 1624.
- — Hortulus Hermeticus, cum Figuris. 8vo. Франкфурт, 1627.
- Струтиус (J.) — Medecina Priscorum. Люгн., 1600.
- Струвий (Э. Г.) — Chemicum sine Igne. 8vo. Йена, 1715.
- Сурмити (J.) — Physica Electiva. 4to. Нор., 1697.
- — In Collegium Experimentale Curiosum. 4to. Norim., 1701.
-
- Зухтен (Алекс.) — Clavis Alchemicæ. (*Нем.*) 8vo. Монтис., 1614.
- — Secrets of Antimony. 8vo. Лондон, 1670.
- Sudum Philosophicum. 8vo. Гамбург, 1660.

- Сведенбург (Эм.) — Regnum Minerale. 3 т. Fol. Лиса, 1734.
- Synes — De Sapientia Divina. 12mo. Lutet., 1635.
- T. W.—Marrow of Chemical Physic. Лондон, 1659.
- Табула Септем Синопсим Лapidис. Эрф., 1598.
- Тахемиус (От) — De Liquore Alkæst. 4to. Гамбург, 1655.
- ——— Hippocrates' Viperine Salt. 4to. Лондон, 1677.
- Tackii (J.) — Triplex Phasis Sophicus Solis arbe expiditus. 4to. Франкфурт, 1673.
- Танкинс (J.) — Сборник по алхимии на немецком языке. Лейпциг, 1610.
- Teichmeyer (H. F.) — Institutiones. Йена, 1729.
- Тенцелиус (А.) — Medecina Diastatica. 12mo. Йена, 1629.
- Theatrum Chemicum. Двести девять трактатов Арнольда, Альберта, Аугмелли, Аристотеля, Аквината, Алануса, Альветануса, Альфонсо, Авиценны, Артефиуса, Афоризмов, Бэкона, Бальбиуса, Бернарда, Берно, Бона, Бренциуса, Бросса, Блавенштайна, Каравантиса, Коллесона, Кристофера, Ди, Дорнеа, Демокрита, Эгидиуса, Эка, Фицинуса, Фаниана, Фламея, Ферриуса, Гастона, Гревериуса, Гроссиуса, Хаймониса, Гермеса, Хогеланда, Хорниуса, Исаака, Калида, Лагнеуса, Ласиноро, Лавиния, Лациния, Лампспринка, Люлли, Муффетуса, Марии, П. Мирандола, Микрерис, Менеус, Монах, Нигриус, Ортхелиус, Одомар, Ортолан, Понланус, Пенотус, Панфеус, Платон, Федидо, Кверкетан, Редаргии, Рупецисса, Рипли, Ричард, Розарий, Фазис, Сендивогиус, Силенто, М. Скотт, Тритемий, Турба, Трогинани, Вогелиус, Вентма, Валленсис, Вигенерас, Захария, Зонетус, Задит. 6 т. 8vo. Аргентина, 1662.
- Теобальди (Захария) — Аркана Натурае. 4to. Норин., 1628.
- Том Аквинский — Secreta Alchemiæ. 4to. Колон., 1579.
- ——— Thesaurus Alchemiæ. 8vo. Lugd., 1602.
- ——— De Esse et Essentia Mineralium. (Подделка.) 4to. Венеция, 1488.
- Тор (Г.) — Cheiragogia Heliana. (Английский.) 8vo. Лондон, 1659.
- Торнбург (Джон) — Nihil, aliquid, omnia in gratiam eorum qui artem auriferam Phisico-chimice et pie profitentur. 4to., Оксфорд, 1621.
-
- Турнейссерс (Лео) — Hœchste subtilität der Alchimia. 4to. Мюнхен, 1569.
- Tombeau de la Pauvreté, par Atramont. 12mo. Париж, 1673.
- Tombeau de Semiramis. 8vo. Par., 1689.
- Трактат — Gulden Rose Chit der Natur, &c. 8vo. 1706.
- Трактат о древних тайнах. 8vo. 1612.
- Трактат. 7 Von Stein der Weissen. 8vo. Гамбург.
- Tranas Facilis ad Hermetis Artem. 12mo. Королополи, 1686.
- Transformation Métallique. 8vo. Париж, 1651.
- Transfiguratione Metallorum (De). 8vo. Ханов., 1593.
- Сокровище сокровищ. 24mo. Лондон, 1680.
- Три трактата о трансмутации металлов. Амстердам, 1668.
- Тринум — Кофски, Альфидиус и Люлли. 8vo. Арг., 1699.
- Triomphe Hermétique (т. е. Древняя война рыцарей). 12mo. Амстердам, 1689.
- Trifolium Hermeticum. (Нем.) 1629.
- Тримозин (С., *аделт*) — La Toison d'Or. 8vo. 1611.

- Тритемий (J.) — De Lapide Phil. 8vo. 1611.
- Trinum Magicum Opus Secretorum. 12mo. Транс., 16, 1809.
- Trompette de Philosophie Hermétique. 12mo. Париж.
- Tubicum Conviviale Hermeticum. 4to. Гедани, 1682.
- Тимме (J.) — Открытый шкаф природы. 4to. Лондон, 1612.
- Ульстадий (П.) — Cœlum Philosophorum. 12mo. Люгн, 1553.
- Унцерус (М.) — Anatomia Mercurii. 4to. Хейл Сакс., 1620.
- Урбигеро (Баро, *адепт*) — Афоризмы. 12mo. Лондон, 1690.
- Валленсис (Р.) — De Veritate et Antiquitate Artis Chemicæ. 16mo. Париж, 1651.
- Валентин (Василий, *адепт*) — Последнее завещание, Практика, Двенадцать ключей, Руководство, Естественные и сверхъестественные вещи, Микрокосм и т. д. 8vo. Лондон, 1671.
- — Триумфальная колесница сурьмы. 8vo. 1656.
- — Scripta Chimica. 8vo. Гамбург, 1700.
- Валлерлис (В.) — Lulliam Explicano. 4to. Август, 1589.
- Вандерлинден — De Scriptis Medecis. 4to. Нюрнберг, 1686.
- Ваннер (Т.) — Путь к долгой жизни. 4to. Лондон, 1623.
- Ваннуцио Пиротехния делла Минере. 4to. Венеция, 1540.
- Варгас (Б. П.) — De Re Metallica. 8vo. Мадрид, 1569.
- Вигам из Вероны — Medulla Chymicæ. Лондон, 1683.
- Вигенерас (Б.) — О настоящем огне и соли. Лондон, 1649.
- Вигани (Дж. А.) — Medulla Chymicæ. Луга. Бата, 1693.
- Вилланова (Арнольд де) — Opera Omnia — Превращение металлов, Розарий (), Зеркало (Speculum), Вопросы (Questions), Цветы цветов (Flos Florum) и др. Фолиант. Люг, 1520.
- Виллановани (Петри), составитель — Speculum. Дуэ, 1626.
- Виттенштейн — De Quinta Essentia. 8vo. Базилис, 1582.
- Вогелий (Эвал.) — De Lapide Physici. Колон., 1575.
- Вондербеет (Д.) — Эксперимента. Феррария, 1688.
- Валлерус — Chemia Physica. 8vo. Лондон.
- Вода — Водяной камень мудрецов. 8vo. Лондон, 1659.
- История металлов Уэбстера. 4to. Лондон, 1671.
- Веккер (доктор из Базеля) — Секреты. 8vo. Лион, 1643.
- Вайденфельд (J. J.) — Секреты адептов. 4to. Лондон, 1685.
- Вайднер (Дж.) — De Arte Chimica. 4to. Базель, 1610.
- Викфбейн (Дж. П.) — Саламандра. Нюрнберг, 1683.
- Уильямс (У.) — Оккультная физика. 8vo. Лондон, 1660.
- Уиллис (Т.) — Теофизическая алхимия. 8vo. Лондон, 1616.
- — Opera Omnia Medicin. 2 т. Люгн., 1681.
- Уилсон (Г.) — Триста неизвестных экспериментов. Лондон, 1699.
- Вирдиг (Себас.) — Medicina Spiritum. Нюрнберг, 1675.
- Виттенштейн (К.) — De Quinta Essentia. 8vo. Базиль, 1583.
- Виттихиус (J.) — De Lapide Philos. 8vo. Франкфурт, 1625.

- Захария — *Clavis Spagirica*. 4to. Венеция, 1611.
- Захарии (Д., *адепт*) — *La Vraie Philosophie des Metaux*. 8vo. Антверпен, 1567.
- — *De Chimico Miraculo*. 8vo. Базилия, 1583.
- Задит — *Antiquissimi Philos.* 8vo. Аргентина, 1566.
- Зелатор (Дж.) — *Alchemistici*. 8vo. Базилия, 1606.

- *Примечание.* Названия некоторых из перечисленных выше трактатов были искажены первоначальными библиографами, и ввиду крайней редкости большинства алхимических книг исправить все ошибки оказалось невозможно.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.

Жизнь Дени Закере стала предметом интересного и хорошо написанного романа «Профессор алхимии» авторства «Перси Росс», недавно опубликованного г-ном Джорджем Редвеем. Жизнь великого адепта после завершения им Великого дела подробно описана, причем, по-видимому, М. Луи Фигье является авторитетным источником фактов по этому делу. Французский писатель изображает алхимика как человека, который отправился в Лозанну, где влюбился в молодую и красивую даму, которую он увез из Швейцарии в Германию, а затем полностью предался разгульной и безрассудной жизни, которая трагически закончилась в Кельне в 1556 году. Он был задушен во сне своим пьяным двоюродным братом, который сопровождал его в путешествиях и завидовал его богатству и любовнице. Убийца сбежал вместе с дамой, которая, по-видимому, была его сообщницей. Единственным источником этой истории, по-видимому, является стихотворение Мардоше де Делле, который был привязан к двору Рудольфа II как своего рода лауреат. Вполне вероятно, что это всего лишь выдумка поэта; в трезвом трактате Дени Закере, написанном в тот период, нет ничего, что подтверждало бы рассказ о его расточительности.

II.

Рукописный том под названием «Египетское масонство» вместе с другими бумагами Калиостро попал в руки инквизиции и был торжественно осужден в приговоре как содержащий обряды, предложения, доктрину и систему, которые открывали широкий путь к мятежу и были рассчитаны на уничтожение христианской религии. Книга была охарактеризована как суеверная, богохульная, нечестивая и еретическая. Она была публично сожжена руками палача вместе с инструментами, принадлежавшими секте «». Однако некоторые ценные подробности, касающиеся этой книги, сохранились в итальянской биографии; они воспроизведены из оригинальных материалов, опубликованных в Риме по приказу Апостольской камеры.

«Возможно, необходимо привести некоторые подробности, касающиеся египетского масонства. Мы извлечем факты из книги, составленной им самим и находящейся сейчас в нашем распоряжении, в которой он признает, что всегда руководствовался в исполнении своих функций, и из которой были скопированы те правила и инструкции, которыми он обогатил многие материнские ложи. В этом трактате, написанном на французском языке, он

обещает привести своих учеников к совершенству посредством физического и нравственного возрождения, даровать им вечную молодость и красоту и вернуть им то состояние невинности, которого они были лишены в результате первородного греха. Он утверждает, что египетское масонство было впервые распространено Енохом и Илией, но с тех пор оно утратило большую часть своей чистоты и великолепия. По его мнению, обычное масонство деградировало до простой буффонады, а женщины в последнее время были полностью исключены из его таинств; но теперь настало время, когда великий копт собирался восстановить славу масонства и позволить обоим полам участвовать в его благах.

«Затем следуют уставы ордена, деление членов на три отдельных класса, различные знаки, по которым они могут узнавать друг друга, должностные лица, которые должны председательствовать и регулировать общество, установленные сроки, когда члены должны собираться, создание трибунала для разрешения всех разногласий, которые могут возникнуть между несколькими ложами или отдельными членами каждой из них, а также различные церемонии, которые должны проводиться при приеме кандидатов. В каждой части этой книги благочестивый читатель испытывает отвращение к кощунству, богохульству, суеверию и идолопоклонству, которыми она изобилует — призываниям во имя Бога, поклонам, почитанию Великого Магистра, окуриванию, курению ладана, экзорцизмы, символы Божественной Троицы, луны, солнца, циркуля, квадрата и тысячи других скандальных деталей, с которыми мир в настоящее время хорошо знаком.

«Великий Копт, или глава ложи, сравнивается с Богом Отцом. Его призывают при каждом случае; он регулирует все действия членов и все церемонии ложи, и даже предполагается, что он общается с ангелами и Божеством. При выполнении многих обрядов от них требуется повторять *Veni* и *Te Deum* — нет, они обязаны совершать такое чрезмерное безбожие, что при чтении псалма *Memento Domine David* имя Великого Магистра всегда заменяется именем царя Израиля.

«В общество египетских масонов принимаются люди всех религий — евреи, кальвинисты, лютеране, а также католики — при условии, что они верят в существование Бога и бессмертие души и ранее были допущены к участию в тайнах обычного масонства. Когда мужчины принимаются в общество, они получают от Великого Копта пару подвязок для своих любовниц, как это принято во всех ложах, а когда в общество принимаются женщины, Великая Магистр дарит им кокарду, которую они должны подарить тому мужчине, к которому они наиболее привязаны.

«Здесь мы расскажем о церемониях, проводимых при приеме женщин.

«После того как кандидатка представилась, Великая Магистр (обычно эту роль исполняла мадам Калиостро) дышит ей в лицо от лба до подбородка, а затем говорит: «Я дышу на вас с целью вдохновить вас добродетелями, которыми мы обладаем, чтобы они укоренились и процветали в вашем сердце. Таким образом, я укрепляю вашу душу, я утверждаю вас в вере ваших братьев и сестер, в соответствии с обязательствами, которые вы взяли на себя перед ними. Теперь мы принимаем тебя как дочь египетской ложи. Мы приказываем, чтобы все братья и сестры египетских лож признавали тебя в этом качестве и чтобы ты пользовалась с ними теми же привилегиями, что и с нами».

Великий магистр обращается к кандидату-мужчине: «В силу власти, полученной мною от Великого Копта, основателя нашего ордена, и по особой милости Божьей, я тем самым удостоаиваю тебя чести быть принятым в нашу ложу во имя Гелиоса, Мене, Тетраграмматона».

В книге, которая, как говорят, была напечатана в Париже в 1789 году, утверждается, что последние слова были подсказаны Калиостро как священные и каббалистические выражения мнимым чародеем, который сказал, что ему помогал дух, и что этот дух был не кто иной, как душа каббалистического еврея, который с помощью магического искусства убил своего собственного отца до воплощения Иисуса Христа.

Обычные масоны привыкли считать святого Иоанна своим покровителем и праздновать день этого святого. Калиостро также принял его в качестве своего покровителя, и весьма примечательно, что он был заключен в тюрьму в Риме именно в день своего покровителя. Причиной его почитания этого великого пророка, если верить ему самому, было большое сходство между Апокалипсисом и обрядами его учреждения.

«Здесь мы должны отметить, что когда кто-либо из его учеников принимался в высший класс, происходила следующая отвратительная церемония. Находили молодого юношу или девушку, находящихся в состоянии девственной невинности и чистоты, которых называли учениками и которым давали власть над семьей духов, окружающими трон божества и управляющими семьей планетами. Согласно книге Калиостро, их имена — Анаэль, Михаэль, Рафаэль, Габриэль, Уриэль, Зобиахель и Анахиэль. Затем ученик используется в качестве посредника между духовным и физическим мирами, и, одетый в длинную белую мантию, украшенную красной лентой и голубыми шелковыми гирляндами, он запирается в маленькой комнате. Оттуда он дает ответ Великому Магистру и сообщает, согласились ли духи и Моисей принять кандидатов в высший класс египетских масонов...

«В своих наставлениях о достижении нравственного и физического возрождения, которое он обещал своим ученикам, он чрезвычайно тщательно описывает операции, которым они должны подвергнуться. Те, кто желает испытать нравственное возрождение, должны удалиться от мира на сорок дней и распределить свое время в определенных пропорциях. Шесть часов должны быть посвящены размышлениям, три — молитве Богу, девять — священным операциям египетского масонства, а остальное время — отдыху. В конце тридцати трех дней между пациентом и семьей первобытными духами должно произойти видимое общение, а утром сорокового дня его душа будет наполнена божественным знанием, а его тело станет чистым, как у новорожденного младенца.

«Чтобы добиться физического возрождения, пациент должен уехать за город в мае и в течение сорока дней жить по самым строгим и аскетическим правилам, очень мало есть, употребляя только слабительные и целебные травы, и пить только дистиллированную воду или дождевую воду, выпавшую в течение месяца. На семнадцатый день, после кровопускания, следует принимать определенные белые капли, шесть вечером и шесть утром, увеличивая их количество на две в день. Через три дня перед восходом солнца снова нужно пустить небольшое количество крови из руки, и пациент должен лечь в постель до завершения операции. Затем нужно принять зерно *панацеи*; эта панацея такая же, как та, из которой Бог создал человека, когда впервые сделал его бессмертным. После проглатывания этого зерна кандидат теряет речь и способность к размышлениям на целых три дня и подвергается частым судорогам, мучениям и потливости. Оправившись от этого состояния, в котором, однако, он не испытывает никакой боли, на тридцать шестой день он принимает третье и последнее зерно панацеи, которое вызывает у него глубокий и спокойный сон; именно тогда он теряет волосы, кожу и зубы. Все это восстанавливается в течение нескольких часов, и, став новым человеком, на утро сорокового дня он покидает свою комнату, наслаждаясь полным омоложением, благодаря которому он может прожить 5557

лет или до того момента, когда он по собственному желанию захочет отправиться в мир духов».

О ложе масонов, обнаруженном в Риме.

В последней главе итальянской биографии Калиостро, которая появилась до смерти ее героя, содержится любопытный и интересный рассказ под вышеуказанным названием. Ложа находилась в квартале города под названием Святая Троица Горная. Ее посетили в ночь ареста Калиостро, но члены ложи, очевидно, были предупреждены заранее; они приняли меры для обеспечения своей личной безопасности, убрали символы своего ремесла и большую часть своих книг и бумаг, которые, по словам автора, возможно, содержали секреты большой важности. Тем не менее, инквизиция утверждает, что обладает достоверной информацией о происхождении, создании и других подробностях этой ложи, частично полученной из показаний «множества хорошо информированных лиц».

Основателей было семь: пять французов, один американец и один поляк, все из которых ранее были посвящены в другие ложи. Она приняла название «Ложа воссоединения истинных друзей», и первое собрание состоялось 1 ноября 1787 года. Немедленно были приняты прозелиты, в том числе кандидаты, которые не были приняты ни в одно другое общество «». Число членов быстро увеличивалось, и для того, чтобы зарегистрировать ложу со всеми необходимыми формальностями, было получено одобрение от материнской ложи в Париже, и в этот город был отправлен заместитель в качестве ее представителя. Письма доставлялись специальными курьерами. В реестре архивов, хранящихся под тремя замками, упоминается, что в них хранились устав, тайны и символы, переданные из Парижа, а также все наиболее интересные речи, произнесенные в ложе. Однако утверждается, что в данном случае египетская ложа не имела особых характеристик. Список ее должностных лиц был следующим:

1. Достопочтенный, или Великий Магистр.
2. Суперинтендант, или заместитель Великого Магистра.
3. Ужасный.
4. Мастер церемоний.
5. Казначей.
6. Милосердный.
7. Секретарь.
8. Оратор, или экспортный брокер.

Вся ложа состояла из двух комнат, или залов. Первая называлась Камерой размышлений. На столе лежала череп, а над ним были две надписи на французском языке, имевшие тайное значение. Вторая комната называлась Храмом; она была украшена в соответствии с различными обрядами, которые в ней совершались. Во всех случаях в ней был установлен трон, на котором постоянно сидел Почтенный. Стены украшали некоторые символы масонства, среди которых были солнце, луна и планеты. По обе стороны трона были установлены несколько великолепных колонн, а напротив них были выстроены в ряд братья, каждый из которых был одет в кожаный фартук и черную ленту в виде диаконской столы на шее, а в руках, покрытых парой белых перчаток, они размахивали обнаженным мечом, молотком или циркулем, в соответствии с различными формальностями, предписанными учреждением.

Инквизиция, по-видимому, не была знакома с тайными знаками и пропусками.

Тернбулл и Спирс, типография, Эдинбург.

ИЗДАНО Г-НОМ ДЖОРДЖОМ РЕДВЭЙ.

С иллюстрациями. Корона 8vo. Историко-символическое переплетение. 454 стр., цена 7 шиллингов 6 пенсов.

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОЗЕНКРЮЦАНЦЕВ. Основана на их собственных манифестах, а также на фактах и документах, собранных из писаний посвященных братьев. Автор: АРТУР ЭДУАРД УЭЙТ.

«Мы хотим высказаться о работе г-на Уэйта с величайшим уважением в отношении честности, беспристрастности и глубокой эрудиции. Г-н Уэйт впервые представил документы, связанные с розенкрейцерством, в полном объеме». — *Literary World*.

«В истории Братства Розы есть что-то таинственное и завораживающее». — *Saturday Review*.

«Любопытная и интересная история о деятельности таинственного общества в те времена, когда люди были более готовы верить в сверхъестественные явления, чем высокообразованные, практичные люди сегодняшнего дня». — *Morning Post*.

Крон 8vo, в твердом переплете, с фронтисписом, цена 7 шиллингов 6 пенсов. Третье издание, переработанное и дополненное.

МАГИЯ, БЕЛАЯ И ЧЕРНАЯ; или Наука о конечной и бесконечной жизни, содержащая практические советы для студентов оккультизма. Автор: ФРАНЦ ХАРТМАНН, доктор медицины.

«Магия» доктора Хартмана, по сравнению с «Светом на пути», представляет собой объемный фолиант; на его плотно напечатанных страницах студенты оккультизма найдут советы, «практические» и иные, которые, вероятно, будут им очень полезны в их изучении и исследованиях. Целью автора при написании этой книги было не просто составить кодекс этики и тем самым увеличить и без того огромную гору непрочитанных моральных заповедей, а помочь изучающим оккультизм изучить элементы, из которых состоит их собственная душа, и научиться познавать свой физический организм. Я хочу дать импульс изучению науки, которую можно назвать «анатомией и физиологией души», которая исследует элементы, из которых состоит душа, и источник, из которого проистекают желания и эмоции человека». Сборник доктора Хартмана — это «попытка показать, как человек может стать соработником Божественной Силы, продуктом которой является Природа», и его страницы, как он сам описывает, «составляют книгу, которая вполне может носить название «Магия», потому что, если читатели сумеют на практике следовать ее учениям, они смогут совершить величайший из всех магических подвигов — духовное возрождение Человека». Книга доктора Хартмана также вышла в третьем издании и превратилась из незначительной

брошюры, «первоначально написанной с целью продемонстрировать нескольким неопытным исследователям, что изучение оккультной стороны природы не тождественно гнусным практикам колдовства», в обширный том, включающий, как мы готовы поверить, всю философскую систему оккультизма. Есть множество свидетельств того, что наука теософии в последние годы сделала огромные шаги в общественном признании и что те, кто желает экспериментировать в этой особой и во многих отношениях увлекательной области этики, имеют лидеров, чьему учению они могут следовать с удовлетворением для себя». — *Saturday Review*.

Крон 8vo, ткань, цена 7 шиллингов 6 пенсов.

POSTHUMOUS HUMANITY; A Study of Phantoms (Посмертное человечество; Исследование призраков). Автор: АДОЛЬФ Д'АСИЕР, член Бордоской академии наук. Перевод и аннотации: ГЕНРИ С. ОЛКОТТ, президент Теософского общества. К книге добавлено приложение, в котором представлены популярные в Индии верования о посмертных превращениях человеческого существа.

Истина гласит: «Если вам нравятся истории о привидениях, должным образом подтвержденные, прекрасно рассказанные и научно объясненные, вам следует прочитать перевод полковника Олкотта книги М. Адольфа д'Асьера «Посмертная человечность», исследование призраков. Нет догматизма более упорного и оскорбительного, чем догматизм явного скептика — особенно научного скептика, — который *по определению* должен держать двери своего разума гостеприимно открытыми; поэтому так приятно найти таких ученых, как Уоллес, Крукс и М. д'Асье, который является позитивистом, в рядах сторонников психических исследований. Что касается меня, то, хотя я посетил сеанс известного лондонского медиума и убедился там без всякого сомнения в его обмане, я не считаю, что разоблачение мошенничества медиума решает весь вопрос о призраках и т. п., так же как разоблачение атеистического священника решает весь вопрос о христианстве. Однако какую бы точку зрения вы ни заняли в этом споре, я могу обещать вам, что вы найдете эту книгу по крайней мере интересной, если не убедительной.»

Pott 8vo, ткань, мягкая обложка, цена 1 шиллинг 6 пенсов.

СВЕТ НА ПУТИ. Трактат, написанный для личного пользования теми, кто не знаком с восточной мудростью и желает войти под ее влияние. Написан М. К., членом Теософского общества. Новое издание с примечаниями автора.

«Насколько мы можем понять из мистического языка, на котором она написана, «Свет на пути» предназначена для того, чтобы направлять шаги тех, кто отверг формы религии, сохранив при этом моральные принципы в полной мере. Она находится в гармонии со многим из того, что говорили Сократ и Платон, хотя автор не использует фразеологию этих философов, а скорее язык буддизма, легко понятный эзотерическим буддистам, но трудный для понимания теми, кто не принадлежит к этому кругу. Мы считаем, что «Свет на пути» можно назвать единственной попыткой в этом языке и в этом веке выразить практический оккультизм словами; и в качестве дополнительного пояснения можно добавить, что характер Гаутамы Будды, как он показан в книге сэра Эдвина Арнольда «Свет Азии», является идеальным типом существа, достигшего порога Божественности () по этому пути. Тот факт,

что книга вышла в третьем издании, говорит в пользу этой «*multum in parvo*» науки оккультизма; и можно ожидать, что «М. С.» в будущем завоюет новые лавры». — *Saturday Review*.

Крон 8во, ткань, цена 6 шиллингов.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН.

ПРОФЕССОР АЛХИМИИ (Дени Закэр).

Автор: ПЕРСИ РОСС, автор книг «Комедия без смеха» и «Ошибочная девушка».

«Умная история... Герой — алхимик, которому действительно удается изготовить чистое золото». — *Court Journal*.

«Мрачный и сказочный». — *Athenæum*.

«Интересная и трогательная картина». — *Literary World*.

«История совершенно трагична и рассказана очень убедительно». — *Westminster Review*.

«Яркая картина тех плохих старых времен». — *Knowledge*.

«Обязательно найдет свою аудиторию среди читателей с похожими вкусами». — *Graphic*.

«Это история любви — глубокой, вечной, очищающей любви — не без оттенков Фауста. Фигура его жены Беренгарии благородна и трогательна, а ее чистота и милосердие ярко выделяются на фоне мрачной алхимической лаборатории и ужасов страшной инквизиции, в руки которой она попадает. Однако романтика тигля не пропитана только серными парами и не окрашена тартарейским дымом. В ней часто присутствуют очень драматические элементы». — *Glasgow Herald*.

Дету 8во, скошенная ткань, позолота, цена 10 шиллингов 6 пенсов.

ТАЙНЫ МАГИИ: Сборник сочинений Элифаса Леви. С биографическим и критическим очерком АРТУРА ЭДУАРДА УЭЙТА.

Газета «Morning Post» пишет: «Среди многих выдающихся людей, прославившихся благодаря своим реальным или мнимым навыкам в черной магии, вероятно, никто не обладает более странным и непримиримым характером, чем французский маг Альфонс Луи Констан. Более известный под еврейским псевдонимом Элифас Леви Захед, этот увлеченный изучающий запретное искусство вызвал некоторый резонанс во Франции и даже в Лондоне, и к нему часто обращались те, кто был склонен доверять его репутации мага. Его работы по магии являются произведениями несомненного гения и раскрывают философию, прекрасную по своей концепции, хотя и полностью противоположную принципам здравого смысла. В этих сочинениях содержится такой огромный запас знаний и привлекательных рассуждений, что г-н Артур Уэйт опубликовал их сборник для английских читателей. Этот джентльмен не пытался сделать буквальный перевод во всех случаях, но составил том, который, воспроизводя с достаточной точностью большую часть наиболее

интересных работ, дает отличное представление о масштабе всего литературного наследия энтузиаста, к которому он испытывает глубокое восхищение.

«Что касается содержания настоящего тома, то в нем нет ничего, что могло бы навести на мысль о сере. Не нужно опасаться, что, оставив эту книгу в доме, предприимчивые члены семьи начнут произносить заклинания в мистических одеждах с помощью Абракадабра, пентаграммы и ладана. На самом деле, Элифас снова и снова выступает против любительских попыток заняться магией. Однако читатель может с пользой внимательно изучить ученые диссертации М. Констана о герметическом искусстве, рассматриваемом как религия, философия и естественная наука. Как религию Элифас считает его религией древних магов и посвященных всех веков; как философию — его принципы прослеживаются в Александрийской школе и в теориях Пифагора; как науку — он указывает на методы, которые можно найти у Парацельса, Николая Фламеля и Раймунда Луллия. Учитывая недавние замечательные проявления месмерического влияния и чтения мыслей, вполне вероятно, что вдумчивый читатель найдет в трудах этого культурного и любезного мага ключ к тайне многих проявлений колдовства, которые раньше вызывали удивление и ужас в сердцах простых людей, жаждущих увидеть и готовых поверить в сверхъестественные силы».

Фсар. 8vo, ткань, цена, включая колоду из 78 карт, 5 шиллингов.

КАРТЫ ДЛЯ ГАДАНИЯ — ТАРО; их оккультное значение, использование в гадании, метод игры и т. д. Автор: С. Л. Макгрегор Мазерс.

«Дизайн двадцати одной козырной карты чрезвычайно необычен; чтобы дать некоторое представление о том, как г-н Мазер использует их в гадании, необходимо упомянуть их в деталях, вместе с общим значением, которое он придает каждой из них. Будущий картомант может затем сделать свои собственные выводы и найдет значительную свободу для их формулирования в соответствии со своими предпочтениями. Следует также упомянуть, что каждая из карт в перевернутом положении передает значение, противоположное ее первоначальному значению. № 1 — Батлер или Жонглер, также называемый Пагад; последнее название приводится графом де Гебелином в доказательство восточного происхождения Таро, поскольку оно происходит от PAG, вождь или мастер, и GAD, удача. Жонглер символизирует Волю. 2. Верховная жрица, или женский Папа, олицетворяет Науку, Мудрость или Знание. 3. Императрица является символом Действия или Инициативы. 4. Император олицетворяет Реализацию или Развитие. 5. Иерофант или Папа является символом Милосердия и Благодеяния. 6. Влюбленные означают мудрое расположение духа и преодоленные испытания. 7. Колесница представляет триумф, победу над препятствиями. 8. Фемида или Справедливость символизирует равновесие и справедливость. 9. Отшельник обозначает благоразумие. 10. Колесо Фортуны представляет удачу, хорошую или плохую. 11. Мужество символизирует силу или могущество. 12. Повешенный — человек, висящий вниз головой за одну ногу — означает преданность, самопожертвование. 13. Смерть означает преобразование или изменение. 14. Умеренность олицетворяет сочетание. 15. Дьявол — это образ судьбы или рока. 16. Башня, пораженная молнией, также называемая Maison-Dieu, означает разрушение, разлад. 17. Звезда — это символ надежды. 18. Луна символизирует сумерки, обман и заблуждение. 19. Солнце означает земное счастье. 20. Страшный суд означает обновление, решение вопроса. 21. Вселенная олицетворяет завершение и награду. 0. Глупец означает искупление или колебание. Отдельные значения с их соответствующими

противоположностями также привязаны к каждой из остальных карт в колоде, так что когда они разданы и расставлены в любой из комбинаций, рекомендованных автором для целей гадания, спрашивающий должен только использовать этот маленький том в качестве словаря, чтобы прочитать свою судьбу». — *Saturday Review*.

ДЖОРДЖ РЕДВЕЙ, ЙОРК-СТРИТ, КОВЕНТ-ГАРДЕН.

Примечания переписчика:

Незначительные ошибки и пропуски в пунктуации были исправлены.

Несогласованные дефисы были сохранены из текста.

Несоответствия и ошибки в правописании были сохранены из текста.

Стр. 288: «Guinaldi (J.)—Dell' Alchimia Opera. 4to. Palermo, 1645.» размещено в алфавитном порядке.

Исправления, указанные в предисловии с указанием конкретной страницы и строки, относятся к следующим исправлениям в главе об Эйренте Филалете:

«тайны в 1643 году» должно было быть «тайны в 1645 году»

«утверждалось, что следует читать *trigesimo anno*» должно было быть «утверждалось, что следует читать *anno trigesimo tertio*»

«вместо *vigesimo anno*» должно было быть «вместо *anno vigesimo tertio*»